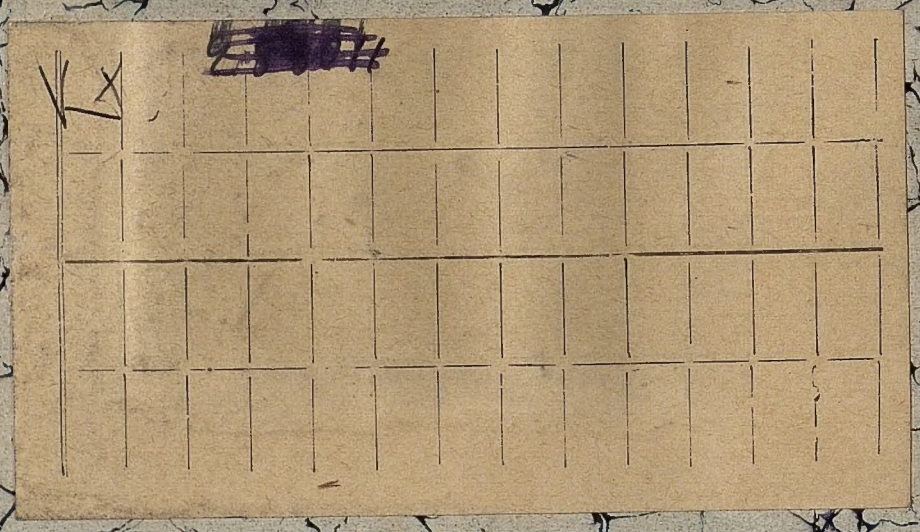
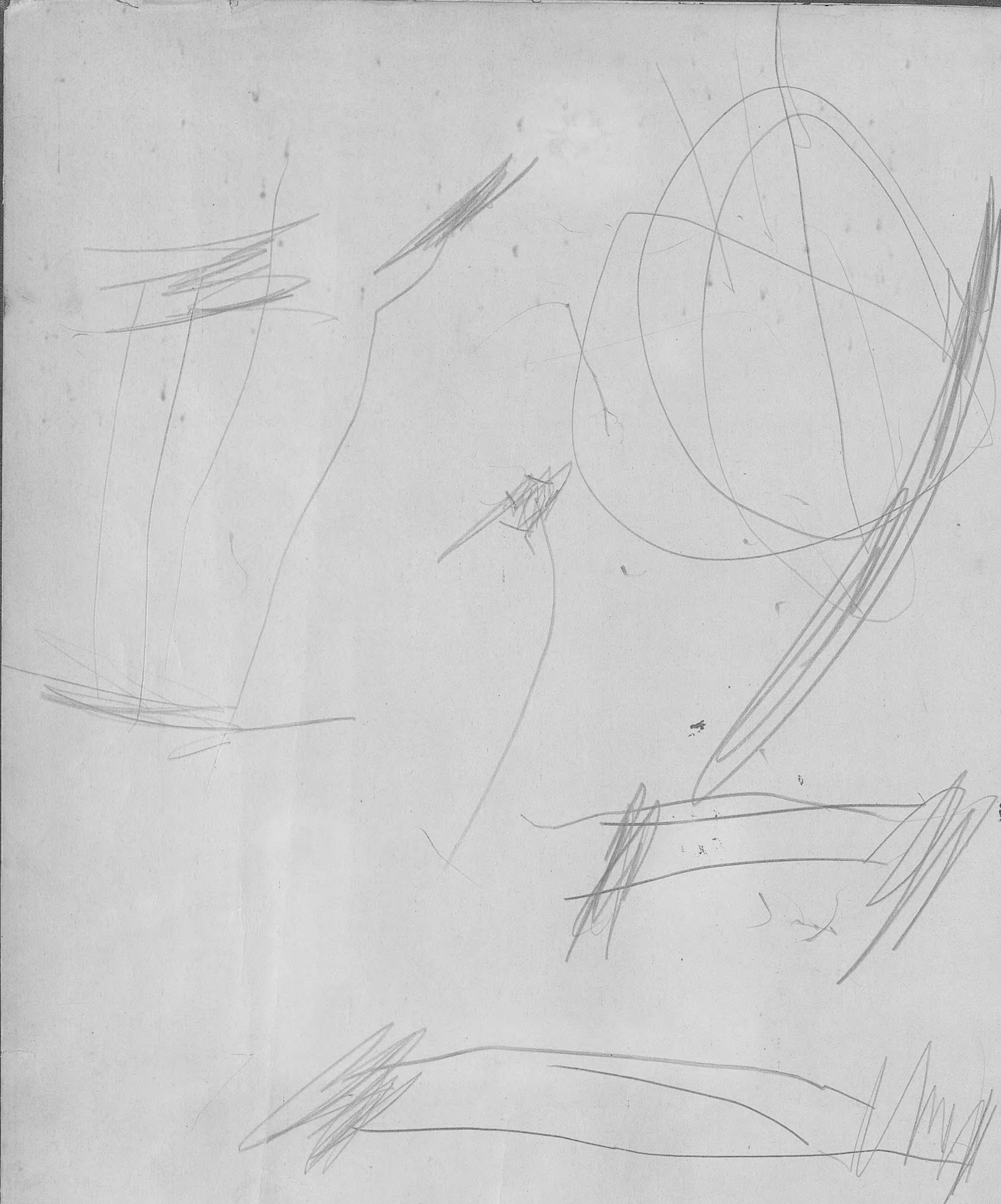
947
Ц200

ПЪТЬ ПРОЗРѢНІЯ





ЦАРЬ ІОАННЪ ГРОЗНЫЙ

ЕГО ЦАРСТВОВАНІЕ, ЕГО ДѢЯНІЯ, ЕГО ЖИЗНЬ, СОВРЕМЕННИКИ И ДѢЯТЕЛИ ВЪ ПОРТРЕТАХЪ, ГРАВЮРАХЪ, ЖИВОПИСИ, СКУЛЬПТУРѢ, ПАМЯТНИКАХЪ ЗОДЧЕСТВА И ПР. И ПР. ПОДЪ РЕД. Н. ГОЛОВИНА И Л. М. ВОЛЬФА.

п 84 г.

947
Ц 200

ИЗДАНІЕ
ПОСТАВЩИКОВЪ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ • МОСКВА

81281
69
49 г

БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ „НОВЫЙ МІРЪ“.

РУССКІЙ МУЗЕЙ
ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III

158 картинъ, воспроизведенныхъ художественною автотипіею Товарищества М. О. ВОЛЬФЪ

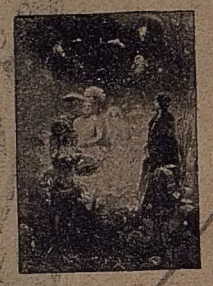
съ объяснительнымъ текстомъ

Н. Н. БРЕШКО-БРЕШКОВСКАГО

Въ предлагаемомъ изданіи воспроизведено все то, что составляетъ гордость и славу музея и, вмѣстѣ съ тѣмъ, гордость и славу русскаго искусства. Текстъ-же—даетъ не только объясненіе самыхъ картинъ, но и какъ бы краткую исторію русской живописи.

Внѣшній видъ изданія, его форматъ, обиліе снимковъ, печать и пр. даютъ возможность причислить «Русскій музей» къ интереснѣйшимъ русскимъ роскошнымъ изданіямъ.

Великолѣпное изданіе in-folio, въ коленкоровомъ, тисненномъ золотомъ переплетѣ . . . . . **6 руб.**



КАРТИННАЯ ГАЛЛЕРЕЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
ЭРМИТАЖА

Съ картинами, воспроизведенн. по фотографіямъ А. Брауна художественною автотипіею Товарищества М. О. ВОЛЬФЪ

съ орнаментами и инициалами по образцамъ XVI и XVII вѣковъ, съ объяснительнымъ текстомъ П. В. Деларова.

Роскошное изданіе in-folio, въ перепл. . . . **6 руб.**

ГРАФЪ Л. Н. ТОЛСТОЙ

Великій писатель Русской Земли, его жизнь, семья, друзья, критики и толкователи—въ портретахъ, гравюрахъ, медаляхъ, живописи, скульптурѣ, каррикатурахъ и т. д. Съ 300 иллюстраціями.

Передъ глазами зрителя или читателя въ альбомѣ проходитъ, точно въ калейдоскопѣ, вся жизнь графа Л. Н. Толстого, проходятъ всѣ событія его литературной карьеры, всѣ важнѣйшіе эпизоды и факты его личной жизни. Что касается текста, то онъ представляетъ собою лишь поясненіе къ рисункамъ, цѣль котораго—дать возможность оріентироваться среди громадной массы иллюстраціоннаго матеріала.

Большой альбомъ въ коленкоровомъ, тисненномъ золотомъ переплетѣ . . . . . **2 руб. 25 к.**

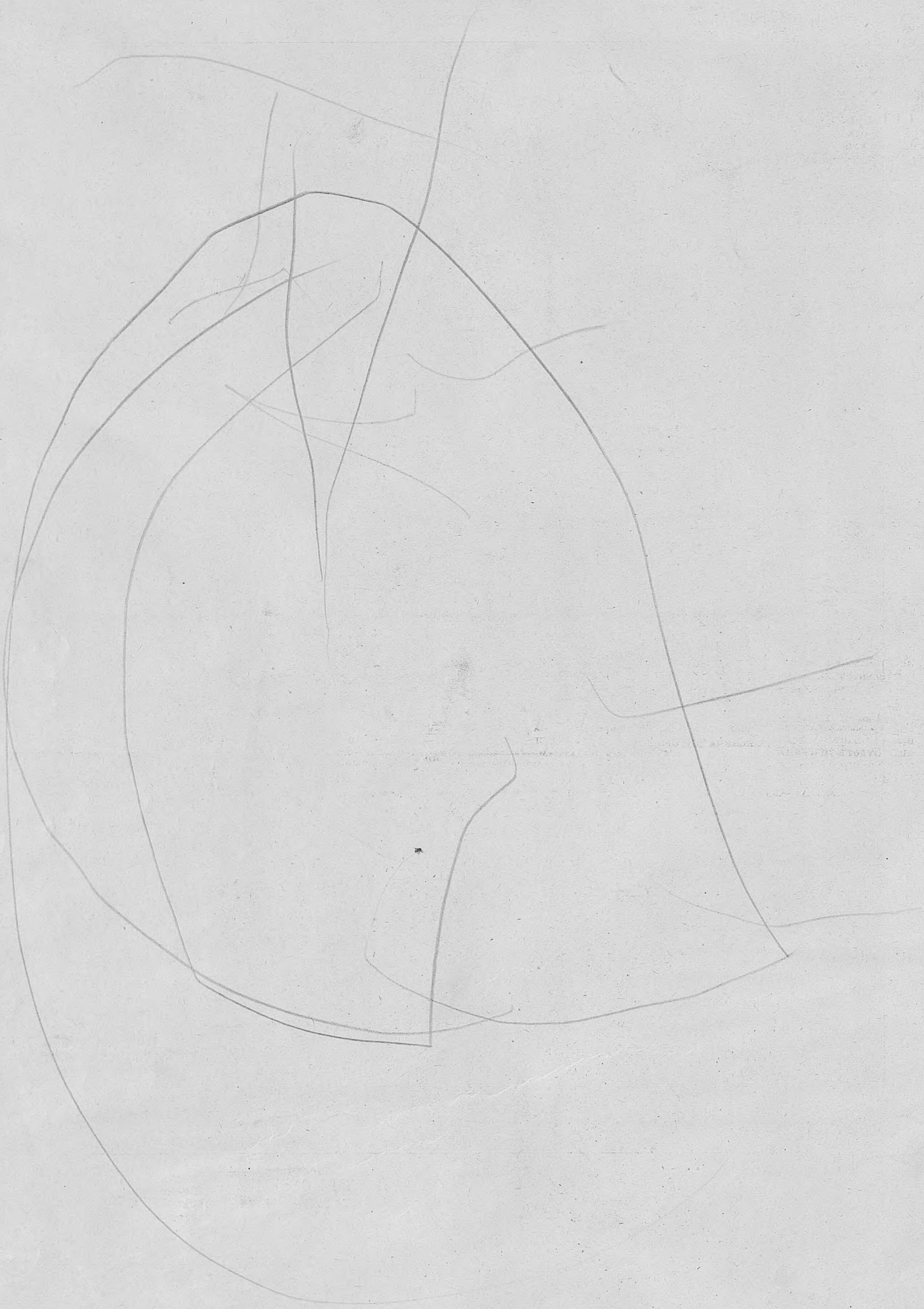
КАМЕННЫЙ ВЫЖЖЕННЫЙ ОРНАМЕНТЪ ВЪ ЦАРСКОЙ ГРОБНИЦѢ ВЪ АРХАНГЕЛЬСКОМЪ СОБОРѢ ВЪ МОСКВѢ.

СОДЕРЖАНІЕ

Вступленіе . . . . . 1—4
Содержаніе . . . . . 5—8
Отецъ Іоанна Грознаго . . . . . 9—10
Лицевыя изображенія царя Іоанна . . . . . 11—15
Вѣнчаніе на царство 16
Печати царя Іоанна 17
О женахъ царя Іоанна . . . . . 18—19
Планы Москвы 21
Походы противъ Казани . . . . . 22—31
Походъ противъ Астрахани 33
Ливонская война . . . . . 34—47
Сношенія царя Іоанна съ Западомъ . . . . . 48—49
Покореніе Сибири . . . . . 50—53
Опричина . . . . . 54—58
Александровская слобода 59
Сынъ Іоанна Грознаго . . . . . 62—63
Начало книгопечатанія 65
Смерть Іоанна Грознаго . . . . . 66—67

ІОАННЪ ГРОЗНЫЙ.
СТАТУЯ М. М. АНТОКОЛЬСКАГО.

ЦЕНТРАЛЬНОЕ КНИГОХРАНИЛИЩЕ
Моск. Обл. Библиотеки



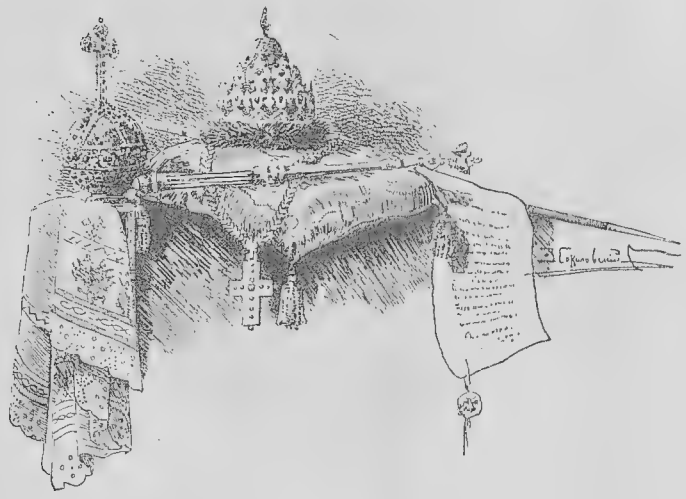
ЦАРЬ ІОАННЪ ГРОЗНЫЙ

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
Моск. Об-ва Любителей

ІОАННЪ ГРОЗНЫЙ.
Этюдъ В. М. Васнецова. Третьяковская галлерея.

ЦАРЬ ІОАННЪ ГРОЗНЫЙ

ЕГО ЦАРСТВОВАНІЕ, ЕГО ДѢЯНІЯ, ЕГО ЖИЗНЬ, СОВРЕМЕННИКИ И ДѢЯТЕЛИ ВЪ ПОРТРЕТАХЪ, ГРАВЮРАХЪ, ЖИВОПИСИ, СКУЛЬПТУРѢ, ПАМАТНИКАХЪ ЗОДУЕСТВА И ПР. И ПР. ПОДЪ РЕД. Н. ГОЛОВИНА И Л. М. КОЛЬФА.



ИЗДАНІЕ
Поставщиковъ Его Императорскаго Величества
ТОВАРИЩЕСТВА М·О·КОЛЬФЪ
· С·ПЕТЕРБУРГЪ · · МОСКВА ·

Въ богатой литературѣ о Іоаннѣ Грозномъ до сихъ поръ былъ чувствительный пробѣлъ: не существовало сочиненія, въ которомъ были бы сгруппированы, собраны вмѣстѣ и размѣщены въ извѣстной системѣ копіи со всѣхъ выдающихся произведеній искусства, относящихся къ Грозному, снимки характерныхъ грамотъ его времени, виды Москвы, московскихъ храмовъ и дворцовъ его эпохи и пр. и пр.—вообще сочиненія, въ которомъ былъ бы собранъ такъ-называемый иконографическій матеріалъ, имѣющій громадное значеніе, какъ наглядная иллюстрація эпохи и царствованія этого загадочнаго царя.

Пополнить этотъ пробѣлъ—составляетъ цѣль настоящаго изданія. Въ опредѣленной, строго выработанной системѣ, здѣсь воспроизведено все то, что такъ или иначе можетъ дать понятіе о Грозномъ, можетъ служить къ уясненію его дѣяній или мѣропріятій, его исторической роли и пр. Главнымъ образомъ въ настоящемъ изданіи обращено вниманіе на возможно полное собраніе всѣхъ *современныхъ*, частью чрезвычайно рѣдкихъ гравюръ, какъ на наиболѣе достовѣрный, такъ-сказать документальный иконографическій матеріалъ. Изъ произведеній же новѣйшаго искусства взято все крупное, существенное, важное. Такимъ образомъ получилась полная картина царствованія Іоанна въ гравюрахъ, портретахъ произведеніяхъ живописи, памятникахъ зодчества и т. д. и т. д.

Текстъ, сопровождающій помѣщенныя въ изданіи иллюстраціи, имѣетъ цѣлью очертить какъ исторію жизни и царствованія Грознаго на основаніи новѣйшей о немъ литературы, такъ и пояснить самыя иллюстраціи.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 15 ноября 1904 года.

Типографія Товарищества М. О. Кольфъ. С.-Петербургъ, В. О., 16 л., д. 5—7.

ВСТУПЛЕНІЕ

Въ ряду загадочныхъ образовъ видныхъ государственныхъ дѣятелей русскаго прошлаго, кровавая, эффектная личность Грознаго выдѣляется особенно ярко, приковываетъ къ себѣ исключительное вниманіе своей двойственностью, своей, если можно такъ выразиться, величавой преступностью, мучительной сложностью своихъ чувствъ, мыслей и побужденій. Недаромъ страшная загадка этой несомнѣнно недюжинной, но также несомнѣнно помраченной души тревожила столько великихъ умовъ, столько талантливыхъ писателей, поэтовъ, художниковъ, ученыхъ, такъ горячо стремившихся болѣе или менѣе удачно проникнуть въ нее, недаромъ изображенію эпохи Грознаго и его личности посвящено столько художественныхъ произведеній. Многіе считали его великимъ и старались оправдать его кровавыя злодѣйства, еще больше было такихъ, которые, вмѣстѣ съ его первымъ талантливымъ, но слишкомъ пристрастнымъ историкомъ, извѣстнымъ княземъ Андреемъ Курбскимъ, считали его ничтожнымъ и мелкимъ, приписывая всѣ великія событія его блестящаго царствованія постороннему вліянію и только... Тѣ и другіе были неправы. За послѣднее время послышались голоса, которые объявили его больнымъ и непормальнымъ, и едва-ли это не самое здравое сужденіе о немъ.

По событіямъ внѣшнимъ царствованіе Грознаго является необыкновенно значительнымъ и славнымъ. Одной побѣды надъ татарами, исконнымъ врагомъ русской земли, завоеванія всего Поволжья и покоренія Сибири достаточно, чтобы высоко поставить престижъ любого царствованія. Не надо забывать при этомъ и упорныхъ, хотя неудачныхъ попытокъ Іоанна пробить черезъ Ливонію болѣе удобный путь для сношенія съ западомъ: это стремленіе, для осуществленія котораго не пожалѣлъ впослѣдствіи ни силъ, ни жертвъ Великій Петръ, достаточно свидѣтельствуетъ о большомъ, проницательномъ и дальновидномъ умѣ царя Ивана. Онъ ясно представлялъ себѣ несомнѣнную пользу сближенія Руси съ болѣе просвѣщенными странами, заводилъ дѣятельныя сношенія и торговлю съ Англіей, велъ дипломатическія сношенія съ папой и императоромъ, которые уже начинали смотрѣть на московскаго царя, какъ на могущественнаго союзника въ борьбѣ съ турками, серьезно угрожавшими тогда Европѣ.

Не менѣе значительны и внутреннія событія Іоаннова царствованія. До него русскіе великіе князья, озабоченные приращеніемъ своихъ владѣній и соединеніемъ въ одно крѣпкое цѣлое разрозненныхъ частей удѣльной Руси, весьма мало вниманія удѣляли ея внутреннему неустройству, недостатку системы въ управленіи, злоупотребленіямъ и безтолковости въ судопроизводствѣ, дѣлахъ церковныхъ, грубости и невѣжественности народа, странности его нравовъ и обычаевъ. Грозный первый не только обратилъ на это вниманіе, но и прилагалъ по мѣрѣ возможности всѣ усилія, чтобы исправить дѣло. Имъ было положено начало созыву земскихъ выборныхъ на совѣтъ о государственныхъ дѣлахъ, попытка ввести въ Россіи земское самоуправленіе, имъ, или вѣрнѣе по его повелѣнію, былъ пересмотрѣнъ и переизданъ сводъ русскихъ законовъ, записанный въ его знаменитомъ „Судебникѣ“, имъ былъ созванъ „Столовый соборъ“ для пересмотра церковныхъ дѣлъ. Не его вина, если всѣ эти благія начинанія не увѣнчались большею частью никакимъ успѣхомъ: вмѣстѣ съ Петромъ I онъ имѣлъ бы полное право сказать, что онъ тогда въ Россіи самъ-десять только (и даже того меньше) тянулъ въ гору, тогда какъ самъ-сотъ тянули подъ гору! И правъ тотъ изъ историковъ Іоанна, который сказалъ, что застарѣлое невѣжество и нравственная загрубѣлость русскихъ въ корнѣ разстроили всѣ его проницательно задуманные планы, что не было тогда рѣшительно въ народѣ ни умственной, ни нравственной силы для обновленія: онъ зналъ только свои привычные порядки и могъ только крѣпко держаться за свою святую старину, дурно понятую и мало примѣнимую къ новымъ условіямъ жизни... Вотъ почему заботы объ улучшеніи государственнаго строя и общественной жизни не принесли большой пользы.

Единственное внутреннее начинаніе Іоанна увѣнчалось успѣхомъ—побѣда самодержавія надъ боярствомъ... но нельзя не замѣтить, что она могла быть куплена далеко не такой кровавой и звѣрской цѣной, которая наложила на личность и память Іоанна несмываемое пятно.

Спора нѣтъ, что боярство стояло между царемъ и народомъ слишкомъ крѣпкой преградой. И никогда еще знатные бояре, потомки удѣльныхъ князей и всѣхъ ихъ присныхъ не достигали въ Москвѣ такой силы, какъ въ малолѣтство царя Ивана. Событія давно доказали, что ничто не могло быть для государства губительнѣе и для народа ужаснѣе этого боярскаго самовластія. Чего стоилъ одинъ обычай воеводскаго кормленія, разорявшій цѣлыя области, ввѣренныя воеводѣ, который буквально грабилъ всѣхъ и вся, оставляя мѣста своего пребыванія послѣ кормленія совершенно опустошенными, словно только что перенесшими вторичное татарское нашествіе! Не менѣе губителенъ былъ и обычай мѣстничества, распредѣленія важнѣйшихъ государственныхъ должностей, военныхъ и гражданскихъ, по знатности рода, выдвигавшій на самыя видныя мѣста нерѣдко самыхъ тупыхъ, бездарныхъ, жалкихъ посредственностей, личностей самаго низкаго разбора и закрывавшій наглухо дорогу къ общественной дѣятельности всякому неродовитому уму и таланту.

Іоаннъ достаточно насмотрѣлся съ дѣтства на возмутительное и грубое самовластіе боярства, окончательно сорвавшагося съ узды, когда оно перестало чувствовать надъ собою крѣпкую руку господина. Достаточно унижали и травили его всѣ эти Шуйскіе, Глинскіе и имъ подобные: забывъ всякую осмотрительность, они ворвались въ самое святое святыхъ его души, отравили его мать, лишили его любимыхъ друзей, кормилицы—самаго близкаго для него человѣка, загрязнили сценами кроваваго буйства и насилія его дѣтскую, болѣзненно впечатлительную душу, съ которой надо было обращаться такъ осторожно и нѣжно, чтобы потушить въ ней огонь нездоровыхъ страстей, которыя они сами раздули въ грандіозный, всеразрушающій пожаръ. Можно смѣло сказать, что Шуйскіе съ товарищами сами постарались доставить Іоанну неисчислимые поводы думать, что дѣлу его предковъ, великихъ собирателей русской земли, грозитъ неизбѣжная бѣда, что самодержавіе и единство Руси, которое они такъ старательно растили, будетъ навѣкъ заглушено потомками князей, удѣлы которыхъ поглощены были Москвою.

Борьба самодержавія съ боярствомъ становилась неизбѣжной,—говоритъ извѣстный русскій историкъ Соловьевъ.—Боярство совершенно не понимало своихъ выгодъ, не было объединено опредѣленной общей цѣлью, безпрерывно враждовало между собою, готово было губить другъ друга ради самыхъ мелкихъ личныхъ цѣлей, озлобляло противъ себя народъ всевозможными злоупотребленіями и насиліями, не стѣсняясь иной разъ въ минуту необходимости измѣнить и присягѣ. Это все какъ бы оправдывало и узаконяло борьбу съ ними Іоанна. Грубый-же ихъ произволъ и личныя обиды царю во время его малолѣтства породили глубокую ненависть и чувство мести въ его душѣ и придали этой борьбѣ безпощадный, если не сказать безчеловѣчный, характеръ.

Боярство должно было быть раздавлено въ силу различныхъ чисто историческихъ причинъ,

но трудно, конечно, оправдать ужасный способъ, который примѣнялъ Іоаннъ для достиженія своей цѣли—его кровавыя потѣхи и издѣвательства, его болѣзненную мнительность, его массовыя пытки, казни, избіенія, которымъ подвергались и не одни бояре, произволъ его опричины, безудержный разгулъ его страстей; оправданія, или, по крайней мѣрѣ, объясненія этому слѣдуетъ искать въ одномъ—болѣзненности Іоанна.

Въ одномъ изъ своихъ интересныхъ психіатрическихъ эскизовъ по исторіи, проф. Ковалевскій доказываетъ, что Іоаннъ страдалъ такъ-называемой параноей, или первичнымъ помѣшательствомъ, болѣзнью, представляющей чрезвычайно странное и причудливое раздвоеніе сознанія человѣка. Параноикъ живетъ обыкновенно двойственной жизнью, въ отношеніи свѣдѣній объ обыденной жизни параноикъ ничѣмъ не отличается отъ обычнаго человѣка: онъ имѣетъ тѣ-же знанія, въ точности выполняетъ ихъ, какъ всѣ люди, вполнѣ правильно и сознательно воспринимаетъ и переживаетъ текущую жизнь и въ то-же время въ область этой здоровой обычной жизни врывается его бредъ преслѣдованія. Долгое время эти два душевныхъ міра совмѣщаются въ человѣкѣ незамѣтно для окружающихъ, долгіе годы параноикъ можетъ занимать общественныя должности, быть гражданиномъ не хуже другихъ и удовлетворительнымъ семьяниномъ. Бредъ преслѣдованія параноика существуетъ въ больномъ непрерывно, но его теченіе или прохожденіе совершается волнообразно: то усиливаясь, то ослабѣвая. Въ періоды ослабленія бредовыхъ идей параноикъ покоенъ, тихъ, исполнителенъ, болѣе или менѣе общителенъ и легко подчиняется требованіямъ общественной жизни; въ періодѣ ожесточенія бредовыхъ идей параноикъ выходитъ изъ своей тихой жизни и пытается проявить тяготѣющее надъ нимъ вліяніе своихъ бредовыхъ идей. Если-бы мы представили себѣ человѣка съ общественнымъ положеніемъ неограниченнымъ, неограниченнымъ правомъ и свободой дѣйствія, то подъ вліяніемъ бредовыхъ идей преслѣдованія такой человѣкъ быстро одержитъ верхъ надъ сознаніемъ обычной здоровой жизни и въ моментъ ожесточенія бредовыхъ идей явится разрушителемъ міра. (Проф. Ковалевскій: „Іоаннъ Грозный и его душевное состояніе“).

И дѣйствительно, если смотрѣть на Іоанна съ этой точки зрѣнія,—не трудно объяснить себѣ его на первый взглядъ загадочное поведеніе, тѣмъ болѣе, что извѣстное предрасположеніе къ душевной болѣзни несомнѣнно было врождено ему, а воспитаніе и обстановка первыхъ шаговъ его жизни сдѣлали повидимому все, чтобы это предрасположеніе усилилось.

Іоаннъ былъ сыномъ престарѣлаго отца и слишкомъ молодой матери, при чемъ Василій III отличался болѣзненностью, а Елена Глинская вспыльчивостью, излишней страстностью и несдержанностью нрава. Короче говоря, Іоаннъ, по мнѣнію профессора Ковалевскаго, въ качествѣ сына родителей съ значительно сомнительной нервной системой и не особенно безпорочной физической организаціей, обладалъ уже отъ рожденія недостаточно здоровой, крѣпкой и устойчивой нервной системой; напротивъ, она уже съ появленіемъ на свѣтъ предназначена была стать хилой, отступающей отъ обычнаго бытія и склонной къ заболѣваемости. „Это предположеніе доказывается состояніемъ здоровья членовъ семейства Іоанна Грознаго: его братъ былъ скудоуменъ, его дѣти вымираютъ, проявляютъ необыкновенную жестокость и эпилепсію. Такія семейныя проявленія даютъ основаніе къ допущенію предположенія о вырожденіи рода. Члены такихъ семействъ находятся подъ опасностью стать вырождающимися или, какъ ихъ называютъ, дегенератами“ („Психіатрическіе эскизы по исторіи“).

Здоровое и заботливое воспитаніе, можетъ-быть, могло-бы еще спасти Іоанна и подавить въ немъ зародыши его страшной болѣзни, но жизнь Іоанна сложилась такъ несчастливо, что все, казалось, было противъ него. Онъ росъ заброшеннымъ, лишеннымъ любви и ласки, несчастнымъ въ полномъ смыслѣ этого слова ребенкомъ. „Его мать жила для себя,—говоритъ пр. Ковалевскій—(Елена была, какъ извѣстно, безумно влюблена въ молодого красавца Телепнева-Оболенскаго, смертью заплатившаго за свой романъ съ царственной вдовой), и ребенокъ царя Василія для нея не существовалъ. Такія условія жизни въ первые годы дѣтства должны были уже породить въ Іоаннѣ замкнутость, скрытность, сосредоточенность, подозрительность, сухость къ окружающимъ и даже нѣкоторую степень недовольства и озлобленія“. Еще хуже стало, когда Елена умерла и несчастный ребенокъ сдѣлался игрушкой чужого произвола. „Окруженный людьми, которые въ своихъ стремленіяхъ не обращали на него никакого вниманія,—говоритъ знаменитый нашъ историкъ Соловьевъ,—людьми, которые оскорбляли его, въ своей борьбѣ не щадили другъ друга, позволяли себѣ въ его глазахъ насильственные поступки, Іоаннъ привыкъ не обращать вниманія на интересы другихъ, привыкъ не уважать человѣческаго достоинства, не уважать жизни человѣка. Пренебрегая развитіемъ хорошихъ склонностей ребенка, подавленіемъ дурныхъ, воспитатели позволяли

ему предаваться чувственнымъ и животнымъ стремленіямъ, потворствовали ему и хвалили за то, за что надо было порицать (извѣстно, что Іоаннъ любилъ въ дѣтствѣ мучить животныхъ, давить народъ, носясь съ товарищами на конѣхъ по людямъ улицамъ Москвы), и въ то же время, когда дѣло доходило до личныхъ интересовъ боярскихъ, молодого князя оскорбляли, оскорбляли память его родителей, умерщвляли людей, къ которымъ онъ былъ привязанъ". Никто не постарался смягчить его нравъ, воспитать въ немъ чувство долга. Одни побуждали только къ охотѣ, кровопролитности, кровожадности и лютости къ людямъ, другіе развивали въ немъ для своихъ личныхъ цѣлей подозрительность, науськивали его на своихъ враговъ. Словомъ, всѣ условія его жизни и воспитанія только усилили болѣзненную неустойчивость его нервной системы.

Подпавъ на нѣкоторое время подъ благотворное вліяніе Сильвестра, своего придворнаго духовника и его друзей, Іоаннъ, по неустойчивости своей болѣзненной воли, не могъ долго оставаться вѣрнымъ одному направленію. Его болѣзнь и отказъ многихъ изъ ближайшихъ его совѣтниковъ присягнуть его малолѣтнему сыну Дмитрію изъ боязни повторенія боярскаго самовластія эпохи дѣтства Іоанна, смерть его любимой жены Анастасіи, отравленной, какъ онъ подозрѣвалъ, боярами, дали послѣдній толчокъ къ совершившемуся въ немъ окончательному нравственному перелому.

Іоаннъ окончательно падаетъ, окружаетъ себя опричниками, предается оргіямъ, пыткамъ, казнямъ—бредъ преслѣдованія сказывается въ немъ во всей своей страшной силѣ. „Поддерживающими болѣзнь обстоятельствами,—замѣчаетъ проф. Ковалевскій,—послужили для Іоанна воспоминанія прошлаго и нашептыванія такихъ приближенныхъ, какъ Малюта Скуратовъ, Вяземскій и другіе. Характеръ паранойка необыкновенно ярко выражается въ созданіи опричины. Подозрительный, бредящій врагами, трусливый и малодушный, Іоаннъ создаетъ опричину, коей назначеніе охранять его и изводить ворогъ Іоанновыхъ".

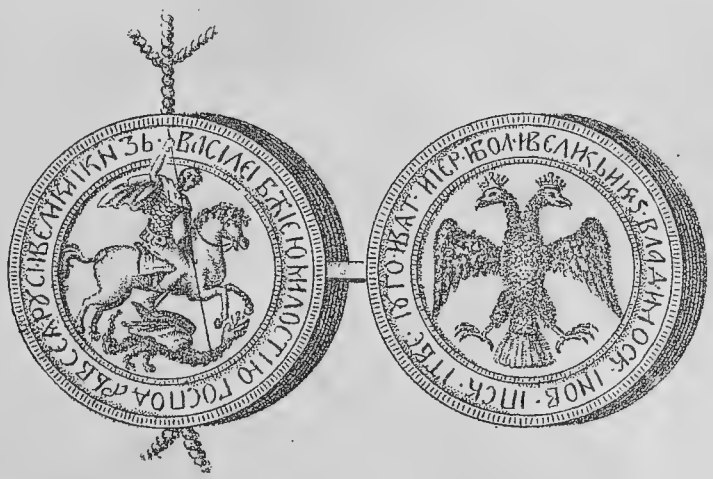
Ненормальность Іоанна сказывается и въ его болѣзненной выдумкѣ превращать время отъ времени Александровскую слободу, гдѣ онъ жилъ со своей опричиной, въ монастырь, котораго онъ считалъ себя настоятелемъ, котораго келаремъ онъ назначилъ палача Малюту, а братіей остальныхъ кровожадныхъ опричниковъ.

И по мѣрѣ того какъ усиливалась болѣзнь Іоанна—все сильнѣй и сильнѣй разгоралась въ немъ жажда крови: его казни возрастали съ десятковъ на сотни, а затѣмъ на тысячи и десятки тысячъ. Нельзя безъ ужаса вспомнить его кровавый походъ на Новгородъ, гдѣ онъ буквально купался въ крови... „Такое злодѣйство можетъ совершить только параноикъ,—говоритъ профессоръ Ковалевскій:—это не преступленіе, а дѣяніе душевно-больного, невмѣняемаго, но и не правоспособнаго".

Жестокія терзанія совѣсти, жестокія мученія, физическія и нравственныя, не покидали Іоанна всю вторую половину его жизни. И умиралъ онъ медленной, тяжкой, мучительной смертью: онъ разлагался заживо, внутренности его медленно гнили, въ бреду онъ видѣлъ убитаго имъ старшаго сына Іоанна и безчисленную вереницу казненныхъ имъ жертвъ, требовавшихъ отъ него возмездія. „На грудахъ тѣлъ казненныхъ бояръ, на потокахъ крови, часто безвинно имъ пролитой,—говоритъ одинъ изъ историковъ Іоанна,—грозный царь, окруженный опричниками, сталъ страшенъ не только боярамъ, но и самому себѣ".

Характерно, что народъ, не разъ возвращавшійся въ своихъ пѣсняхъ къ эпохѣ и личности Іоанна, рѣдко вспоминаетъ его „лютыя казни", а вспоминая, чуть-ли не постоянно оправдываетъ ихъ. Народъ представлялъ себѣ своего жестокаго повелителя почти преимущественно въ положеніи только грознаго судьи, карающаго по справедливости за измѣну. Народъ, очевидно, давно почувствовалъ въ немъ своего исконнаго защитника отъ боярскаго произвола, насилія и неправды—можетъ быть потому, что кровавые ужасы Александровской слободы глухо доносились до такъ-называемой „земской Руси", совершались преимущественно не на ея глазахъ. Народъ охотнѣе вспоминаетъ Грознаго во всемъ его царственномъ величіи, отважнаго завоевателя татарскихъ хановъ, отмѣтившаго могуществомъ и блескомъ свое славное правленіе: „Какъ зачиналася каменна Москва,—говоритъ пѣсня,—тогда зачинался и Грозный царь Иванъ, сударь Васильевичъ. Онъ Казань городъ мимоходомъ взялъ, полонилъ царя и съ царицею, выводилъ измѣну изъ Пскова, изъ Пскова и изъ Новагорода".

ЦАРЬ ВАСИЛІЙ III ІОАННОВИЧЪ.
Гравюра на деревѣ, приложенная при базельскихъ изданіяхъ путешествія Герберштейна 1551 г.



ПЕЧАТЬ ГОСУДАРСТВЕННАЯ МАЛАЯ (ДВОЙНАЯ КОРМЧАЯ) ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ВАСИЛІЯ ІОАННОВИЧА 1514 ГОДА.

Печать привѣшена на жалованной грамотѣ государя велакаго князя Василія Іоанновича 1514 года іюля 10-го, данной жителямъ смоленскимъ о владѣніи духовнымъ, боярамъ и всякаго званія людямъ своими землями по прежнимъ грамотамъ литовскаго великаго князя Витовта и королей Александра и Сигизмунда.

Великій князь Василій, носящій въ исторіи характерное названіе «послѣдняго собирателя русской земли», человѣкъ въ высшей степени самовластный, энергичный и гордый, имѣлъ, по свидѣтельству одного изъ его историковъ, Павла Іовія, наружность благородную, станъ величественный, лицо симпатичное, взоръ проницательный, но не суровый и по тогдашнему тяжелому времени былъ болѣе добръ, нежели суровъ.

ЦАРЬ ІОАННЪ ГРОЗНЫЙ.

LIBER VI.

Basilius Moscouiæ Princeps.

ABSTRVSA penitus ad Boream præter Hercynios saltus, Arctooque vertici subiecta Moscorum Regna, intacta olim Romanis legionibus, nec planè Græcis scriptoribus nota, Sigismundus Sarmatarum Rex latissimè nobis aperuit, quum armis cum Basilio eius gentis Principe ad Orsam iusta acie cõtendisset; qua innumerabilis eius gentis equitatus fœde profligatus est. Tũ enim primò Romæ de victoria parta supplicationes decretæ sunt, quòd Moschi à Polonis & Lithuanis, modo Ruteni, modo Moscouitæ vocati, tanquã secuti Græcorum opiniones, à Romano Pontifice dissentirent. Sed Basilius qui adoptari in Regem sicuti ex Demetrio Legato accepimus, ex Principe honestiore scilicet speciosioreque titulo cupiebat, pace facta cum Sarmatis, non semel cum Maximiliano Cæsare Clementeque Pontifice per lega-

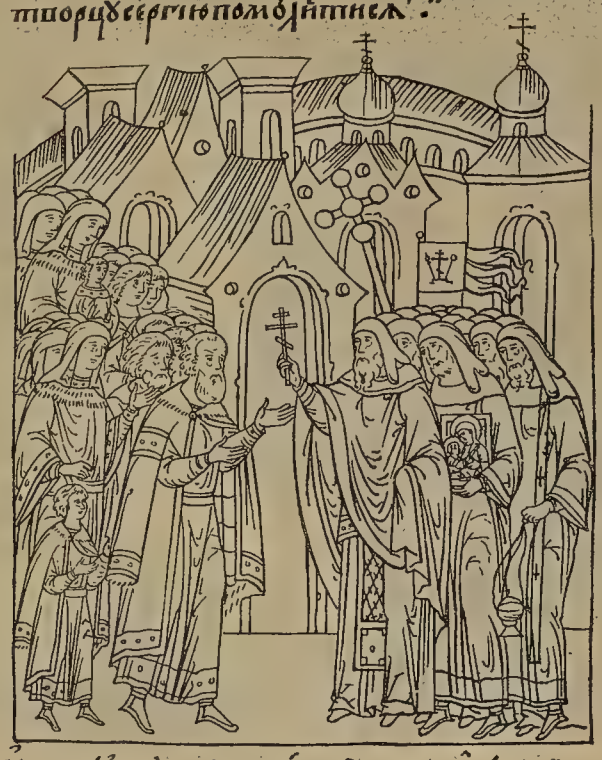
Dd

ВЕЛ. КН. ВАСИЛІЙ ИВАНОВИЧЪ.
Гравюра на деревѣ, работа Тобіаса Штиммера, помѣщенная въ книгѣ Іовія: Pauli Iouii «Elogia virorum bellica virtute illustrium». Basel, 1575.

ПЕЧАТЬ МИТРОПОЛИТА ДАНІИЛА ПРИ ВАСИЛІИ III.

Два дошедшихъ до насъ портрета Василія Іоанновича, одинъ—помѣщенный при первомъ изданіи «Записокъ» извѣстнаго барона Герберштейна, другой—при сочиненіи Павла Іовія, можно считать вполнѣ достовѣрными и очень хорошо передающими выразительныя черты великаго князя московскаго.

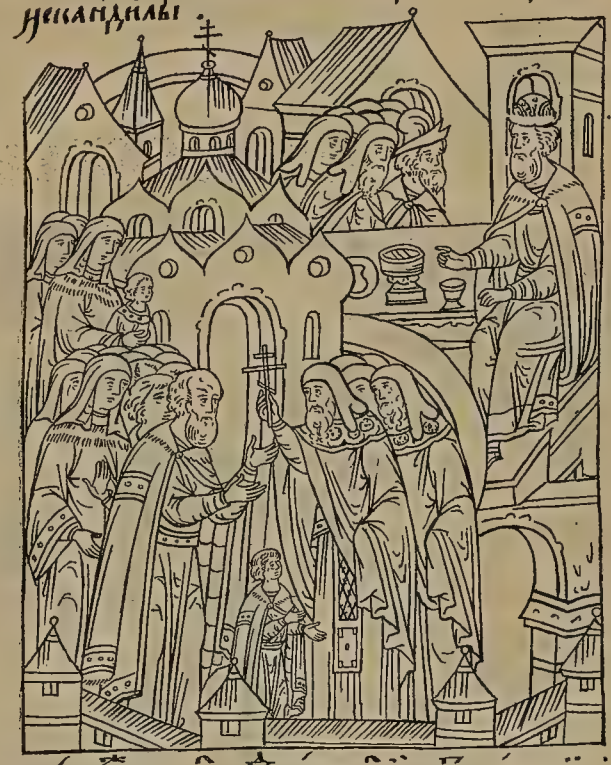
шпоитъздепи́кого кнзмистрцесергіевъ
монастырь · Лѣта · Зми · сентмрвъ ·
кщ · днь · пи́лю кнзьвели́кіи пле́нлен ивано
вичьсеи́роуен · пыѣхамоскопы непеди
коюкни́гинеюеле́ною издѣтмнепо́ими
кжипонача́лноитрце · испрѣбномучюдо
творцхсергіюпомо́литисѧ ·"



Нприѣдепмонастырькжипонача́лной
трце испрѣкномоучютворцхсергію ·
нерѣтошапслнкого кнзмигоумен зкра

ВСТРѢЧА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ВАСИЛІЯ ІОАННОВИЧА III и его семейства игуменомъ, братіей и клиромъ у монастырскихъ вратъ Св.Троице-Сергіевой лавры въ сентябрѣ 1534 (7042) г. Изъ Москвы вел. князь съ семействомъ, какъ упоминаетъ лѣтопись, выѣхалъ 22 сентября (за 10 недѣль до своей смерти). На рисункѣ справа отъ вел. князя изображенъ его сынъ-наслѣдникъ, будущій царь Іоаннъ IV Грозный.

тіею · нсосщенники грѣсыклроскцрко
ныи попелтѣмонастырѣски · собразы
неканди́лы ·



Гы́стьза, і · се́мницъдне́дошѣстоіи́м
Бегоскѣгоу · быѣшоуемъсеи́повѣпе́ски́ою
кни́гинеюеле́ною · неблагорѣ́ными мчѧ́ды ·
впременнитонѡби́телняжипонача́лныѧ
трца · напа́мѧпе́нисла гпрѣпы чюдо ѵ
творцасергіа · ипразнопачюдотворцоп
па́мѧтьпочи́нъ, ѵмолебпамсопрѣшивъ ·

МОЛЕБСТВІЕ СВ. ПРЕПОД. СЕРГІЮ РАДОНЕЖСКОМУ ВО СВ. ТРОИЦЕ-СЕРГІЕВОЙ ЛАВРѢ ВЪ ПРИСУТСТВІИ ВЕЛ. КН. ВАСИЛІЯ ІОАННОВИЧА III И ЕГО СЕМЕЙСТВА, ВЪ 1534 ГОДУ, ВЪ ДЕНЬ ПАМЯТИ ЧУДОТВОРЦА (25 СЕНТЯБРЯ). Впереди великаго князя—его сынъ Іоаннъ.

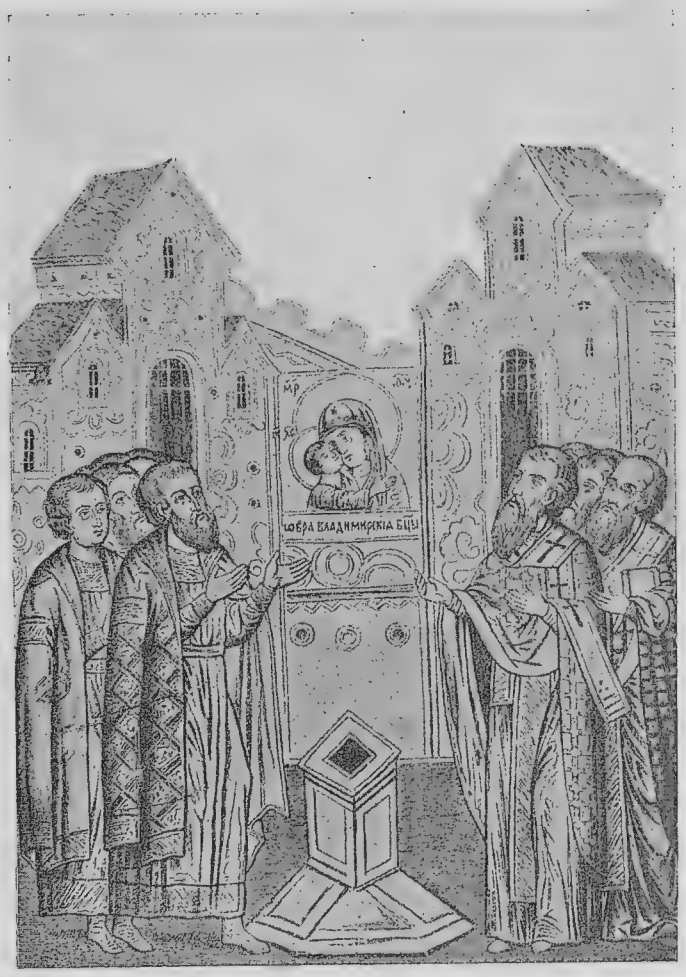
RVSSORVM REX ET DOMINVS SVM, IVRE PATERNI SANGVINIS: IMPERII TITVLOS A NEMINE, QVAVIS MERCATVS PRECE, VEL PRÆCIO: NEC LEGIBVS VLLIS SVBDITVS ALTERIVS, SED CHRISTO CREDVLVS VNI, EMENDICATOS ALIIS ASPERNOR HONORES:

КАРТА МОСКОВІИ—СЪ ИЗОБРАЖЕНІЕМЪ ВЕЛ. КН. ВАСИЛІЯ III ИВАНОВИЧА—ПРИЛОЖЕННАЯ КЪ АМСТЕРДАМСКОМУ ИЗДАНІЮ ПУТЕШЕСТВІЯ ГЕРБЕРШТЕЙНА 1557 ГОДА.

Изъ собранія П. Я. Дашкова.

Портреты самого Іоанна Грознаго не отличаются, къ сожалѣнію, той педантической достовѣрностью, съ какой рисуютъ намъ наружность его отца портреты при сочиненіяхъ Герберштейна и Іовія. Всѣ портреты Грознаго гравированы были за границей и западные художники нерѣдко смѣшивали изображенія Іоанна IV съ портретами отца его, Василія. Такъ во многихъ книгахъ объ Іоаннѣ Грозномъ помѣщены по ошибкѣ портреты «послѣдняго собирателя русской земли», уже извѣстные намъ: профильные и прямоличные съ образцовъ Гиршфогеля (при сочиненіи Герберштейна) и Іовія. Большинство портретовъ Грознаго весьма мало сходятся съ описаніемъ Грознаго и въ молодости и въ старости.

Смолоду Іоаннъ IV былъ «высокъ ростомъ, строенъ, имѣлъ высокія плечи, крѣпкія мышцы, широкую грудь, прекрасные волосы, длинный усъ, носъ римскій, глаза небольшіе сѣрые, но проницательные, исполненные огня, и лицо пріятное». Но къ тридцати четыремъ годамъ онъ такъ измѣнился, что нельзя было узнать его: «на лицѣ его изображалась мрачная свирѣпость, всѣ черты исказились, взоръ угасъ, на головѣ и въ бородѣ не осталось ни одного волоса отъ неизъяснимаго дѣйствія ярости, которая кипѣла въ душѣ его». (Карамзинъ).



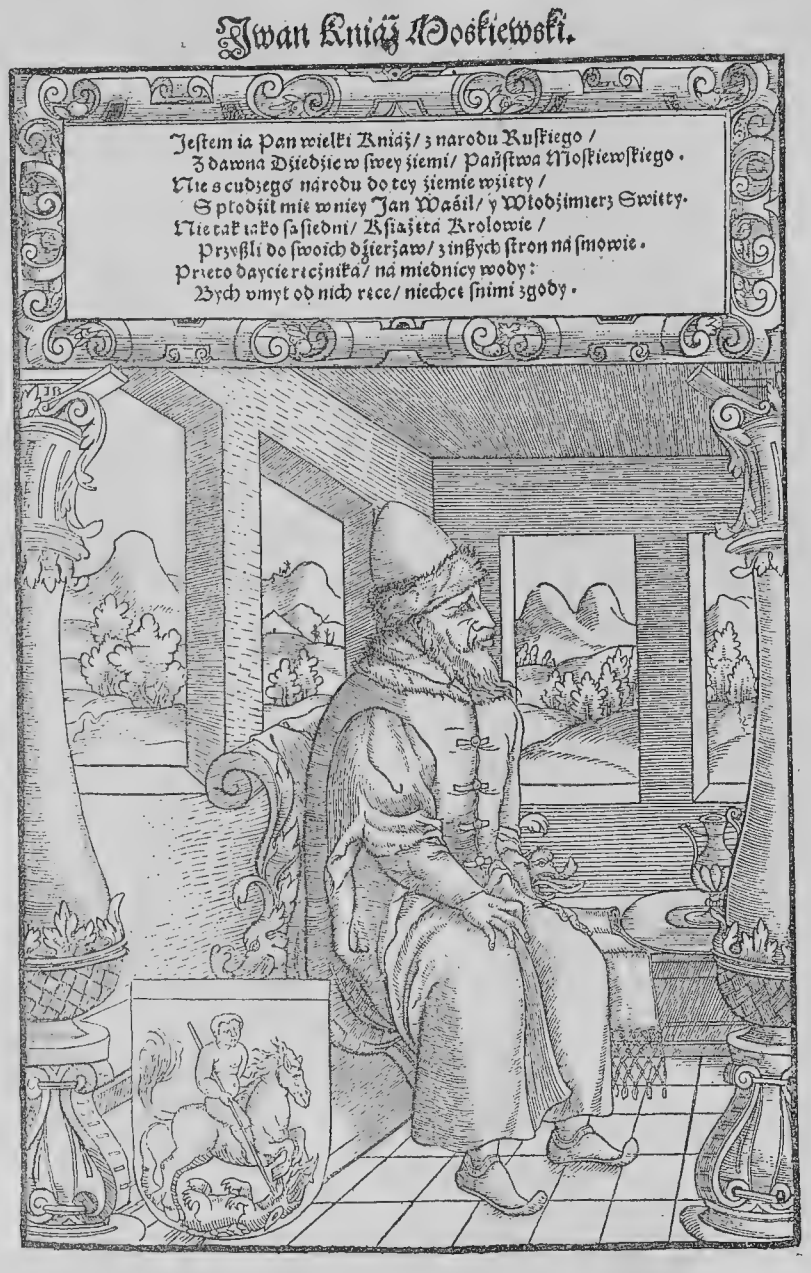
ВНОВЬ ОТКРЫТЫЙ ПОДЛИННЫЙ ПОРТРЕТЪ ЦАРЯ ІОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА ГРОЗНАГО.

Портретъ этотъ находится на поляхъ иконы Владимірской Божіей Матери, здѣсь изображенной и подаренной Данилову монастырю въ Москвѣ самимъ царемъ Іоанномъ IV; первая (налѣво отъ зрителя) фигура представляетъ царя, слѣдующая — царевича Іоанна. Грозный представленъ худымъ, съ рыжими волосами, съ искошеннымъ ртомъ, нижняя губа оттянута внизъ, глаза съ поразительно-расширенными зрачками и зрачки расширены неравномѣрно. Носъ тонкій, прямой. Ноздри приподняты. (Съ фотографіи М. Грибова).

«Властолюбивый отъ природы,—говоритъ графъ Ал. К. Толстой въ своей брошюрѣ о постановкѣ трагедіи «Іоаннъ Грозный» на сценѣ,—испорченный лестью окружающихъ его царедворцевъ и привычный къ неограниченной власти, раздраженный случившимися въ его дѣтствѣ попытками нѣкоторыхъ бояръ завладѣть имъ, какъ орудіемъ для своего честолюбія, Грозный видитъ враговъ во всѣхъ, кто стоитъ выше обыкновеннаго уровня. Онъ чрезвычайно уменъ и проницателенъ, но затменъ постоянной мыслію объ измѣнѣ, объ охраненіи своей власти, которую у него никто не оспариваетъ, и истребляетъ все, что можетъ, по его мнѣнію, нанести ущербъ его самодержавію, сохраненіе и усиленіе котораго—есть цѣль его жизни. Онъ жестокъ по природѣ и по системѣ... онъ губитъ съ политической цѣлью, но пользуется случаемъ, чтобы потѣшить свою жестокость. Онъ палачъ Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ свой собственный палачъ». Ужасны его злодѣйскія выдумки и утонченныя изобрѣтенія по части пытокъ, которыми онъ упивался, и не менѣе ужасно и мучительно находившее на него раскаяніе. Неуравновѣшенный, по свидѣтельству многихъ историковъ ненормальный психически, онъ не зналъ удержу своимъ порывамъ и чувствамъ.

ЛИЦЕВОЕ ИЗОБРАЖЕНІЕ ЦАРЯ ІОАННА НА ОДНОЙ ГРАМОТѢ, ПИСАННОЙ ВЪ 1571 Г. ВЪ БИБЛІОТЕКѢ А. Д. ЧЕРТКОВА.

СОВРЕМЕННЫЙ ПОРТРЕТЪ ІОАННА ГРОЗНАГО.
ГРАВЮРА НА ДЕРЕВѢ.
Единственный извѣстный экземпляръ, находящійся въ вѣнской Императорской Библіотекѣ.



ФАЛЬШИВЫЙ ПОРТРЕТЪ ІОАННА ГРОЗНАГО, СКОПИРОВАННЫЙ СЪ ПОРТРЕТА ВЕЛ. КН. ВАСИЛІЯ ИВАНОВИЧА, ТИПА ГЕРБЕРШТЕЙНА.
Находится въ хроникѣ Бѣльскаго: «Kronika to iesth Historia swiata... w Krakowie». 1564 г. Fol.

IOANNES BASILIDES
Grooten hertogh van Moscovien fol 273

ФАЛЬШИВЫЙ ПОРТРЕТЪ ІОАННА ГРОЗНАГО, СКОПИРОВАННЫЙ СЪ ПОРТРЕТА ВЕЛ. КН. ВАСИЛІЯ ИВАНОВИЧА.
Гравюра рѣзцомъ въ книгѣ Hazart: «Kerkerlycke Historien». Antwerpen. 1671.

IOHANNES BASILIDES
MAGNUS MOSCOVITA
RUM DUX.

ІОАННЪ ГРОЗНЫЙ.
Гравюра на мѣди изъ книги Oderborna: ogohannis Basilidis Leben u. Thaten.... Erfurth». 1698.

Деспотическій, мелочно-злобный, мстительный и невыдержанный характеръ Іоанна давалъ себя знать и въ домашнемъ быту. Онъ совершенно не выносилъ противорѣчій даже со стороны самыхъ своихъ близкихъ и наиболѣе любимыхъ имъ и преданныхъ ему лицъ, въ особенности въ зрѣлые годы своей жизни, когда окончательно сложились и выяснились всѣ основныя черты его душевнаго склада. Онъ любилъ, напримѣръ, спорить о религіи и чуть было не посадилъ на колъ лютеранскаго пастора въ Кокенгаузенѣ за то, что послѣдній въ разговорѣ съ нимъ позволилъ себѣ сравнить Лютера съ апостоломъ Павломъ; любилъ играть въ шашки и въ карты и вмѣстѣ съ тѣмъ жестоко наказывалъ бояръ, которые осмѣливались выигрывать у него; очень любилъ, повидимому, своего шута—и ни съ того ни съ сего приказалъ однажды вылить ему за пазуху лохань кипятку. Безъ памяти любилъ своего старшаго сына Іоанна—и не задумался въ припадкѣ запальчивости убить его на мѣстѣ своимъ знаменитымъ жезломъ съ острымъ наконечникомъ. Терзалъ, жегъ, мучилъ, упивался слезами, стонами и кровью и тутъ же надѣвалъ монашескую рясу и чуть-ли не власяницу, постился мѣсяцами, простаивалъ ночи на колѣняхъ, замаливая въ ужасѣ свои несчетные грѣхи, и такъ усердно отбивалъ земные поклоны, что кровавые знаки отъ нихъ никогда не сходили съ его изборожденнаго морщинами лба.

БОЛЬШОЙ СОВРЕМЕННЫЙ ПОРТРЕТЪ ІОАННА ГРОЗНАГО, ГРАВИРОВАННЫЙ НА ДЕРЕВѢ ГАНСОМЪ ВЕЙГЕЛЕМЪ. Единственно извѣстный экземпляръ этого портрета, раскрашенный на манеръ старинныхъ нѣмецкихъ народныхъ картинокъ, находится въ собраніи Ровинскаго.

Всѣ эти подробности могли бы послужить богатымъ матеріаломъ для художника, задавшагося цѣлью возможно точно и ярко воспроизвести эту сложную, полную самыхъ противорѣчивыхъ чувствъ и мыслей физіономію. Древніе портретисты не сумѣли или не нашли возможнымъ и нужнымъ считаться съ этимъ. Оригинальныхъ портретовъ Іоанна Грознаго сохранилось собственно только два: одинъ изображаетъ царя въ профиль; онъ гравированъ на деревѣ современнымъ Іоанну граверомъ Вейгелемъ и напоминаетъ нѣсколько профильные портреты великаго князя Василія Іоанновича; другой портретъ—прямоличный, отысканный Д. Ровинскимъ въ вѣнской Императорской Библіотекѣ. Существуетъ и повтореніе этого послѣдняго портрета въ уменьшенномъ видѣ; это повтореніе приложено къ описанію посольства князя Сугорскаго (1576 г.), единственный экземпляръ котораго находится у М. Н. Похвистнева.

Совершенно особый типъ портрета царя Іоанна Васильевича представляетъ исполненное иконописью изображеніе, на которомъ онъ написанъ въ древнецарскомъ парадномъ облаченіи. «Подобный портретъ, миніатюрной работы, написанный сокovыми красками,—говоритъ извѣстный знатокъ русскихъ древностей, Д. А. Ровинскій,—написанъ на одной грамотѣ 1571 года, находящейся въ Чертковской библіотекѣ. Этотъ типъ повторялся и въ другихъ офиціальныхъ бумагахъ и въ гравюрѣ Штепглина, изданной въ половинѣ прошедшаго вѣка въ числѣ двѣнадцати портретовъ русскихъ государей. Я не включаю этого типа въ число достовѣрныхъ портретовъ, такъ какъ миніатюрный портретъ на грамотѣ 1571 года написанъ въ чисто иконномъ стилѣ, безъ претензіи на сходство, а гравюра Штенглина сдѣлана съ плохо написаннаго оригинала позднѣйшаго производства. Тѣмъ не менѣе съ этого портрета, по указанію А. И. Оленина, гравированъ портретъ Іоанна IV Уткинымъ». (Д. Ровинскій: «Достовѣрные портреты московскихъ государей»).

ЦАРЬ ІОАННЪ ГРОЗНЫЙ (ИЗЪ ТИТУЛЯРНИКА XVII ВѢКА).

Наибольшей достовѣрностью долженъ-бы по всѣмъ даннымъ отличаться типичный портретъ Грознаго, помѣщенный въ «Корнѣ» 1672 г. (стр. 202), т.-е. старинномъ титулярникѣ XVII-го вѣка, такъ какъ «Корень» составленъ по царскому повелѣнію спустя 88 лѣтъ послѣ смерти Грознаго, преставившагося въ 1584 году. Въ это время могъ еще сохраниться одинъ изъ портретовъ Грознаго, которые онъ заказывалъ вѣроятно по поводу своего сватовства къ иностраннымъ принцессамъ и между прочимъ Маріи Гастингсъ, родственницѣ Елизаветы Англійской. Однако и этотъ портретъ, изображающій царя плечистаго, полнаго, съ большой окладистой бородой, не сходится съ описаніями Грознаго, оставленными его современниками въ различные періоды его жизни.

Остальные портреты еще болѣе фантастичны, но имѣютъ большое значеніе, благодаря своей древности и рѣдкости, особенно исполненные въ иконописномъ стилѣ.

Такихъ изображеній сохранилось нѣсколько: необходимо замѣтить, что Грозный пользовался необыкновенной, какъ сказали-бы теперь, популярностью. Народъ даже какъ будто любилъ своего жестокаго властелина, недаромъ же онъ назвалъ его всего лишь Грознымъ, но не кровавымъ и злымъ, какъ это можно было-бы ожидать. Вотъ почему, можетъ, быть, и древніе портреты Іоанна не имѣютъ въ себѣ ничего отталкивающаго. «Изъ московскаго періода русской исторіи,—говоритъ Порфирьевъ, — ни одно лицо не обратило на себя такого вниманія народныхъ пѣвцовъ, какъ Іоаннъ Грозный. Причина этого вниманія заключается въ томъ, что Грозный возвысилъ санъ царя московскаго (до него московскіе властители носили лишь названіе великихъ князей), распространилъ и усилилъ русское царство огромными завоеваніями, а жестокость его народъ объясняетъ необходимостью вывести измѣну изъ царства, другими словами—укротить боярское самовластіе. Пѣсни, восхваляя Іоанна и какъ бы любуясь имъ, нисколько не стараются тѣмъ не менѣе смягчить или скрыть гнѣвнаго и жестокаго характера Іоанна, но словно желаютъ выставить его съ особенной силой. Замѣчательно,—между прочимъ добавляетъ Порфирьевъ,—что и народная пѣсня, согласно съ исторіей взятія Казани, приписываетъ великое значеніе, какъ для самого Грознаго, который съ того времени сдѣлался будто бы царемъ, такъ и для Москвы, которая будто бы съ того времени основалась: «и въ то время князь воцарился и насѣлъ въ московское царство, что тогда де Москва основалася и съ тѣхъ поръ великая слава».

ФАНТАСТИЧЕСКОЕ ИЗОБРАЖЕНІЕ ІОАННА ГРОЗНАГО НА ПРЕСТОЛѢ. СЪ ПРАВОЙ СТОРОНЫ СТОЯТЪ ТРИ БОЯРИНА, А СЛѢВА СЛУЖАТЪ СВЯЩЕННИКЪ СЪ ДЬЯЧКОМЪ. ГРАВЮРА НА ДЕРЕВѢ ИЗЪ КНИГИ ОДЕРБОРНА: «Wunderbare Geschichte u. warhafte Historien». 1588 г.

Пѣсни окружили таинственными и разнообразными предзнаменованіями самое рожденіе Грознаго царя, сумѣли истолковать по-своему и его жестокій поступокъ со старшимъ сыномъ, приписавъ запальчивость царя злымъ навѣтамъ страшнаго всѣмъ и отвратительнаго злодѣя, Малю-

Iwan Basilowitz Vzaar

ІОАННЪ ГРОЗНЫЙ.
Фальшивый портретъ типа Іовія, скопированный съ портретовъ вел. кн. Василія Ивановича. Изъ книги Кевенхиллера: «Conterfet Kuperstich»... Leipzig. 1721

ПОРТРЕТЪ ІОАННА ГРОЗНАГО, РИСОВАН. ШЕВАЛЬЕ, ГРАВИРОВ. НИКЕЛЕМЪ.

Deß Durleuchtigsten
Großmechtigsten Fürsten vnnd Herren/
Herren Iwan Bassilowitz/Herrschern der Reussen/ꝛc.
Vnd Groß Fürsten zu Bladomir/ Moscaw vnnd Nawgarten/ꝛc.
Credentz vnnd ander schreiben/so seine Durchleuchtigkeit/bey Herren Kutzen Sachary Iwancobitz Pulerseckp/ Stathaltern auff Weyssensee/vnnd Herren Andreen Archibarschaff/ Fürstlichen Moscouischen Ziacken vnnd Secretario/ sampt anderen Abgesanten/Röm: Kay: May: zu Regenspurg vberreichen lassen.

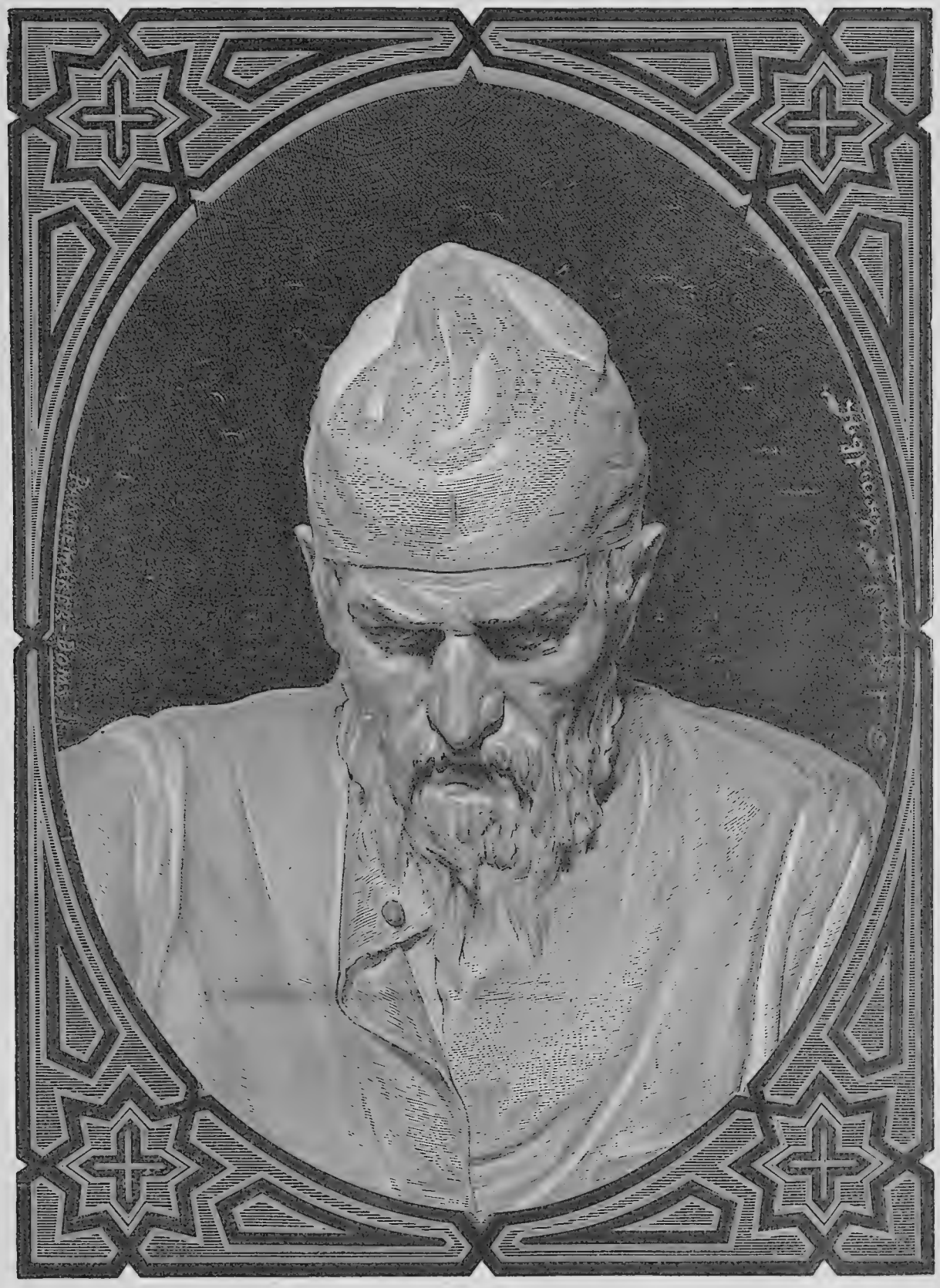
Daneben auch höchstgedachter Röm: Kay: May: gegenschreiben vnd beantwortung: So jr May: ꝛc. bey wolermelter Botschafft/ Fürstlicher Moscouischer Durchleuchtigkeit widerumb vberschickt.

ПОРТРЕТЪ ІОАННА ГРОЗНАГО.
Гравюра на деревѣ, отпечатанная на заглавномъ листѣ брошюры, изданной въ Нюрнбергѣ 1576 г. Единственный экземпляръ въ собраніи М. Н. Похвистнева.

ты Скуратова: по пѣснѣ Іоаннъ младшій умираетъ, не собственноручно убитый отцомъ, но порученіе убить его возлагается на Малюту, злобные замыслы котораго открываетъ во-время любимый народомъ родичъ первой жены Грознаго, благочестивой Анастасіи, Ѳеодоръ Никитичъ Романовъ, который и спасаетъ царевича въ опасную минуту къ великой радости Грознаго.

Но то, что не хотѣлъ видѣть въ Іоаннѣ народъ, то, что не сумѣли и не хотѣли, а можетъ быть не осмѣливались подмѣтить близко стоявшіе къ нему современные ему русскіе и западные художники, то глубоко и проникновенно уловилъ геніальный творческій взглядъ покойнаго М. М. Антокольскаго. И его «Іоаннъ Грозный» является по справедливости лучшимъ, безпристрастнѣйшимъ и достовѣрнѣйшимъ изображеніемъ загадочной личности мрачнаго властелина, хотя цѣлый рядъ вѣковъ отдѣляетъ художника отъ его модели. Мрачныя, изможденныя черты этого страннаго мучителя-страдальца словно оживаютъ подъ рѣзцомъ талантливаго скульптора, ничто не можетъ быть характернѣе этихъ угрюмо нависшихъ надъ глубоко запавшими, потухшими глазами безволосыхъ бровей, этого изрѣзаннаго глубокими морщинами высокаго, умнаго, мрачнаго лба, страдальчески жестокаго выраженія рѣзкихъ, угловатыхъ чертъ, опущенныхъ первно-брезгливо угловъ энергично очерченнаго рта. Ничто не можетъ быть характернѣе истолкованнаго такимъ образомъ облика страннаго вѣнценосца, дитяти суроваго, безпощаднаго времени, дитяти преклоннаго лѣтами, немилостиваго, жестокосерднаго и заносчиваго отца и слишкомъ молодой, пылкой, нервной, невыдержанной по характеру матери, дитяти, вскормленнаго боярскими раздорами, высокомѣріемъ и самовластіемъ.

ЦАРЬ ІОАННЪ IV.

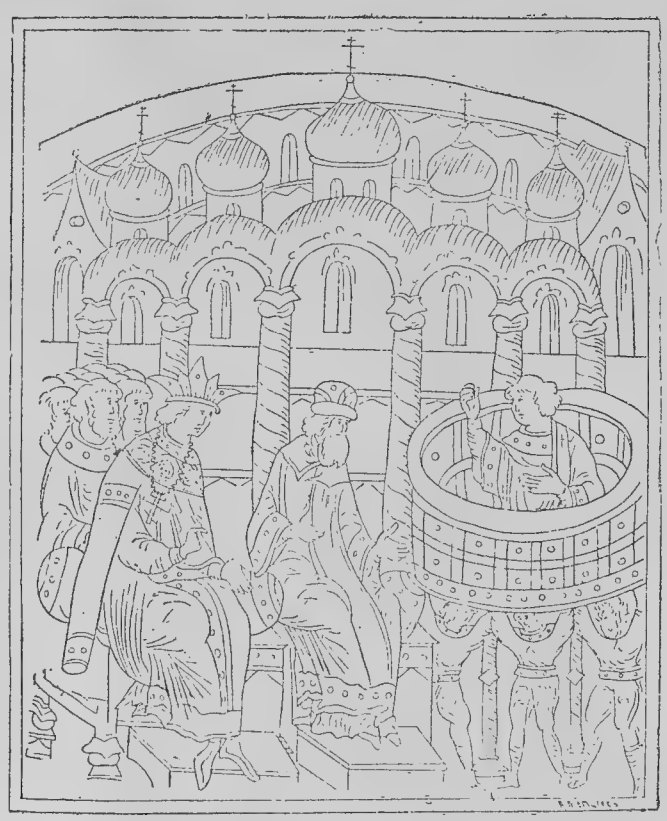


ГОЛОВА ІОАННА ГРОЗНАГО.—М. М. АНТОКОЛЬСКАГО.

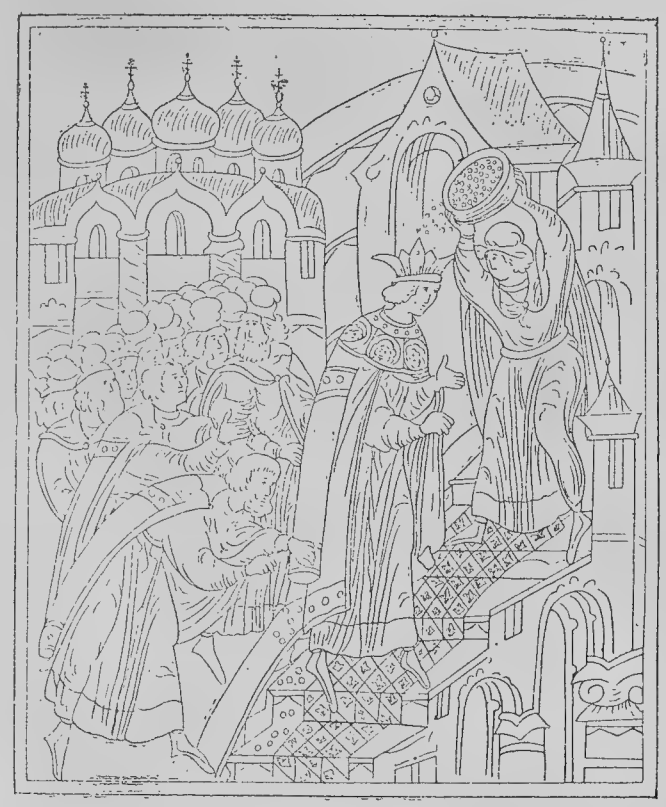
«Своекорыстіемъ, презрѣніемъ общаго блага, презрѣніемъ жизни и чести ближняго сѣяли Шуйскіе съ товарищами, выросъ Грозный»,—говоритъ историкъ Соловьевъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ прошломъ Іоанна, въ обстановкѣ его юности легко отыскать начало ужасныхъ, медленно разъѣдавшихъ впослѣдствій его организмъ, чувство и волю, стремленій и наклонностей, отраженія которыхъ читаемъ въ его истерзанномъ, словно изглоданномъ муками и страстями обликѣ, оживленномъ великимъ рѣзцомъ Антокольскаго. Насильственная смерть матери и ея любимца, Телепнева-Оболенскаго, гибель всѣхъ тѣхъ, кто былъ болѣе или менѣе близокъ къ ребенку и баловалъ его изрѣдка мимолетной лаской, внѣшнее показное раболѣпное поклоненіе на народѣ, дерзкое обхожденіе съ безсильнымъ мстить крошкой дома, все это не даромъ прошло передъ проницательными съ дѣтства умственными очами Іоанна. Ничего не можетъ быть хуже спрятаннаго подъ лицемѣрнымъ смиреніемъ подавленнаго гнѣва безсильнаго и униженнаго. Бѣда, если онъ вырвется наконецъ наружу, послѣ долгихъ, долгихъ лѣтъ молчаливаго ожиданія мести, какъ это случилось съ Іоанномъ! Тѣмъ болѣе, что Грозный при всемъ томъ не получилъ еще никакого правильнаго образованія и воспитанія; при постоянной борьбѣ боярскихъ партій за владычество, при частой смѣнѣ одной партіи другой, некогда и некому было думать объ этомъ.

«Съ дѣтства видѣлъ царь и хищеніе царской казны,—говоритъ талантливый авторъ «Психіатрическихъ эскизовъ изъ исторіи» пр. П. И. Ковалевскій,—постоянно смѣняющимися временщиками, видѣлъ онъ и ограбленіе боярами народа, видѣлъ онъ и избіеніе восходящими временщиками преданныхъ престолу бояръ и людей служилыхъ, видѣлъ онъ избіеніе тѣми-же временщиками даже самихъ служителей Божіихъ».

Все это не могло не запасть въ чувствительную, воспріимчивую душу юнаго царя и не вызвать въ немъ отвращенія, ожесточенія, озлобленія, ненависти и жажды мести къ своевольнымъ боярамъ. Грубое и пренебрежительное отношеніе бояръ къ самому самодержавному царю не могло въ немъ не вызвать ожесточенія и жестокосердія. Жестокосердіе это бояре старались развить въ



ВѢНЧАНІЕ НА ЦАРСТВО ІОАННА IV.
Изъ царственной книги.



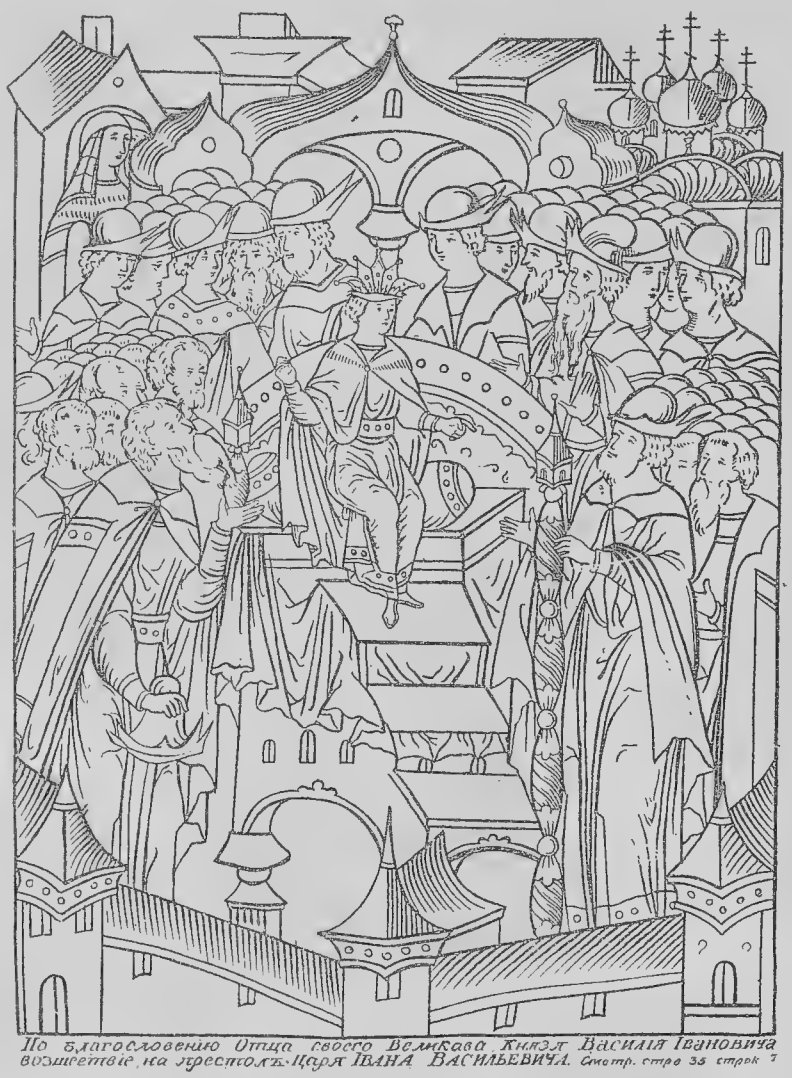
ОБРЯДЪ ОСЫПАНІЯ ЗОЛОТЫМИ МОНЕТАМИ ЦАРЯ, ПОСЛѢ ВѢНЧАНІЯ НА ЦАРСТВО.
Изъ царственной книги.

Іоаннѣ и активно: жестокое обращеніе съ животными, псовыя, соколиныя, медвѣжьи охоты и даже... охоты на людей, все это усердно поощрялось боярами, все это развивало кровожадные инстинкты будущаго самодержца.

Іоаннъ показалъ себя впервые самодержцемъ, когда ему исполнилось тринадцать лѣтъ, освободясь послѣ жестокой расправы съ Андресмъ Шуйскимъ, затравленнымъ собаками, отъ ига Шуйскихъ, впрочемъ, только для того, чтобы перейти подъ иго Глинскихъ. На восемнадцатомъ году Іоаннъ рѣшилъ окончательно принять въ свои руки бразды правленія, вѣнчаться по обычаю своихъ предковъ на царство, а также жениться.

Обрядъ вѣнчанія на царство съ большой пышностью и торжественностью отправленъ былъ митрополитомъ Макаріемъ въ Успенскомъ храмѣ въ присутствіи многочисленнаго духовенства и знатнѣйшихъ бояръ. По окончаніи обряда муропомазанія Іоаннъ тутъ-же въ храмѣ принялъ поздравленія отъ духовенства, вельможъ и народа и, прослушавъ литургію, вернулся назадъ во дворецъ. Князь Юрій Васильевичъ осыпалъ его въ церковныхъ дверяхъ и на лѣстницѣ золотыми деньгами изъ мисы, которую несъ за нимъ Михаилъ Глинскій. Со времени своего вѣнчанія на царство Іоаннъ принялъ впервые и титулъ царя.

Задумавъ жениться, Іоаннъ возобновилъ древній обычай великихъ князей московскихъ — смотрины невѣсты, и изъ большого числа собранныхъ въ царскій дворецъ знатнѣйшихъ и красивѣйшихъ юныхъ дочерей боярскихъ избралъ Анастасію Захарьину, покойный отецъ которой былъ окольничимъ, а дядя бояриномъ Іоанна III. Захарьиныхъ знали и любили въ народѣ: это были богобоязненные и благородные люди и сама Анастасія отличалась большимъ умомъ, добротою, прекраснымъ ровнымъ характеромъ и оказала, насколько это было возможно съ Іоанномъ, весьма благотворное вліяніе на своего грознаго мужа. Время послѣ женитьбы было едва-ли не самымъ тяжелымъ въ жизни Грознаго. Однажды ночью выгорѣла неожиданно большая часть Москвы и народъ поднялъ мятежъ, обвиняя въ поджогѣ и чародѣйствахъ родственниковъ Іоанна по матери, Глинскихъ, которыхъ и схватили. Всѣ эти событія произвели такое впечатлѣніе на царя, что онъ на нѣкоторое время забылъ свою безпечность, оставилъ разгульную жизнь, пиры и забавы, приблизилъ къ себѣ серьезныхъ совѣтниковъ, Сильвестра и Адашева, и предпринялъ много полезныхъ преобразованій (Судебникъ, земскій и стоглавый соборы). Первый земскій соборъ созванъ былъ въ 1550 году. Обратясь къ выборнымъ «всякаго чина людямъ», Іоаннъ объявилъ имъ, что будетъ отнынѣ самъ править государствомъ и прекратитъ всякія неправды боярскаго правленія. Рѣчь свою Іоаннъ держалъ въ Кремлѣ на Лобномъ мѣстѣ.



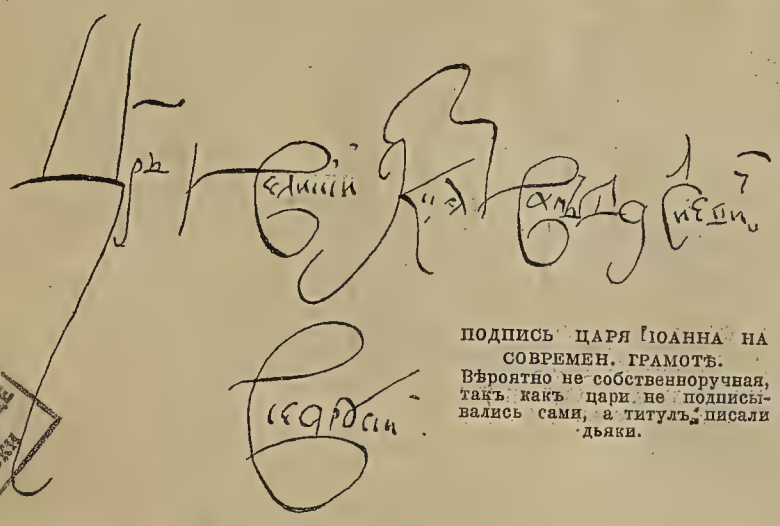
По благословенію Отца своего Великаго Князя Василія Ивановича возшествіе на престолъ Царя Іоанна Васильевича. Смотр. стран 35 строк 7

ІОАННЪ ГРОЗНЫЙ, СИДЯЩІЙ НА ПРЕСТОЛѢ И ОКРУЖЕННЫЙ СВОИМЪ ДВОРОМЪ.
Изъ царственной книги. Спб. 1769 г.

МОСКОВСКАЯ ЗЕМЛЯ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ІОАННА ГРОЗНАГО.
Гравюра на деревѣ изъ «Космографіи» Себастіана Мюнстера 1550 г.

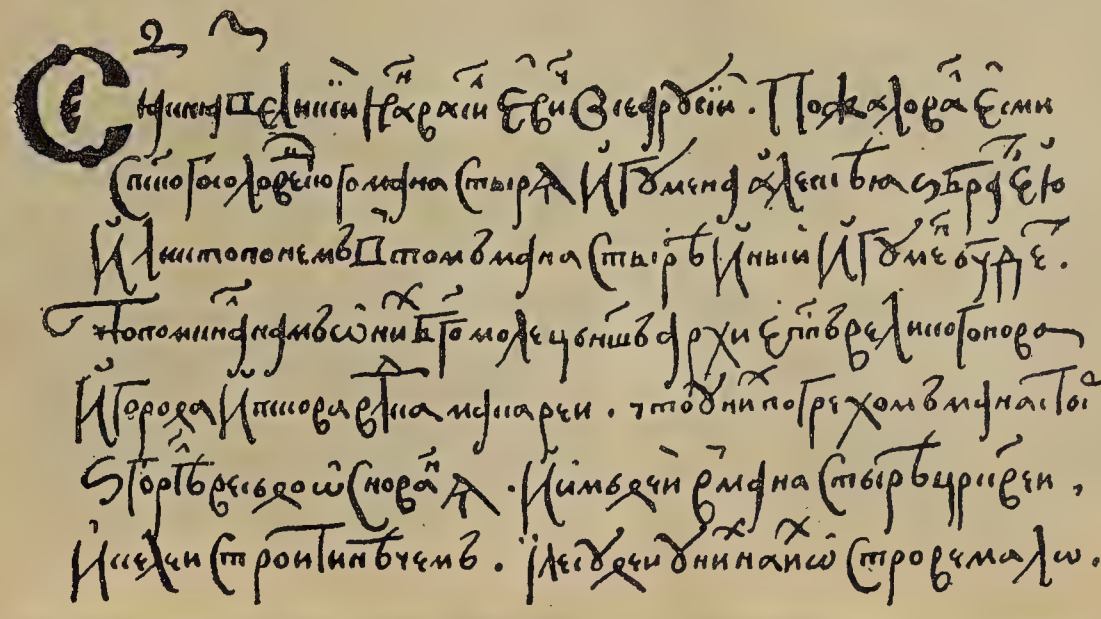
ПЕЧАТЬ ЦАРЯ ІОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА (ПЕРСТЕННАЯ).
Печать односторонняя, оттиснутая на черномъ воскѣ, была приложена къ грамотѣ 1545 года; нынѣ хранится между оттисками древнихъ русскихъ печатей въ государственномъ древлехранилищѣ хартій, рукописей и печатей.

ПЕЧАТЬ ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ІОАННА IV ВАСИЛЬЕВИЧА (ПЕРСТЕННАЯ) 1557-го ГОДА.
Печать приложена къ правой грамотѣ 1557 года на принадлежность Троице-Сергіева монастыря къ селу Привѣкамъ земли съ лугами и язами, которую присвояли во владѣніе себѣ братья Чулквы къ помѣстному селу ихъ Скорынову съ деревнями.



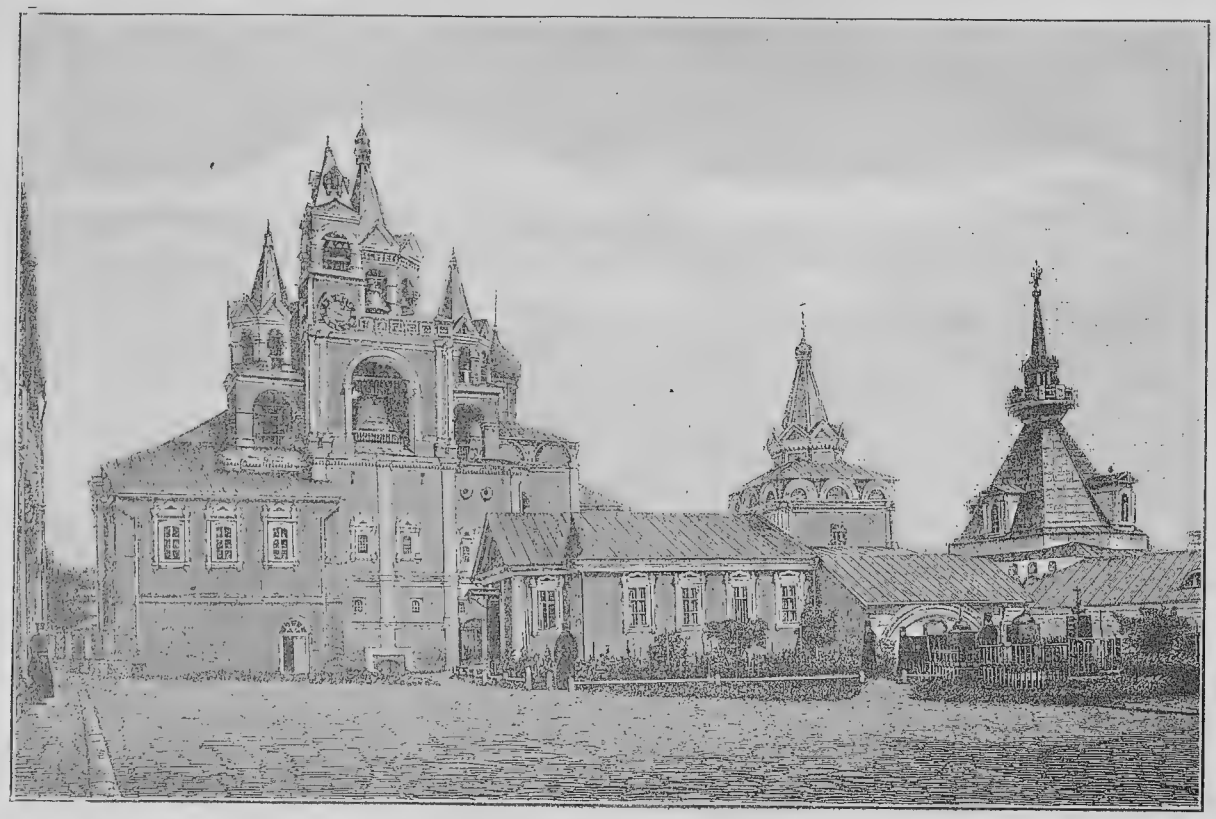
ПОДПИСЬ ЦАРЯ ІОАННА НА СОВРЕМЕН. ГРАМОТѢ.
Вѣроятно не собственноручная, такъ какъ цари не подписывались сами, а титулъ писали дьяки.

МАЛАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПЕЧАТЬ ІОАННА ГРОЗНАГО.



ЖАЛОВАННАЯ ГРАМОТА ВЕЛ. КН. ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА СПАССКОМУ СОЛОВЕЦКОМУ МОНАСТЫРЮ 1539 г.
Архивъ Мин. Юст.

81281
Центральное книгохранилище Моск. Обл. Библиотеки



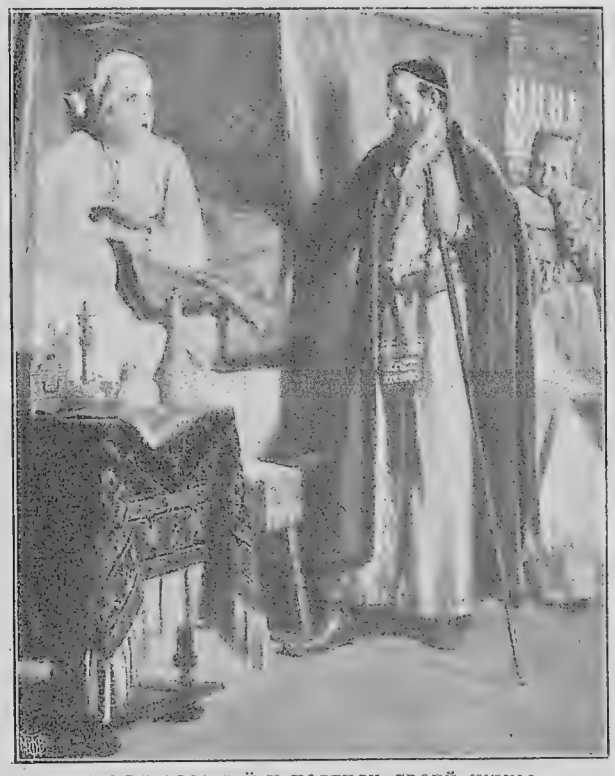
САВВИНЪ СТОРОЖЕВСКІЙ МОНАСТЫРЬ БЛИЗЪ ЗВЕНИГОРОДА (МОСК. ГУБ.), КОТОРЫЙ ПОСѢТИЛЪ ІОАННЪ ГРОЗНЫЙ СЪ АНАСТАСІЕЮ ВЪ 1549 г.

Наконецъ Анастасія порадовала Іоанна рожденіемъ сына-первенца, Дмитрія. Младенца съ большой пышностью окрестили, а царь и царица отправились вмѣстѣ на богомолье благодарить Бога за ниспосланіе имъ наслѣдника. Іоаннъ и Анастасія вообще охотно ходили на богомолье. Такъ извѣстно, что они посѣтили многіе изъ древнѣйшихъ русскихъ монастырей, были въ Саввиномъ Сторожевскомъ монастырѣ и въ Кирилло-Бѣлозерскомъ, а на малыя богомолья по московскимъ соборамъ и на поклоненіе праху почившихъ родителей ходили чуть не каждую недѣлю.

У Іоанна было отъ Анастасіи шестеро дѣтей, изъ нихъ трое царевичей: Дмитрій, старшій, скончался еще въ дѣтствѣ, второй, Іоаннъ, напоминавшій отца жестокимъ и невыдержаннымъ нравомъ, убитъ былъ подъ горячую руку отцомъ, а третій, ограниченный и богомольный Ѳеодоръ, наслѣдовалъ впослѣдствіи Грозному на русскомъ престолѣ. Къ сожалѣнію, Анастасія послѣ тринадцатилѣтняго супружества съ Грознымъ скончалась еще въ полномъ расцвѣтѣ красоты и молодости. Ходили темные слухи, что она была отравлена боярами. По крайней мѣрѣ впослѣдствіи Іоаннъ, который былъ къ ней искренно привязанъ, бросаетъ это обвиненіе въ лицо боярству въ письмахъ къ Курбскому.

ПОРТИКЪ ТРАПЕЗНОЙ ВЪ САВВО-ЗВЕНИГОРОДСКОМЪ МОНАСТЫРѢ.

ПЕРСТЕНЬ ЦАРИЦЫ И ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ МАРІИ, ВТОРОЙ СУПРУГИ ЦАРЯ ІОАННА IV-ГО ВАСИЛЬЕВИЧА РОЖДЕННОЙ КНЯЖНЫ ЧЕРКАССКОЙ.
Перстень (золотой) находится въ Москвѣ въ государственномъ древлехранилищѣ хартій, рукописей и печатей.

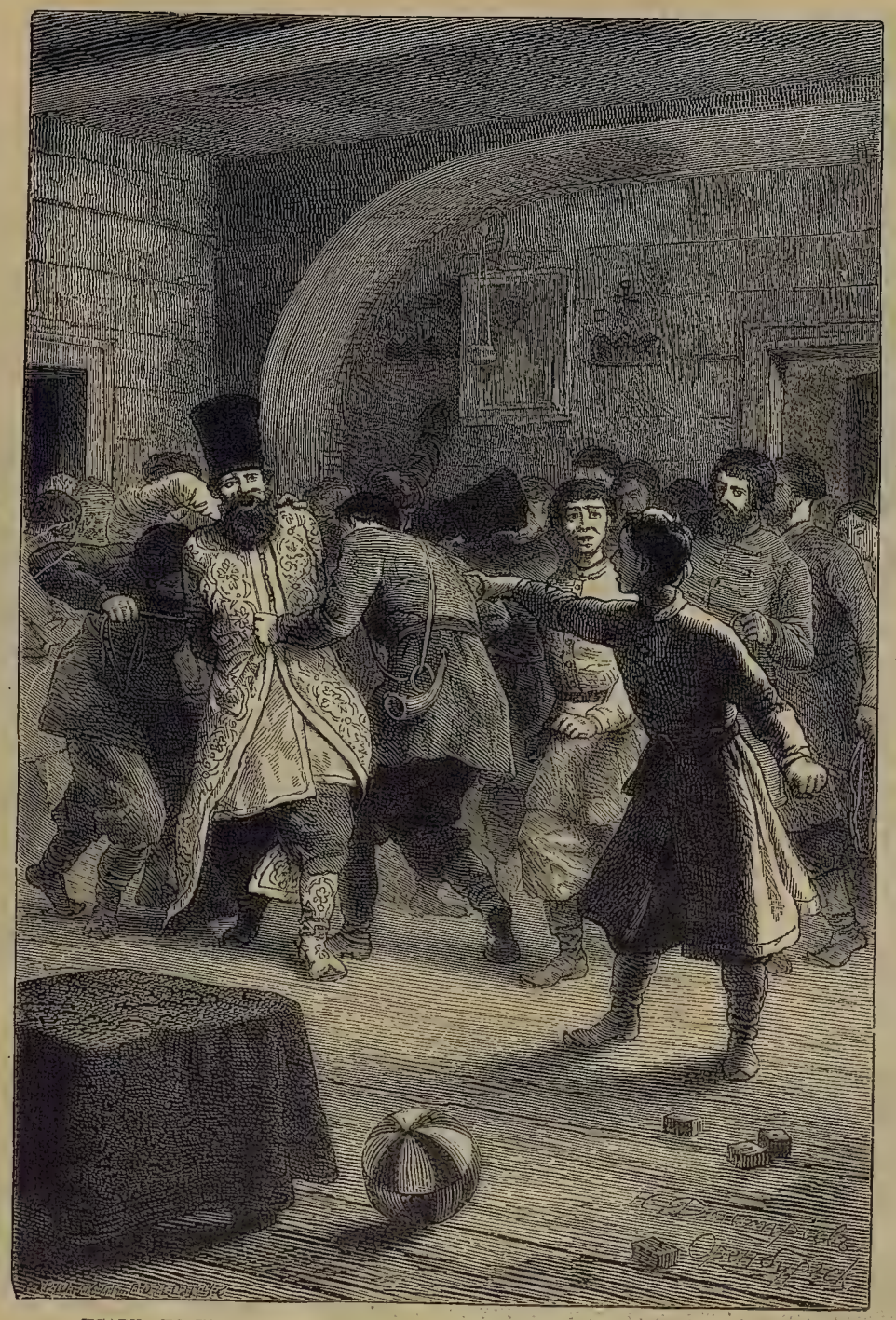


ІОАННЪ ГРОЗНЫЙ У ПОСТЕЛИ СВОЕЙ ЖЕНЫ.
Картина Н. В. Неврева.

ПЕРСТЕНЬ ЦАРИЦЫ И ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ МАРІИ, ВТОРОЙ СУПРУГИ ЦАРЯ ІОАННА IV-ГО ВАСИЛЬЕВИЧА, РОЖДЕННОЙ КНЯЖНЫ ЧЕРКАССКОЙ.
Перстень (золотой) находится въ Москвѣ въ государственномъ древлехранилищѣ хартій, рукописей и печатей.

Искренняя скорбь Іоанна по почившей царицѣ не помѣшала ему, однако, черезъ годъ послѣ ея смерти жениться во второй разъ на грузинской царевнѣ, Маріѣ Темгрюковнѣ, нравственный обликъ которой является полнѣйшей противоположностью кроткой и скромной Анастасіи. Марья Темгрюковна, настоящая восточная красавица, была вспыльчива, порывиста, недальновидна и сердце имѣла недоброе и мстительное. Марью Темгрюковну, умершую въ 1569 году, смѣнила на престолѣ и въ сердцѣ Іоанна замѣчательная красавица Марѳа Васильевна Собакина, дочь новгородскаго купца. Іоаннъ былъ такъ влюбленъ въ нее, что, женился на ней, несмотря на то, что она была припадочная (Іоаннъ былъ увѣренъ, что ее «испортили» его недруги), и она умерла, по его собственному признанію, въ дѣвствѣ. Подъ этимъ предлогомъ Іоаннъ заставилъ духовенство дать ему разрѣшеніе на четвертый бракъ съ княжной Долгорукой, вскорѣ скончавшейся въ заточеніи. Впрочемъ, соборъ безъ особыхъ затрудненій освятилъ и пятый бракъ Іоанна на дворянкѣ Аннѣ Алексѣевнѣ Колтовской, послѣ постриженія которой царь вновь женился на Аннѣ Васильчиковой. Іоаннъ былъ вообще чрезвычайно женолюбивъ и кромѣ женъ имѣлъ множество возлюбленныхъ. Болѣе другихъ любилъ онъ «женщину» Василису Мелентьеву, судьбѣ которой посвящена извѣстная драма Островскаго, носящая ея имя. Іоаннъ жилъ съ ней безъ брака, но взявъ, однако, въ церкви молитву на сожитіе. Седьмой и послѣдней женой Іоанна была Марія Нагихъ, родившая ему сына Дмитрія. Онъ намѣревался сослать въ монастырь и ее и сватался уже къ племянницѣ Елизаветы Англійской, когда смерть разрушила его замыслы.

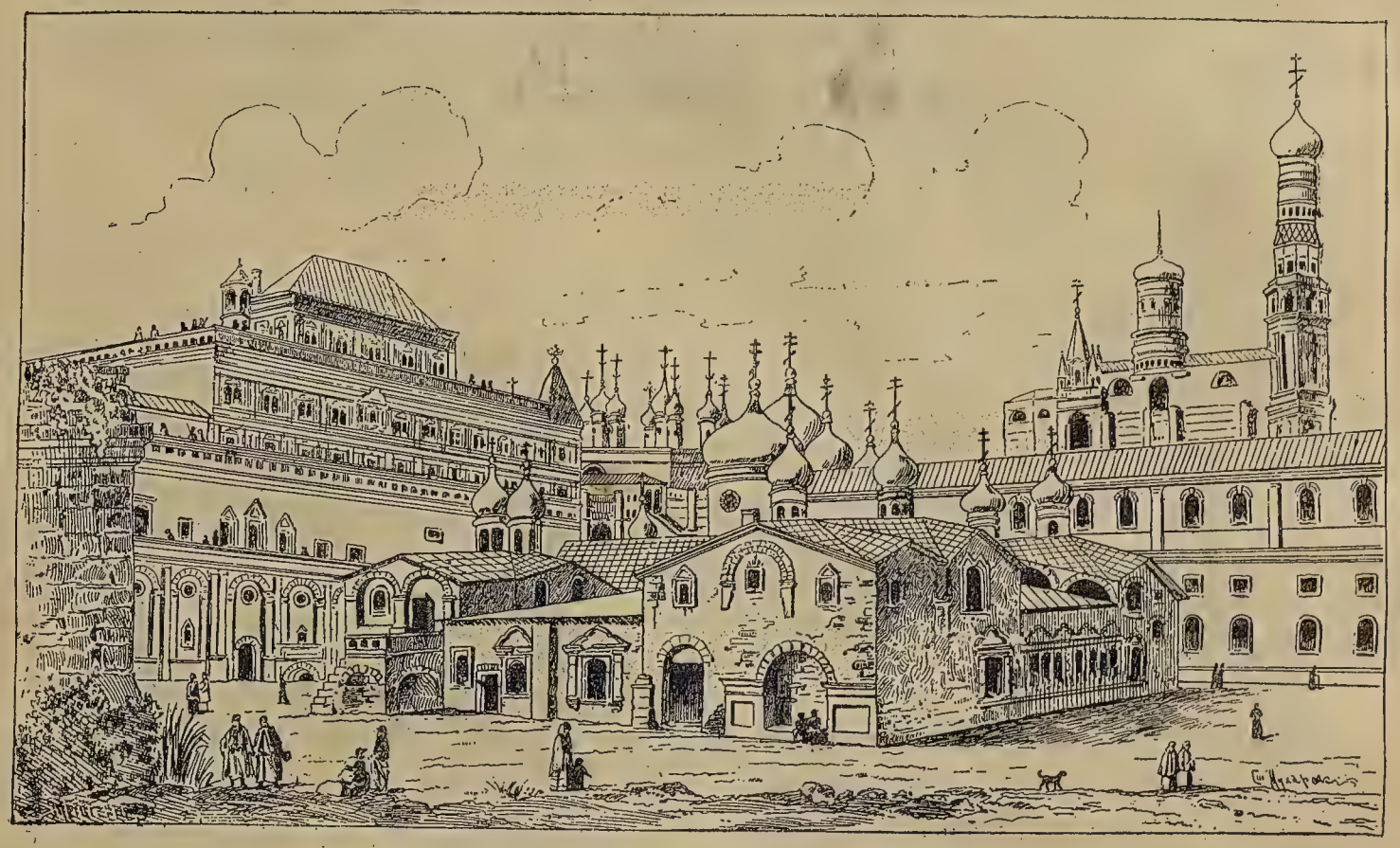
ЦАРЬ ІОАННЪ ГРОЗНЫЙ ЛЮБУЕТСЯ ВАСИЛИСОЮ МЕЛЕНТЬЕВОЮ. КАРТ. Т. С. СѢДОВА ВЪ РУССКОМЪ МУЗЕѢ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III



ПСАРИ, ПО ПРИКАЗАНІЮ ІОАННА, ХВАТАЮТЪ КНЯЗЯ АНДРЕЯ ШУЙСКАГО.
Рисунокъ И. Дмитріева-Оренбургскаго.

РѢЧЬ ЦАРЯ ІОАННА IV НА ЛОБНОМЪ МѢСТѢ 1550 г.
Рисунокъ А. Шарлеманя, гравюра на сталн Ф. Л. Брэгкауза.

ЧАСТЬ ПЛАНА МОСКВЫ ВРЕМЕНЪ ВАСИЛІЯ ИВАНОВИЧА СЪ ЕГО ПОРТРЕТОМЪ.
(Съ нѣмецкой гравюры на мѣди XVII вѣка). Изъ собр. Дашкова.



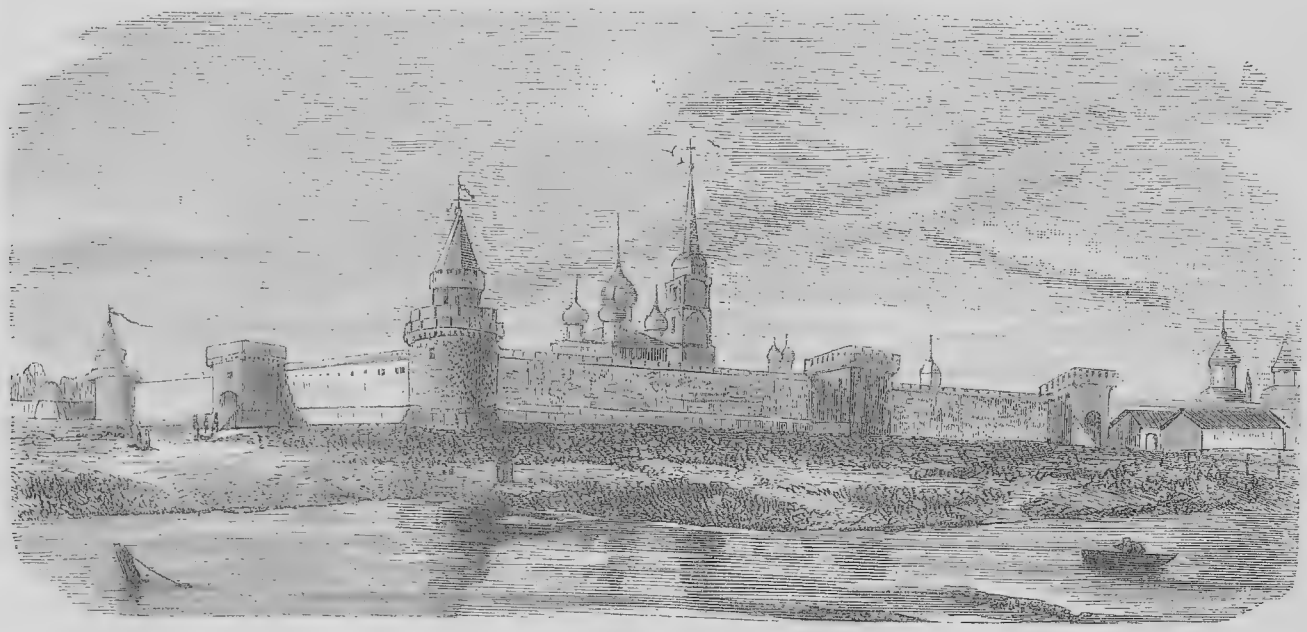
СПАСЪ НА БОРУ (СЪ СОВРЕМЕННОЙ ГРАВЮРЫ). МОСКВА.

ПОРТИКЪ-ЧАСОВНЯ БЛИЗЪ ПЕРЕЯСЛАВЛЯ, ПО ПРЕДАНІЮ, СООРУЖЕННЫЙ ІОАННОМЪ ГРОЗНЫМЪ.

ДЕТАЛЬ ЧАСОВНИ, ПОСТРОЕННОЙ, ПО ПРЕДАНІЮ, ЦАРЕМЪ ІОАННОМЪ ГРОЗНЫМЪ БЛИЗЪ ПЕРЕЯСЛАВЛЯ-ЗАЛѢССКАГО ВЛАДИМ. ГУБ.

Одной изъ самыхъ блестящихъ страницъ исторіи царствованія Іоанна Грознаго слѣдуетъ по справедливости считать завоеваніе Казани. Уже со времени свержения Русью татарскаго ига, татары и русскіе, очутясь въ близкомъ сосѣдствѣ, не могли разумѣется не враждовать между собою. Но теперь во всѣхъ столкновеніяхъ побѣдительницей выходила почти всегда могущественная Россія. Со временъ Василія III въ Казани образовались двѣ партіи: московская—стоявшая за союзъ съ Москвой, и крымская—усердно поддерживавшая сношенія съ крымскими ханами. Борьба этихъ партій выражалась въ частой смѣнѣ хановъ. Іоаннъ искусно воспользовался этими междоусобіями.

Москва поддерживала на казанскомъ престолѣ хана Шигъ-Алея; правленіе его было собственно фиктивнымъ: царь игралъ роль плѣнника, всѣмъ правили вельможи. Между тѣмъ противная партія не дремала и вновь завязала сношенія съ враждебнымъ Москвѣ ханомъ Сафа-Гиреемъ; тогда Шигъ-Алей, положеніе котораго было въ высшей степени затруднительнымъ и даже опаснымъ, бѣжалъ въ Россію, а соперникъ его Сафа-Гирей въ третій разъ сѣлъ на казанскомъ престолѣ. Впрочемъ, онъ скоро умеръ, оставивъ маленькаго сына, который и былъ провозглашенъ царемъ. Желая примириться съ Москвою, казанцы уже шли на уступки и хотѣли выдать вдову Сафа-Гирея Сююмбеку за московскаго ставленника, Шигъ-Алея, надѣясь такимъ образомъ примирить интересы Іоанна и казанцевъ. Іоаннъ во время этихъ пе-



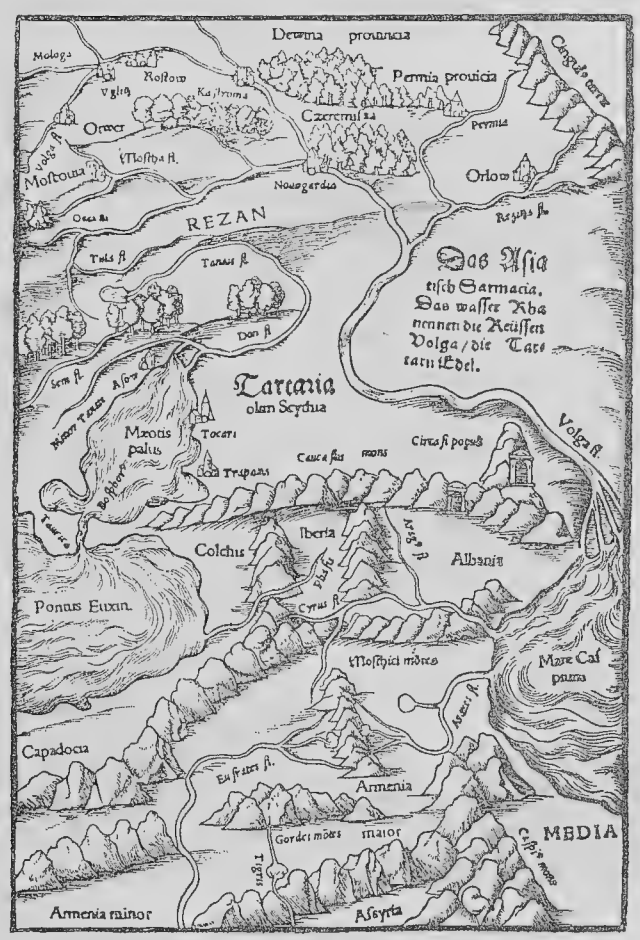
ВИДЪ КРЕМЛЯ ВЪ ТУЛѢ.

ЦЕРКОВЬ СВ. КУЗЬМЫ И ДЕМЬЯНА ВЪ МУРОМѢ, ГДѢ ПЕРЕДЪ ОСАДОЮ КАЗАНИ ІОАННОМЪ ГРОЗНЫМЪ БЫЛО СОВЕРШЕНО МОЛЕБСТВІЕ.

УСПЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ, ГДѢ, ПО ПРЕДАНІЮ, ЖИЛЪ ЦАРЬ ІОАННЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГРОЗНЫЙ, ВЪ УСПЕНСКОМЪ ЖЕНСКОМЪ МОНАСТ., ВЪ Г. АЛЕКСАНДРОВѢ ВЛАДИМІРСКОЙ ГУБ.

реговоровъ старался укрѣпиться поближе къ Казани: въ 1551 г. у устья Свіяги при участіи Шигъ-Алея основанъ былъ Свіяжскъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ покорилась и вся горная сторона—чуваши, мордва и черемисы, и русскіе принялись опустошать предѣлы казанскаго царства. Уже послѣ всевозможныхъ переговоровъ, мятежей и новыхъ уступокъ русскіе готовились принять присягу отъ казанцевъ и прислать имъ своего намѣстника, когда въ Казани вспыхнулъ грандіозный мятежъ, при чемъ къ казанцамъ пристали и горные черемисы; на престолъ ханскій призванъ былъ астраханскій царевичъ Едигеръ Магметъ, который далъ своимъ избирателямъ клятву быть непримиримымъ врагомъ Россіи. Все это вызвало послѣдній походъ русскихъ противъ Казани.

Іоаннъ отправился въ походъ и самъ, захвативъ съ собою Шигъ-Алея; по дорогѣ онъ получилъ извѣстіе, что крымцы тоже двинулись въ русскія области и осадили Тулу; жители ея защищались какъ



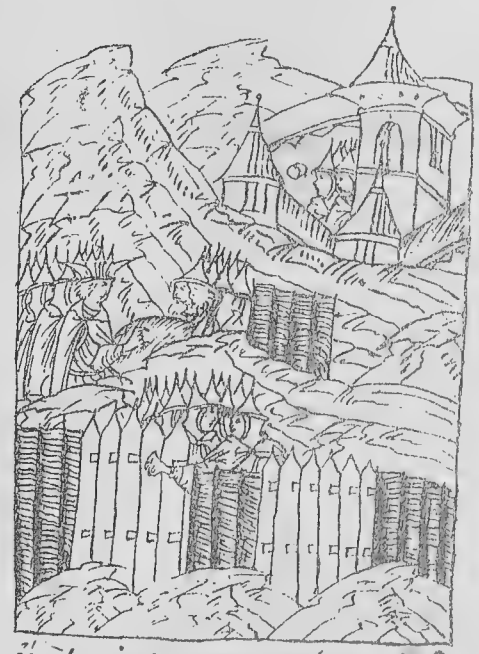
КАРТА ВОСТОЧНОЙ РОССІИ.
Изъ «Космографіи» Себастіана Мюнстера 1550 г.

ІВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ШЕРЕМЕТЕВЪ-БОЛЬШОЙ, ПО ПРИКАЗУ ГРОЗНАГО, ВЕДЕТЪ ПЕРЕГОВОРЫ СЪ КАЗАНСКИМИ ПОСЛАМИ ВЪ 1552 ГОДУ.
Изъ царственной книги синодальной библіотеки.

КАЗАНЬ ВЪ XVII ВѢКѢ (СЪ ГРАВЮРЫ ОЛЕАРІЯ).

ЗНАМЯ ГРОЗНАГО, ХРАНЯЩЕЕСЯ ВЪ ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТѢ.

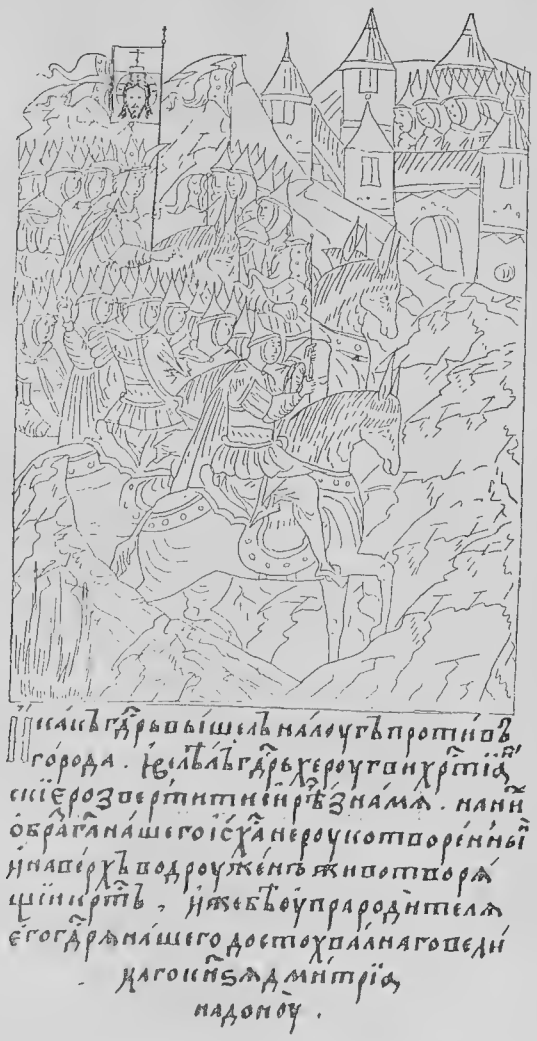
Подъ этимъ знаменемъ стоялъ Іоаннъ во время штурма Казани. На немъ видно Нерукотворенный образъ Спаса, поддерживаемый двумя ангелами. Вокругъ образа вышитъ тропарь: «Пречистому Твоему образу поклоняемся, Благій, просяще прощенія прегрѣшеніямъ нашимъ Христе Боже....»



ПОХОДЪ ПРОТИВЪ КАЗАНИ.
Изъ царственной книги синодальной библіотеки.

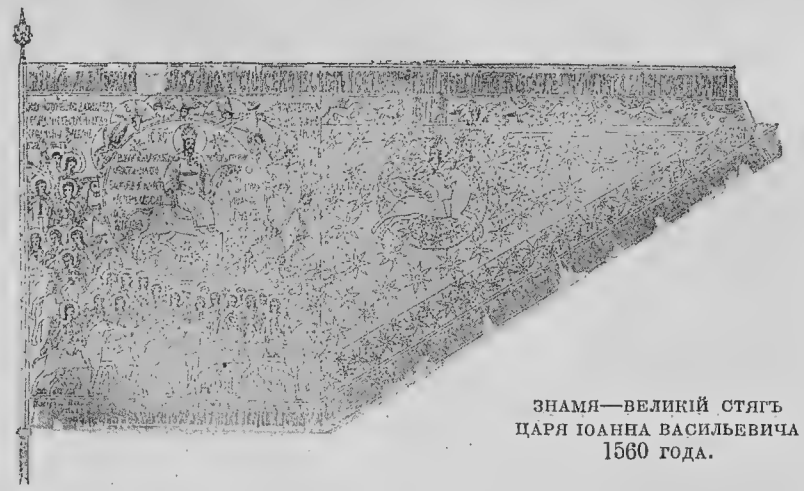
могли сами, пока не подоспѣли имъ на помощь Іоанновы войска: ханъ при первой вѣсти о ихъ приближеніи поспѣшно удалился, русскіе бросились за нимъ и оттѣснили его въ степи; въ этихъ столкновеніяхъ отличился впервые князь Андрей Курбскій.

Послѣ этого Іоаннъ съ войскомъ пошелъ уже прямо на Казань и осадилъ ее; это былъ, между прочимъ, со стороны русскихъ первый опытъ правильнаго веденія осады. Защитники Казани, одушевленные отчаяніемъ и страхомъ потерять послѣднюю надежду на независимость своего царства, выказали удивительную стойкость и беззавѣтное мужество, такъ что Іоаннъ купилъ побѣду весьма дорогой цѣной. 23 августа 1552 года утромъ русскіе пошли на приступъ. Съ восходомъ солнца былъ отпѣтъ молебенъ и Іоаннъ произнесъ рѣчь къ войску, ободряя и воодушевляя его, и самъ повелъ полки на приступъ, который былъ отбитъ. Но начало уже было положено: съ тѣхъ поръ войска чуть не каждый день штурмовали Казань, а татары въ свою очередь трево·



ЦАРЬ ІОАННЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГРОЗНЫЙ У СТѢНЪ КАЗАНИ.
Приказъ царя развернуть «христіанскія хоругви» (знамена). На одной хоругви помѣщенъ образъ Спасителя, а вверху ея водруженъ св. крестъ, бывшій у вел. кн. Димитрія Донского. (Изъ царственной книги синодальной библіотеки).

жили русскихъ по ночамъ отчаянно-смѣлыми вылазками. Наконецъ нѣмецъ-инженеръ, бывшій на службѣ у Іоанна, устроилъ подкопъ и у казанцевъ переняли воду, а затѣмъ возвелъ и еще цѣлую систему подкоповъ. Послѣ пятинедѣльнаго стоянія русскихъ подъ городомъ взорвана была, наконецъ, часть го-



ЗНАМЯ—ВЕЛИКІЙ СТЯГЪ
ЦАРЯ ІОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА
1560 года.

родской стѣны и русскіе ворвались въ городъ. 1-го октября Казань была уже въ рукахъ русскихъ. Рѣзня произошла ужасная: татары отдавали съ бою каждую улицу; дрались на заборахъ, на крышахъ домовъ. Едигеръ засѣлъ въ своемъ укрѣпленномъ дворцѣ и сражался болѣе часу. Наконецъ, тѣснимые русскими казанцы возвели Едигера на одну изъ уцѣлѣвшихъ башенъ и, давъ знакъ, что желаютъ завести переговоры, объявили русскимъ:

— Доколѣ у насъ было царство, мы умирали за царя и отечество. Теперь Казань ваша; отдаемъ вамъ своего царя живымъ, ведите его къ Іоанну, а мы идемъ на поле испить съ вами послѣднюю чашу.

И въ виду нашего войска татары перешли рѣку Казанку и кинулись было къ лѣсу, но тутъ русскіе догнали ихъ; татары завязали съ полками Іоанна

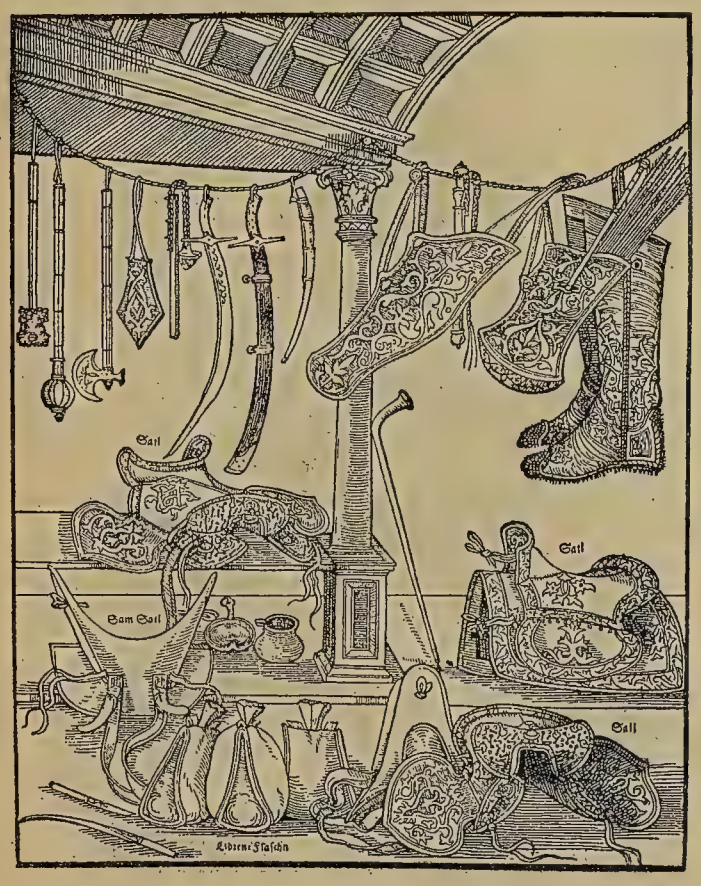
СТАРИННЫЯ РУССКІЯ ЗНАМЕНА.

КАЗАНЬ. БАШНЯ СЮЮМБЕКИ.

ЕРИХОНКА РУССКОЙ РАБОТЫ XVI ВѢКА.

ЕРИХОНКА РУССКОЙ РАБОТЫ XVI ВѢКА. ШАПКА ЕРИХОНКА КН. В. В. ГОЛИЦЫНА.

ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ ДРЕВНИХЪ РУССКИХЪ ВОИНОВЪ.



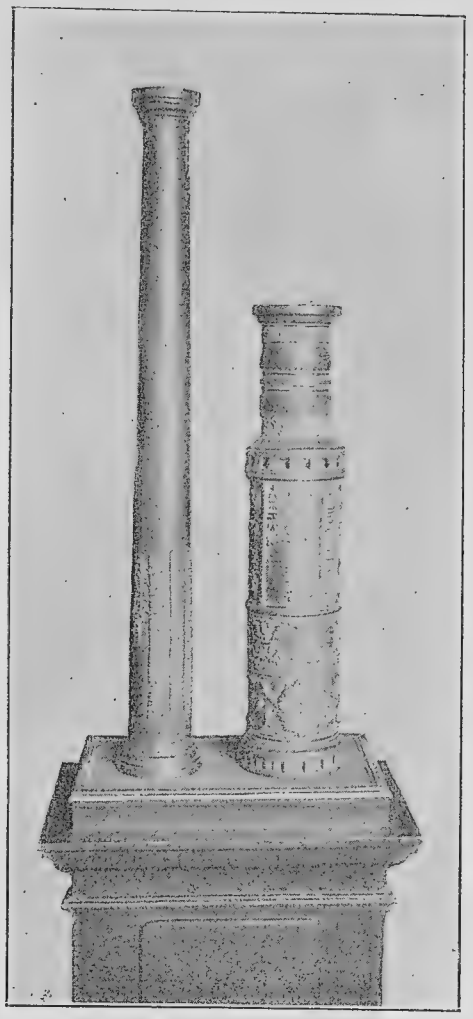
РУССКОЕ ОРУЖІЕ И СБРУЯ XVI-ГО ВѢКА.
Гравюра изъ книги Герберштейна «Rerum Moscoviticarum»

МОСКОВСКІЕ ВОИНЫ.
Уменьш. факсимиле гравюры изъ книги Герберштейна «Rerum Moscoviticarum commentarii».

РУССКОЕ ОРУЖІЕ XVI И XVII СТОЛѢТІЯ.
ШИШАКИ СЪ ЗАТЫЛЬНИКАМИ И УШНЫМИ ПРИКРЫТІЯМИ.—ПАРАДНАЯ САБЛЯ РУССКАГО ВОЕВОДЫ XVI СТОЛѢТІЯ.—ПАРАДНАЯ БОЯРСКАЯ САБЛЯ XVII СТОЛѢТІЯ.

РАТНИКЪ ВЪ ЗАБРАЛѢ И ВЪ ШЕЛОМѢ (XIV ПО XVII ВѢКЪ).

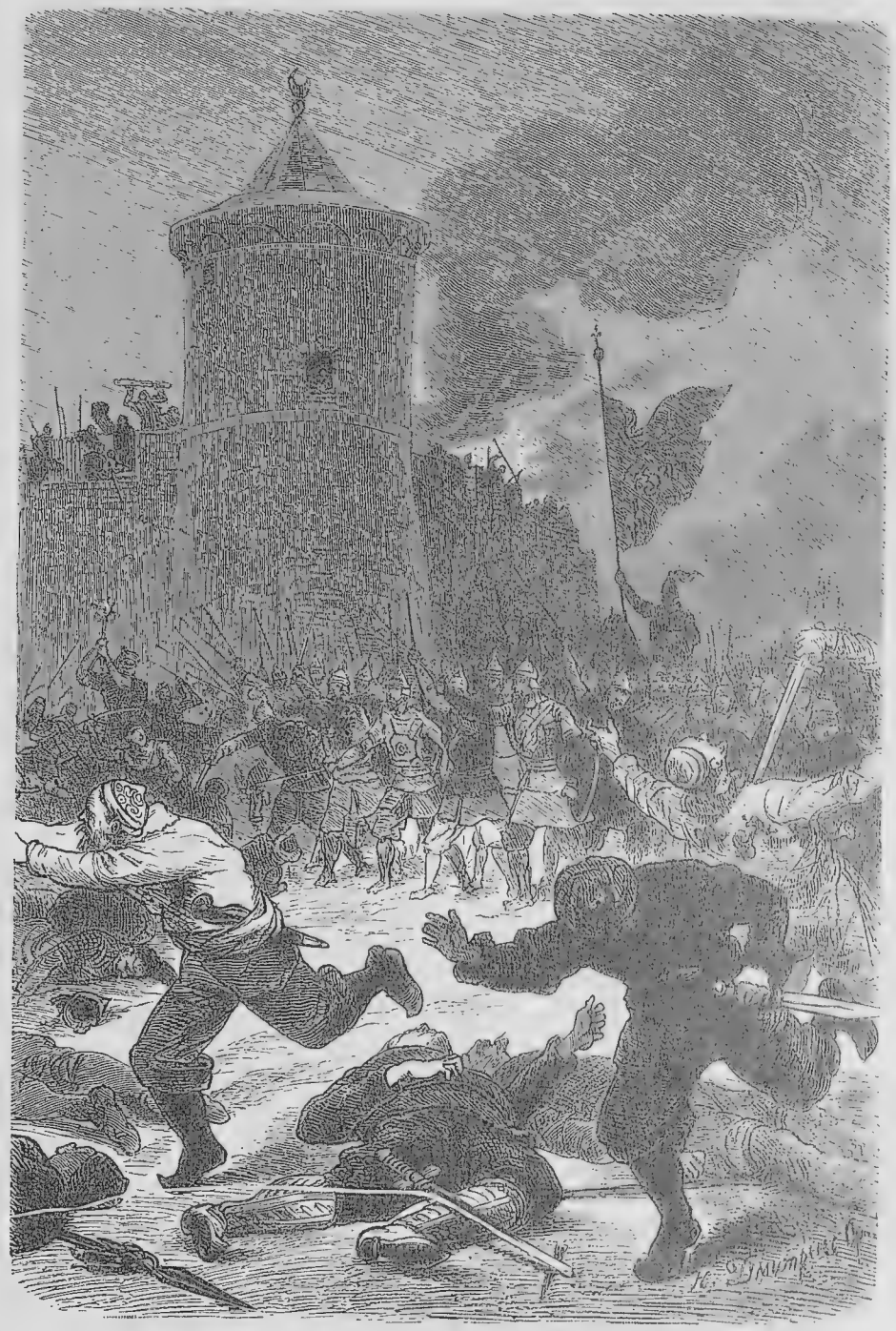
РАТНИКИ ВЪ ТЕЧИЛЯЯХЪ И ШАПКАХЪ ЖЕЛѢЗНЫХЪ (XIV ПО XVII ВѢКЪ).



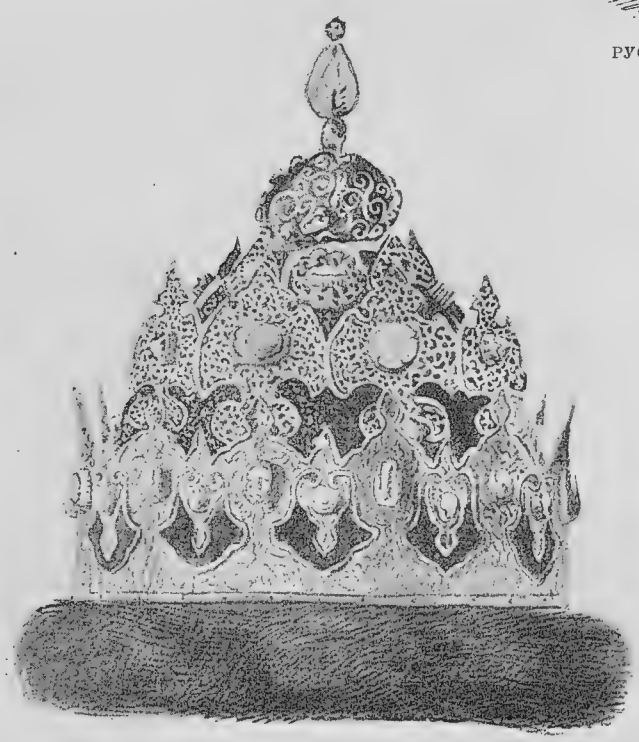
МѢДНАЯ ПИЩАЛЬ 1485 г.—МѢДНАЯ ГАУБИЦА 1542 г.

послѣднюю схватку и никто изъ доблестныхъ защитниковъ Казани не сдался живымъ.

Воротынскій первый извѣстилъ Іоанна о взятіи Казани, и царь приказалъ отпѣть молебенъ и собственноручно водрузилъ крестъ у такъ-называемыхъ царскихъ воротъ, приказавъ построить на этомъ мѣстѣ первую православную церковь въ Казани. Множество освобожденныхъ въ этотъ день русскихъ



РУССКІЯ ВОЙСКА ВЛАМЫВАЮТСЯ ВЪ КАЗАНЬ. РИС. П. ДМИТРІЕВА-ОРЕНБУРГСКАГО.



ШАПКА ЦАРСТВА КАЗАНСКАГО.

ПАМЯТНИКЪ ПО УБИТЫМЪ ПРИ ВЗЯТІИ КАЗАНИ.

ВЗЯТІЕ КАЗАНИ ІОАННОМЪ ГРОЗНЫМЪ (РИС. Б. ЧОРИКОВА, ЛИТОГР. П. ИВАНОВА, ИЗЪ ИЗДАНІЯ «ЖИВОПИСНЫЙ КАРАМЗИНЪ»).

плѣнниковъ съ восторгомъ встрѣчали наши войска и Іоанна и привѣтствовали его криками:

— Избавитель! ты вывелъ насъ изъ ада!

Такъ покорена была Казань. Едигера увезли плѣнникомъ въ Россію, гдѣ онъ впослѣдствіи принялъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, христіанство. Казань очистили отъ труповъ и 3-го октября состоялся торжественный въѣздъ въ нее Іоанна. Духовенство обошло съ Іоанномъ всю Казань, посвящая ее «Богу истинному», и тутъ-же на главной площади заложена была церковь — соборъ Благовѣщенія; башни и укрѣпленія были возобновлены и снабжены пушками и гарнизонами. Вслѣдъ за взятіемъ Казани покори-

ПОКОРЕНІЕ КАЗАНИ.
Картина Г. И. Угрюмова въ русс. музеѣ Имп. Александра III.

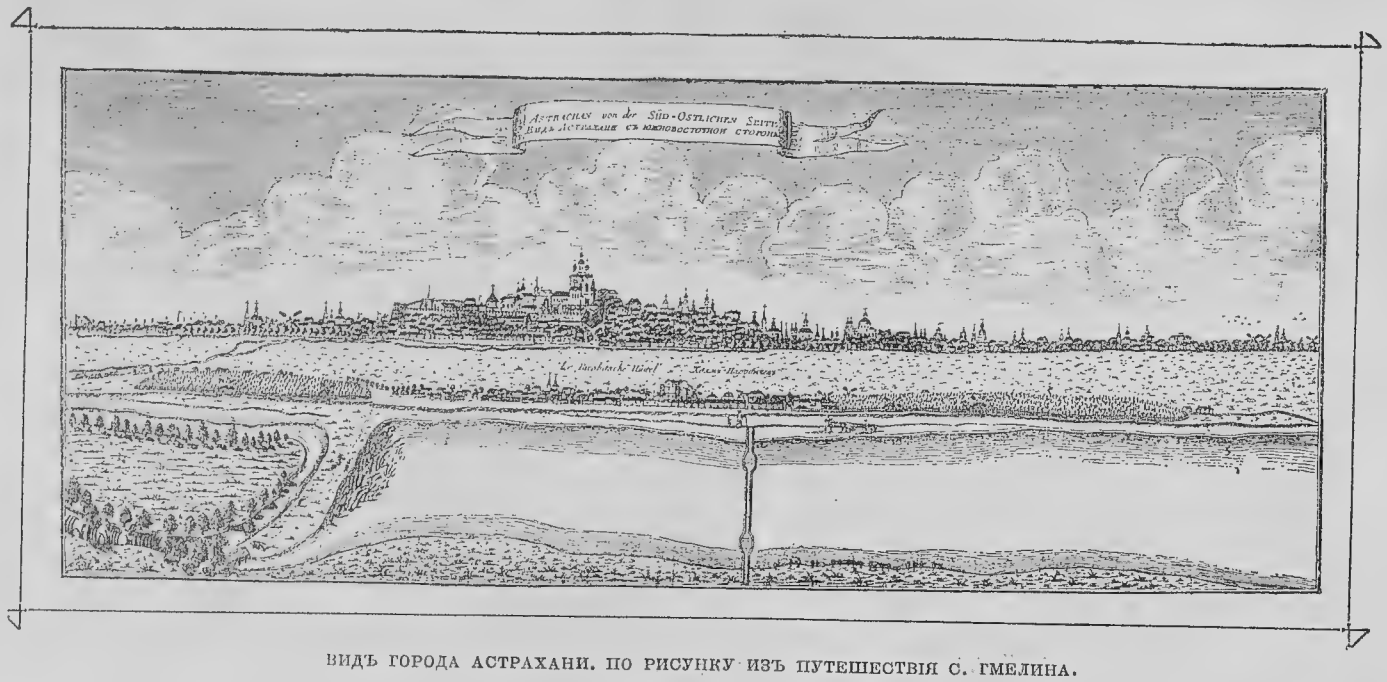
ПОКРОВСКІЙ СОБОРЪ ИЛИ ЦЕРКОВЬ ВАСИЛІЯ БЛАЖЕННАГО,
сооруж. въ XVI вѣкѣ Іоанномъ Грознымъ въ память покоренія Казани.
(Изъ Олеарія 1656 г.).

ЦЕРКОВЬ ВАСИЛІЯ БЛАЖЕННАГО ВЪ НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ. СЪ ФОТОГРАФІИ.

лась Москвѣ и такъ-называемая «Орская область», а также и область луговой черемисы; казанское царство пало такимъ образомъ окончательно. Дольше другихъ упорствовали башкиры, но и они черезъ два года должны были покориться.

Покореніе Казани и освобожденіе изъ тяжкаго татарскаго плѣна нѣсколькихъ тысячъ томившихся въ немъ долгіе годы русскихъ плѣнниковъ высоко подняли Іоанна въ глазахъ современниковъ и потомства и имѣли громадное значеніе для всей государственной жизни Руси: пало самое могущественное мусульманское татарское царство, которое причиняло столько безпокойства и страданій московскимъ областямъ, куда постоянно уводились въ плѣнъ масса русскихъ людей. Іоаннъ первый, въ сущности, одержалъ исключительно-блестящую побѣду надъ татарами, предъ которыми столько унижались русскіе великіе князья, иго которыхъ такъ долго тяготѣло надъ русскимъ народомъ. Вотъ почему Русь съ такимъ воодушевленіемъ воспѣла Іоанна въ своихъ пѣсняхъ, какъ славнаго покорителя Казани.

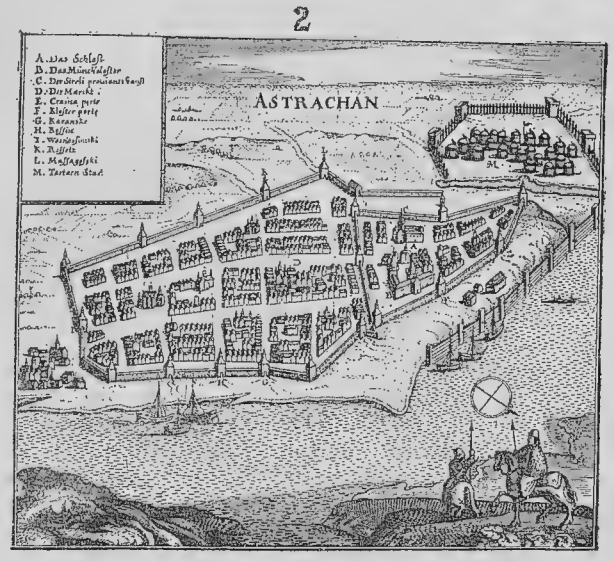
Желая оставить достойный памятникъ завоеванія Казани, Іоаннъ по прибытіи въ Москву заложилъ у Спасскихъ воротъ великолѣпный храмъ Покрова (или Василія Блаженнаго) о девяти куполахъ, лучшій памятникъ готической архитектуры въ нашей первопрестольной столицѣ.



ВИДЪ ГОРОДА АСТРАХАНИ. ПО РИСУНКУ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ С. ГМЕЛИНА.

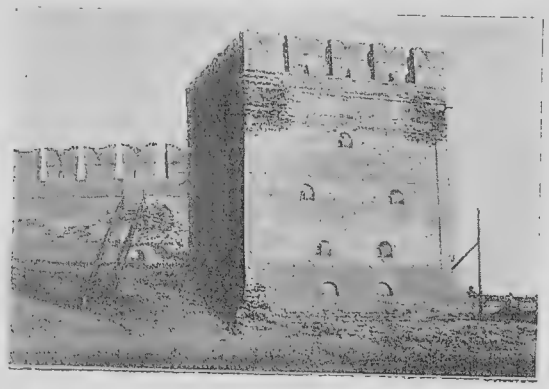
1

2



АСТРАХАНЬ ВЪ XVI И XVII ВѢКѢ. СЪ СОВРЕМЕННЫХЪ ГРАВЮРЪ.

Окончательно утвердиться русскимъ въ Приволжьѣ мѣшали многочисленныя и сильныя орды ногайскихъ татаръ, которыхъ постоянно подбивалъ къ набѣгамъ и мятежамъ турецкій султанъ, который никакъ не могъ примириться съ мыслью, что цѣлый богатый край навѣки ускользаетъ изъ его рукъ и тысячи мусульманъ становятся данниками ненавистнаго ему православнаго московскаго царя. Къ счастію для Москвы ногайскіе ханы дѣйствовали несмѣло и недружно: ихъ раздѣляли вѣчные споры за владѣнія и добычу, и многіе изъ нихъ въ тяжелыя минуты даже сами искали у Москвы защиты и помощи противъ своихъ-же единовѣрцевъ. Такъ, ближайшимъ поводомъ къ завоеванію Іоанномъ Астрахани явилась просьба одного изъ ногайскихъ князей помочь ему войсками и деньгами въ борьбѣ съ Астраханскимъ ханомъ Ямгурчеемъ. Іоаннъ немедленно отозвался на это предложеніе; у него были съ Ямгурчеемъ и собственные счеты: во-первыхъ, въ Астрахани оскорбили и ограбили русскаго посла, а во-вторыхъ, Ямгурчей черезчуръ дружилъ съ крымскимъ ханомъ, заклятымъ врагомъ Москвы.

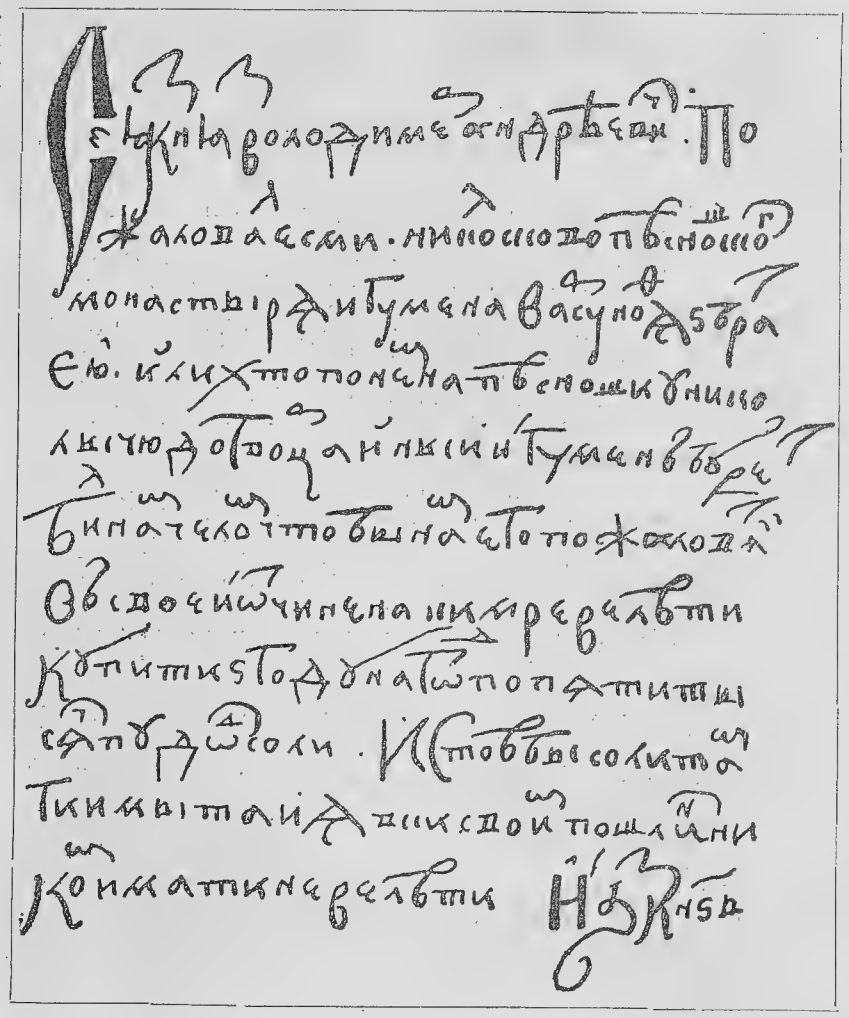


КРЕМЛЬ ВЪ АСТРАХАНИ. ЧАСТЬ КРѢПОСТНОЙ СТѢНЫ.

КРЕМЛЬ ВЪ АСТРАХАНИ. НИКОЛЬСКІЯ ВОРОТА.

БАШНЯ И ЧАСТЬ СТѢНЫ АСТРАХАНСКАГО КРЕМЛЯ. СЪ ФОТОГРАФІИ.

Іоаннъ-же, искренно или нѣтъ, но считалъ, кромѣ того, Астрахань древнимъ достояніемъ Россіи, утверждая, по примѣру многихъ тогдашнихъ русскихъ патріотовъ, что Астрахань захватила въ сущности области древней Тмутаракани, гдѣ княжилъ нѣкогда одинъ изъ сыновей св. Владиміра, извѣстный Мстиславъ Удалой. Едвали, кромѣ сходства имени, Іоаннъ и его единомышленники могли представить болѣе серьезныя доказательства своихъ правъ, но какъ лишній предлогъ для объявленія войны пригодились и эти соображенія, и снисходя къ просьбамъ ногайскихъ мурзъ, хлопотавшихъ о водвореніи въ Астрахани изгнанника Дербыша, одного изъ ногайскихъ князей, сидѣвшаго въ Астрахани раньше Ямгурчея, Іоаннъ, призвавъ его въ 1554 году изъ ногайскихъ улусовъ, послалъ съ нимъ въ Астрахань на судахъ войско, не многочисленное, но отборное, подъ предводительствомъ князя Юрія Ивановича Пронскаго-Шемякина и извѣстнаго своей беззавѣтной храбростью постельничаго Игнатія Вешнякова. Добравшись до Переволоки, русскіе выслали впередъ князя Александра Вяземскаго, который близъ Чернаго острова разбилъ передовые отряды астраханцевъ, высланныхъ развѣдать о нашихъ силахъ. Узнали отъ плѣнныхъ, что Ямгурчей стоитъ въ пяти верстахъ ниже города и двинулись туда, мимо бывшей татарской столицы Сарая, давно уже лежавшей въ развалинахъ. Все бѣжало передъ русскими войсками, и Шемякинъ 2-го іюля вступилъ въ безлюдную Астрахань, тогда какъ русскіе отряды всюду гнались за бѣгущими и преслѣдовали ихъ до Тюмени и Бѣлаго моря. Ямгурчей ускакалъ въ Азовъ, но русскіе захватили его женъ и дочерей, а также многихъ знатныхъ чиновниковъ, которые изъявили желаніе служить Дербышу и зависѣть отъ Россіи, требуя взамѣнъ только личной свободы. Вокругъ Дербыша собралось до пятисотъ князей и мурзъ и до десяти тысячъ народа. Всѣ присягнули на вѣрность Іоанну и обязались высылать ему въ видѣ ежегодной дани по 40 тысячъ алтынъ и по три тысячи рыбъ и, въ случаѣ смерти Дербыша, принять въ цари кого пожелаетъ Іоаннъ, или его наслѣдники.



ГРАМОТА КН. ВЛАДИМІРА АНДРЕЕВИЧА НИКОЛЬСКОМУ ПѢСНОШСКОМУ МОНАСТЫРЮ 1555 г. (АРХИВЪ МИН. ЮСТ.).

Но Дербышъ недолго оставался вѣренъ Іоанну, завелъ тайныя сношенія съ крымскимъ ханомъ Девлетъ-Гиреемъ и окружилъ себя крымцами, а когда стрѣлецкій голова Иванъ Черемисиновъ посланъ былъ обличить его, Дербышъ вышелъ навстрѣчу русскому отряду со значительной военной силой, ногайцами и крымцами, ободренный немногочисленностью русскаго войска. Но на сторону русскихъ перешелъ значительный ногайскій князь, Исламъ, и Дербышъ, разбитый на голову, бѣжалъ по слѣдамъ Ямгурчея въ Азовъ. Такимъ образомъ, въ 1556 году Астрахань окончательно подчинена была Москвѣ. Черемисиновъ наложилъ на астраханцевъ легкую дань, умно и справедливо обходился съ ними, возвратилъ пострадавшимъ во время войнъ прежнее ихъ имущество. Теперь вся Волга была уже въ рукахъ русскихъ.

ЦАРЬ ІОАННЪ ГРОЗНЫЙ

ДЕРПТЪ ВЪ 1553 ГОДУ. СОВРЕМЕННАЯ ГРАВЮРА.

ПЕЧАТЬ Г. ПЕРНОВА,
съ надписью: «Secretum civium de Perona».

ПЕЧАТЬ Г. ДЕРПТА,
съ надписью: «Sigillum civitatis Tarbatensis». Ориг. величина.

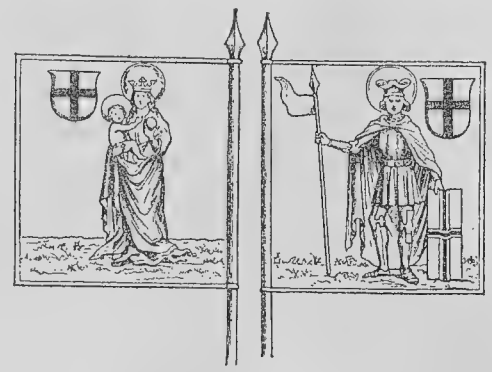
ПЕЧАТЬ Г. ВЕНДЕНА,
съ надписью: «Sigillum civitatis de Wenda».

Сильвестръ и другіе совѣтники Іоанна побуждали его всѣми силами, по завоеваніи Казани и Астрахани, кончить и съ Крымомъ, который доставлялъ русскимъ не мало хлопотъ своими разбойничьими набѣгами, отъ которыхъ постоянно жестоко страдали окраины государства, такъ какъ татары выжигали цѣлыя селенія, а жителей толпами уводили въ неволю. Тѣмъ не менѣе дальновидный Іоаннъ не могъ не видѣть полнѣйшей несбыточности этого, съ виду такого простого, плана: между Крымомъ и московскими владѣніями разстилались огромныя, незаселенныя степи, гдѣ кочевали разбойничьи татарскія шайки; слишкомъ много напряженія потребовалось-бы отъ Москвы, чтобы удержать Крымъ за собою; притомъ завоеваніе Крыма неизбѣжно вовлекло бы русскихъ и въ войну съ турками, такъ какъ крымскій ханъ былъ данникомъ султана.

ГОТГАРДТЪ КЕТЛЕРЪ.

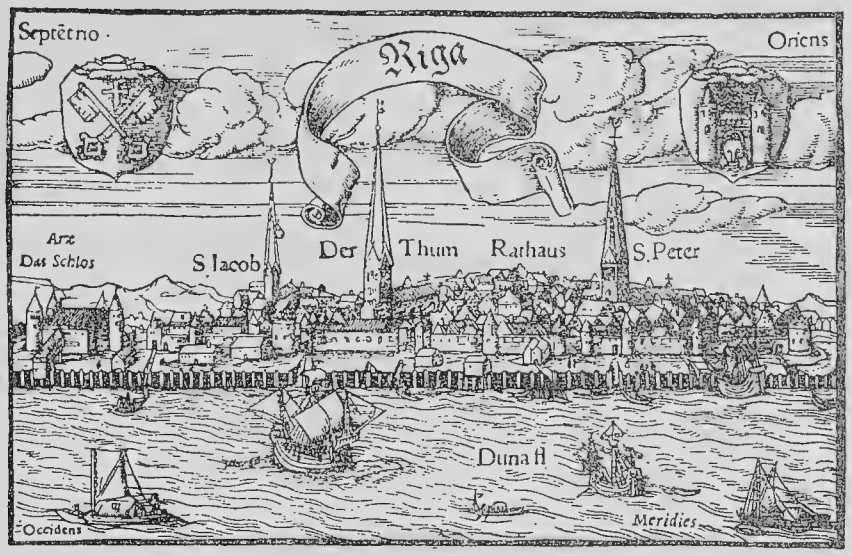
Іоанна давно занимали мысли о другомъ, болѣе важномъ для него, предпріятіи: возвращеніи береговъ Балтійскаго моря, завоеванныхъ ливонскими рыцарями, чтобы обезпечить себѣ ближайшій путь для необходимыхъ сношеній съ западомъ, польза которыхъ давно была очевидна Іоанну. Между тѣмъ враждебные Россіи поляки и ливонцы не только препятствовали всячески этимъ сношеніямъ, но и не пропускали вызываемыхъ въ Москву ученыхъ и художниковъ, которые приносили съ собою просвѣщеніе, мастеровъ военнаго дѣла и другихъ. Такъ въ 1547 году, по порученію Іоанна, было набрано въ Германіи для московской службы около ста различныхъ мастеровъ, но ливонцы уговорили германскаго императора не пускать ихъ въ Москву. Тогда, покончивъ съ Казанью и Астраханью, Іоаннъ объявилъ войну ливонцамъ, подъ слѣдующимъ предлогомъ: по старымъ договорамъ съ русскими великими князьями, Ливонія обязана была платить Москвѣ дань за Юрьевскую (Дерптскую) область. Пользуясь тѣмъ, что вниманіе московскихъ государей было отвлечено другими важными дѣлами, ливонцы въ теченіе полувѣка не платили этой дани; Іоаннъ потребовалъ съ нихъ сразу громадныя суммы за всѣ пятьдесятъ лѣтъ, и когда рыцари не исполнили этого требованія, началъ съ ними войну. Ливонія находилась въ это время въ самомъ жалкомъ состояніи. Цвѣтущая пора ордена меченосцевъ миновала. Прежніе грозные рыцари превратились въ богатыхъ помѣщиковъ-бароновъ, жившихъ въ свое удовольствіе въ роскоши и нѣгѣ на счетъ порабощеннаго народа—латышей и финновъ, ненавидѣвшихъ своихъ притѣснителей. Бароны враждовали другъ съ другомъ и съ духовенствомъ, торговые города стремились къ полной независимости—все распадалось и потому Ливонія казалась легкой добычей.

ЖЕНА ГОТГАРДТА КЕТЛЕРА.



ЗНАМЯ НѢМЕЦКАГО ОРДЕНА.

Война дѣйствительно началась необыкновенно удачно для Москвы: русскія войска, подъ начальствомъ Шигъ-Алея, князей Шуйскаго, Серебрянаго и другихъ,



ВИДЪ РИГИ ВЪ 1550 ГОДУ.
Гравюра на деревѣ въ «Космографіи» Себастіана Мюнстера. Изданіе 1550 г.

ГУСТАВЪ ВАЗА. СОВР. ПОРТРЕТЪ.

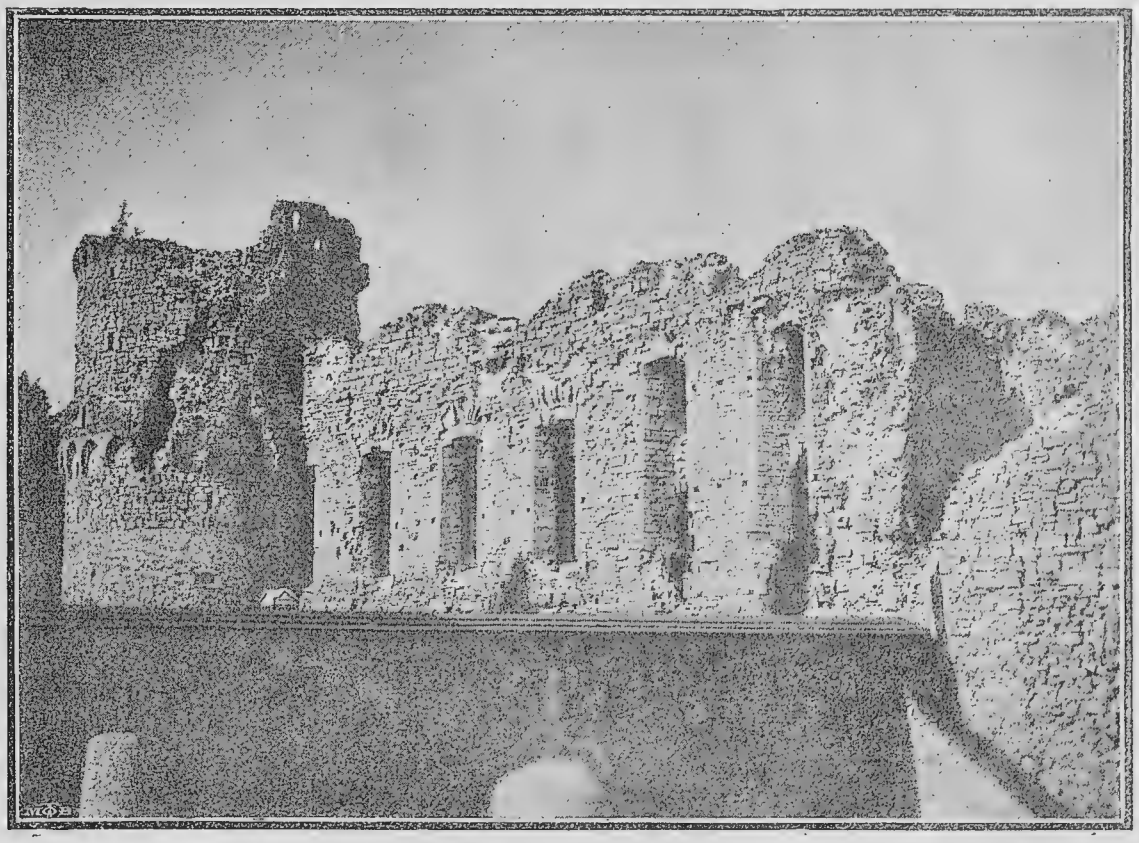
взяли въ короткое время Нарву, Нейгаузъ, Дерптъ и до двадцати другихъ городовъ и страшно разорили страну. Въ Дерптѣ захвачено было русскими 552 пушки и масса добычи, оставленной жителями, бѣжавшими въ Ригу, Ревель и Феллинъ. Наконецъ подъ Венденомъ разбито было русскими сильное нѣмецкое ополченіе; часть русскаго войска простояла также три дня подъ Ригою, сожгла множество кораблей въ устьѣ Двины, опустошила ея берега и съ богатой добычей возвратилась въ Москву.

Тогда ливонцы рѣшили перейти въ подданство къ Польшѣ, разсчитывая, что имъ будетъ легче подъ властью магнатскаго государства, чѣмъ въ рукахъ самодержавной Руси; магистръ Кетлеръ завелъ въ этомъ смыслѣ переговоры съ польскимъ королемъ Сигизмундомъ II Августомъ, и при этомъ совершилось распаденіе земель ордена: Ливонія отошла къ Польшѣ, островъ Эзель къ Даніи, Ревель къ Швеціи. Магистръ Кетлеръ удержалъ за собою только Курляндію и Семигалію съ титуломъ герцога въ вассальной зависимости отъ Польши. Польскій же король обязался по договору 1561 года защищать Ливонію отъ Москвы. Такимъ образомъ становилось очевиднымъ, что русскимъ не избѣжать войны съ Польшей.

Четыре сѣверныя державы очутились такимъ образомъ въ самомъ опасномъ сосѣдствѣ между собою, на территоріи, гдѣ каждая стремилась распространить свои владѣнія.

Самымъ опаснымъ соперникомъ Іоанна являлся въ данномъ случаѣ польскій король, Сигизмундъ-Августъ. Грозному очень хотѣлось уладить это дѣло мирнымъ путемъ, и онъ вздумалъ даже ради поддержанія мира жениться на одной изъ сестеръ Сигизмунда-Августа. У царя были при этомъ и другія соображенія: женившись на сестрѣ бездѣтнаго короля, послѣдняго изъ Ягеллонъ, Іоаннъ со смертью его могъ бы заявить нѣкоторыя притязанія и на Литву. Но какъ ни старались русскіе послы, дѣло это не сладилось: переговоры прервались и загорѣлась война, такъ какъ Іоаннъ, разумѣется, и не думалъ выпускать изъ рукъ такъ удачно уже завоеванной имъ части Ливоніи.

Война началась, какъ всегда, опустошительными набѣгами. Но въ этомъ второмъ столкновеніи Москвы и Польши счастье скоро отвернулось отъ Іоанна. Московское государство переживало въ это время одну изъ самыхъ тяжелыхъ эпохъ Іоанноваго царствованія. Анастасія умерла, по подозрѣнію Іоанна, отравленная боярами, Сильвестръ, который все время оспаривалъ замыслы Іоанна насчетъ Ливоніи и начиналъ сходиться съ боярами, нелюбимыми царемъ, попалъ въ опалу и ссылку, и въ Москвѣ подготовлялась уже понемногу жестокая эпоха опричины, а болѣзнь Іоанна и его подозрительность все болѣе и болѣе развивались. Это была эпоха самыхъ ужасныхъ и звѣрскихъ казней, эпоха полнаго разгула болѣзненныхъ и страшныхъ затѣй Іоанна, эпоха гибели и разоренія тысячи боярскихъ родовъ, въ лицѣ лучшихъ ихъ представителей.



РАЗВАЛИНЫ ВЕНДЕНСКАГО ЗАМКА. СЪ ФОТОГРАФІИ.

ТВЕРЬ ВЪ XVII ВѢКѢ. СЪ ГРАВЮРЫ ОЛЕАРІЯ.

Это была наконецъ эпоха кровавыхъ походовъ Іоанна на собственные мирные города, Новгородъ и Псковъ.

Однажды явился къ Іоанну какой то бродяга съ доносомъ, что новгородцы собираются передаться польскому королю, о чемъ и составили уже даже грамоту, которая хранится въ новгородскомъ Софійскомъ соборѣ за образомъ Божіей Матери. Іоаннъ послалъ въ Новгородъ вмѣстѣ съ доносчикомъ довѣренное лицо, и грамота дѣйствительно нашлась въ указанномъ мѣстѣ, очевидно положенная туда доносчикомъ, имѣвшимъ свои счеты съ новгородцами и искусно поддѣлавшимъ руку архіепископа и другихъ вліятельныхъ въ Новгородѣ лицъ.

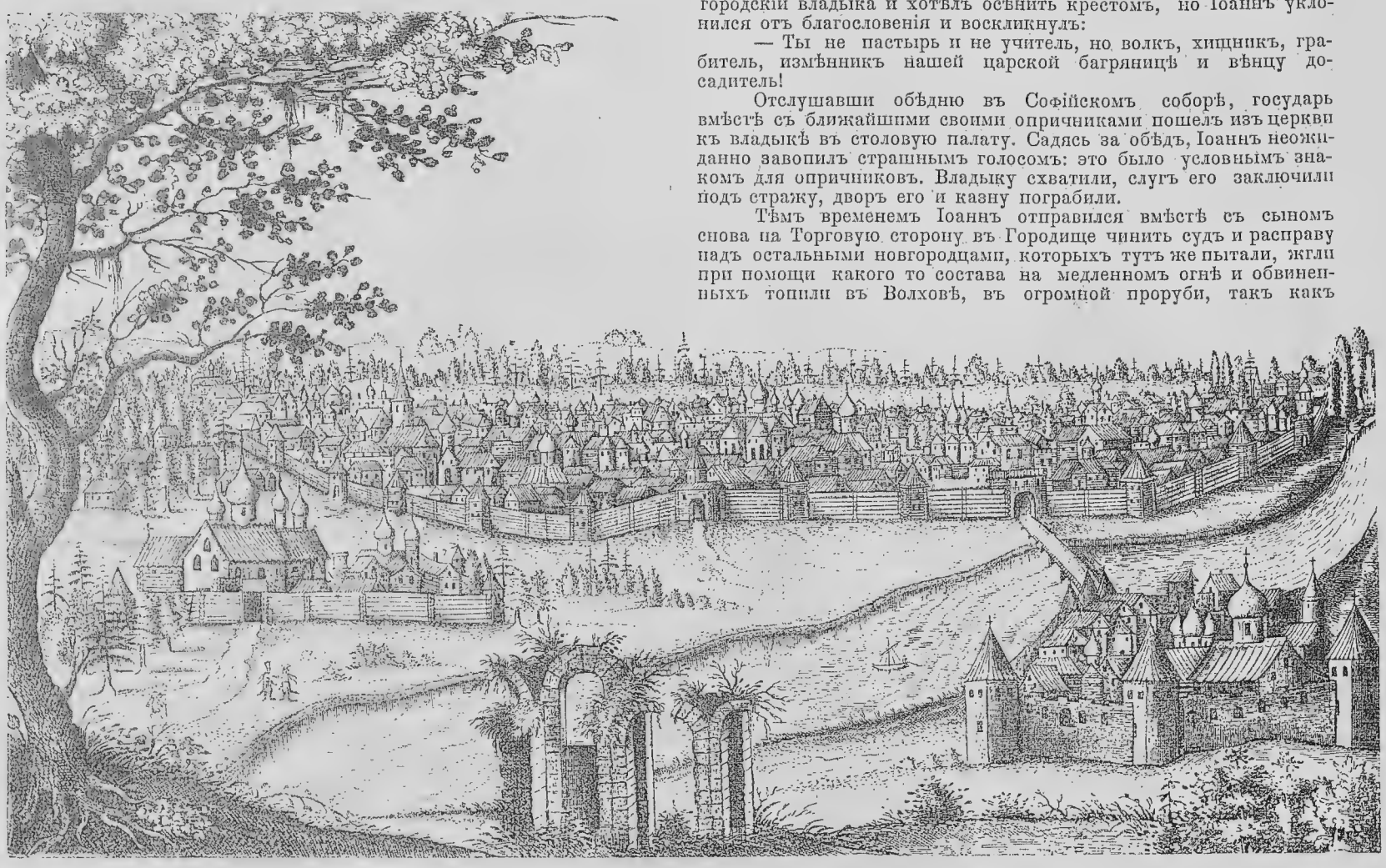
Іоаннъ, терзаемый подозрительностью, искусно разжигаемой доносами и клеветами опричниковъ, повѣрилъ измѣнѣ новгородцевъ, среди которыхъ, онъ это зналъ, еще жили преданія о старыхъ вольностяхъ и которые неодобрительно смотрѣли на безчинства опричины. Грозный еще до доноса выселилъ изъ Новгорода и Пскова нѣсколько сотъ семей; онъ повидимому обрадовался случаю наказать эти города почувствительнѣй и предпринялъ въ 1569 году цѣлый походъ на сѣверъ, взявъ съ собою не только опричниковъ, но и отрядъ войска, словно на настоящую войну. Разгромъ начался со вступленіемъ Іоанна въ границы прежняго Тверского княжества, отъ города Клина до Новгорода. Опричники врывались въ города, грабили, били кого попало, невѣдомо за что. Особенно пострадала Тверь и ея населеніе: дома, улицы наполнились трупами, не щадили ни женщинъ, ни дѣтей; тогда-же былъ задушенъ Малютой Скуратовымъ митрополитъ Филиппъ, томившійся въ келіи тверского Отроча-монастыря.

Наконецъ передовой отрядъ царской дружины занялъ Новгородъ и обложилъ его со всѣхъ сторонъ, чтобы ни одинъ человѣкъ не могъ ускользнуть изъ города; игумены монастырей, священники и знатнѣйшіе новгородцы заключены были подъ стражу, а имущество ихъ и монастырская казна опечатаны. Прибывшій вслѣдъ затѣмъ со всѣмъ своимъ дворомъ и отрядомъ стрѣльцовъ царь приказалъ тотчасъ-же захваченныхъ игуменовъ и монаховъ бить палками до смерти и трупы развозить по монастырямъ для погребенія. На третій день по пріѣздѣ, въ воскресенье, государь отправился въ Кремль, къ св. Софіи къ обѣднѣ. На Волховскомъ мосту встрѣтилъ его по обычаю новгородскій владыка и хотѣлъ осѣнить крестомъ, но Іоаннъ уклонился отъ благословенія и воскликнулъ:

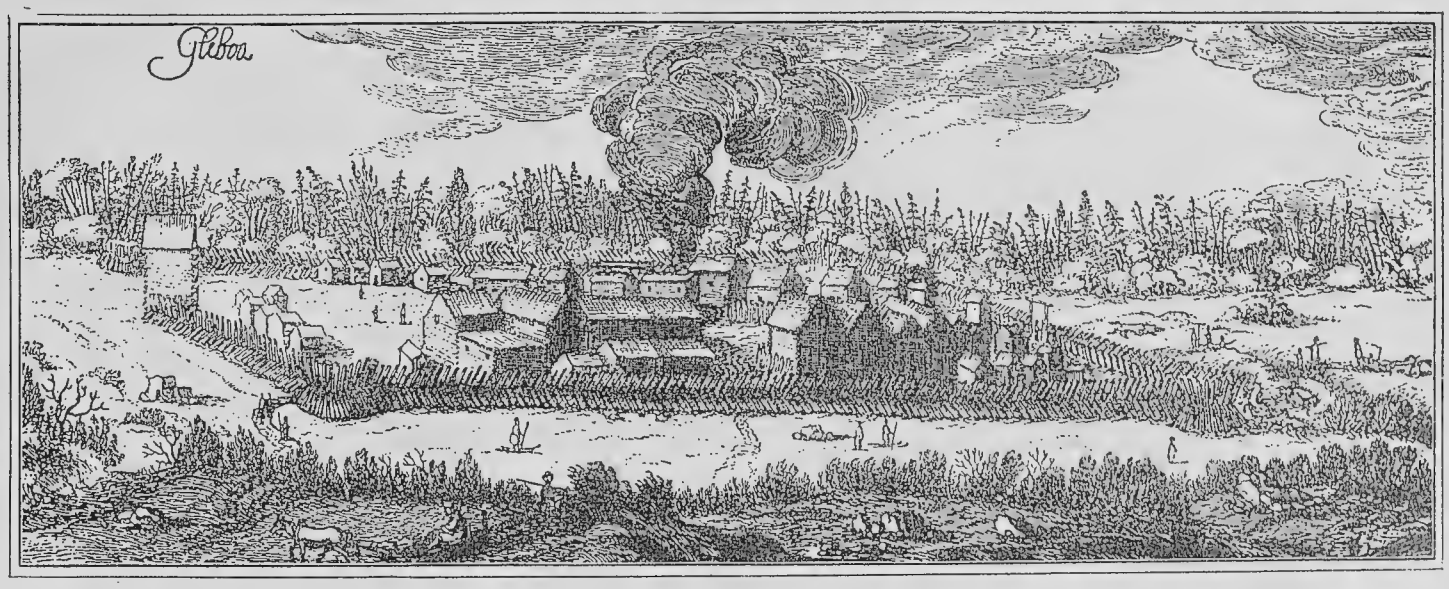
— Ты не пастырь и не учитель, но волкъ, хищникъ, грабитель, измѣнникъ нашей царской багряницѣ и вѣнцу досадитель!

Отслушавши обѣдню въ Софійскомъ соборѣ, государь вмѣстѣ съ ближайшими своими опричниками пошелъ изъ церкви къ владыкѣ въ столовую палату. Садясь за обѣдъ, Іоаннъ неожиданно завопилъ страшнымъ голосомъ: это было условнымъ знакомъ для опричниковъ. Владыку схватили, слугъ его заключили подъ стражу, дворъ его и казну пограбили.

Тѣмъ временемъ Іоаннъ отправился вмѣстѣ съ сыномъ снова на Торговую сторону въ Городище чинить судъ и расправу надъ остальными новгородцами, которыхъ тутъ же пытали, жгли при помощи какого то состава на медленномъ огнѣ и обвиненныхъ топили въ Волховѣ, въ огромной проруби, такъ какъ



СТАРЫЙ НОВГОРОДЪ ВЕЛИКІЙ. СЪ ГРАВЮРЫ ОЛЕАРІЯ.



ПОСЕЛОКЪ ПОМЫТЧИКОВЪ НОВГОРОДСКОЙ ПЯТИНЫ. СЪ НѢМЕЦКОЙ ГРАВЮРЫ XVII СТ.

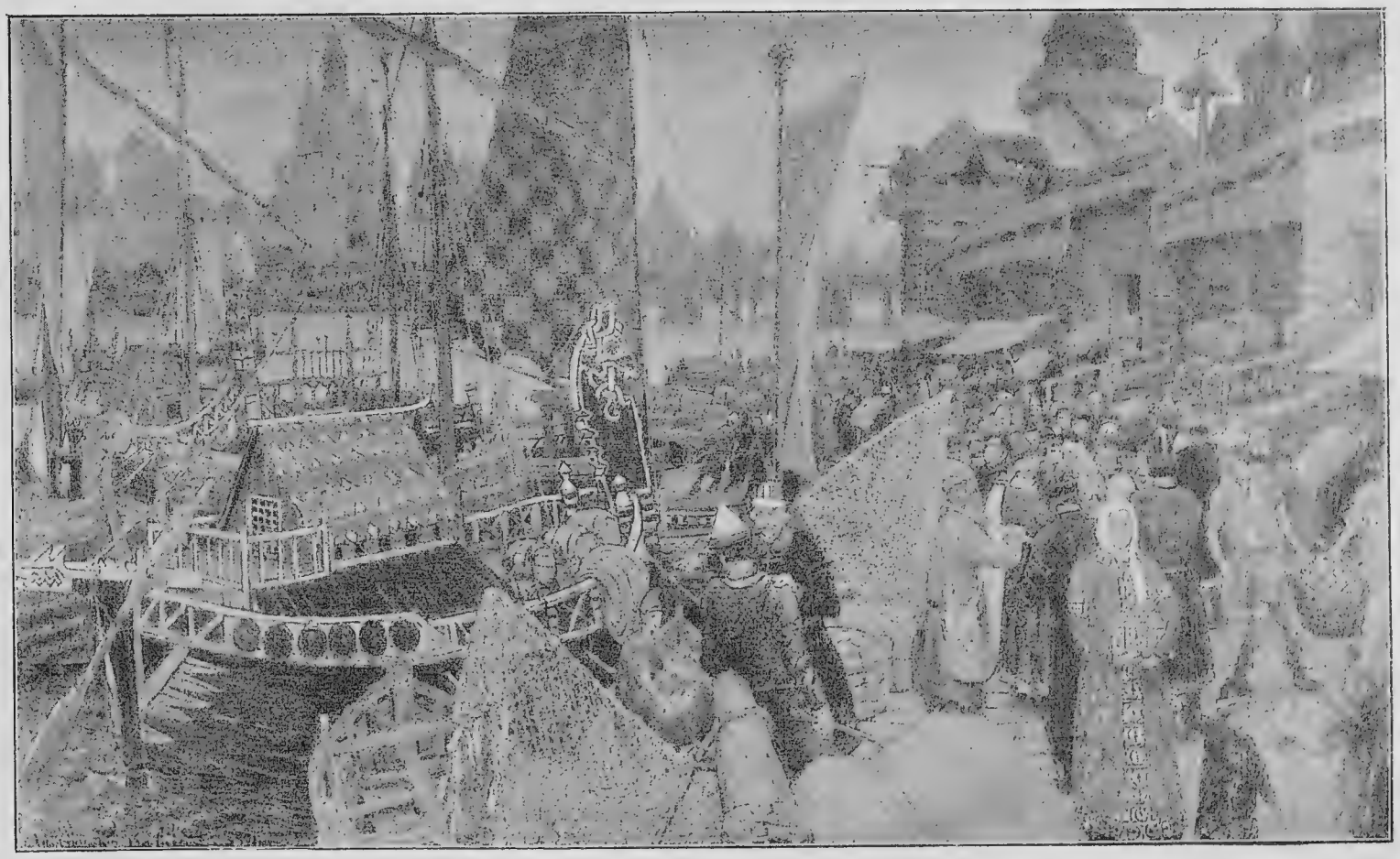
время стояло зимнее. Несчастныхъ бросали въ воду съ высоты Волховскаго моста, связанныхъ по рукамъ и по ногамъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей безъ разбора; младенцевъ привязывали къ ихъ матерямъ. По рѣкѣ ѣздили въ челнокахъ опричники и баграми, рогатинами и топорами добивали тѣхъ, которые всплывали. Эта ужасная расправа продолжалась, «грѣхъ нашихъ ради», какъ говоритъ лѣтописецъ, около полутора мѣсяца. Казнили и замучили около двухъ тысячъ человѣкъ. Не только самый Новгородъ былъ весь опустошенъ и разграбленъ, но и всѣ его окрестности верстъ на двѣсти въ обѣ стороны выглядѣли такъ, какъ будто въ нихъ съ мѣсяцъ неистовствовали татары.

Наконецъ царь приказалъ собрать депутацію изъ уцѣлѣвшихъ новгородцевъ, съ каждой улицы по одному. Блѣдные и испуганные, они явились, ожидая смерти, но царь милостиво сказалъ имъ:

— Молите человѣколюбиваго Бога о нашемъ благочестивомъ державствѣ, о дѣтяхъ нашихъ молите, чтобы Господь даровалъ намъ побѣду на всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ. Пусть взыщется вся эта кровь на измѣнникахъ, владыкѣ Пименѣ (который былъ лишенъ сана, преданъ поруганію и заточенію) и его совѣтникахъ, вы же объ этомъ теперь не скорбите и живите въ Новгородѣ благодарно.

Изъ Новгорода Іоаннъ отправился во Псковъ. Псковичи ужаснулись, ожидая участи новгородцевъ, исповѣдывались и причащались, готовясь къ смерти. Псковскій воевода, князь Юрій Токмаковъ, не зная, какъ смягчить царя, приготовилъ ему особенную, небывалую встрѣчу. Іоаннъ, остановившійся на ночлегъ въ одномъ изъ подгородныхъ монастырей, услышалъ на зарѣ звонъ во всѣхъ псковскихъ церквахъ: псковичи въ этотъ ранній часъ уже наполнили всѣ церкви, готовясь въ послѣдній разъ передъ смертью помолиться Богу, и это уже тронуло Грознаго. Когда-же онъ вступилъ въ городъ, ему представилась еще болѣе умилительная картина: жители стояли по улицамъ на колѣняхъ, каждый передъ своимъ домомъ, окруженные женами и дѣтьми, съ хлѣбомъ-солью въ рукахъ; завидѣвъ царя, всѣ земно кланялись ему. Это подѣйствовало: Іоаннъ не позволилъ опричникамъ убивать и мучить псковичей, разрѣшилъ только пограбить ихъ.

Царь недолго пробылъ во Псковѣ: юродивый Никола Салосъ былъ тому очевидно причиной: онъ напугалъ суевѣрнаго Іоанна



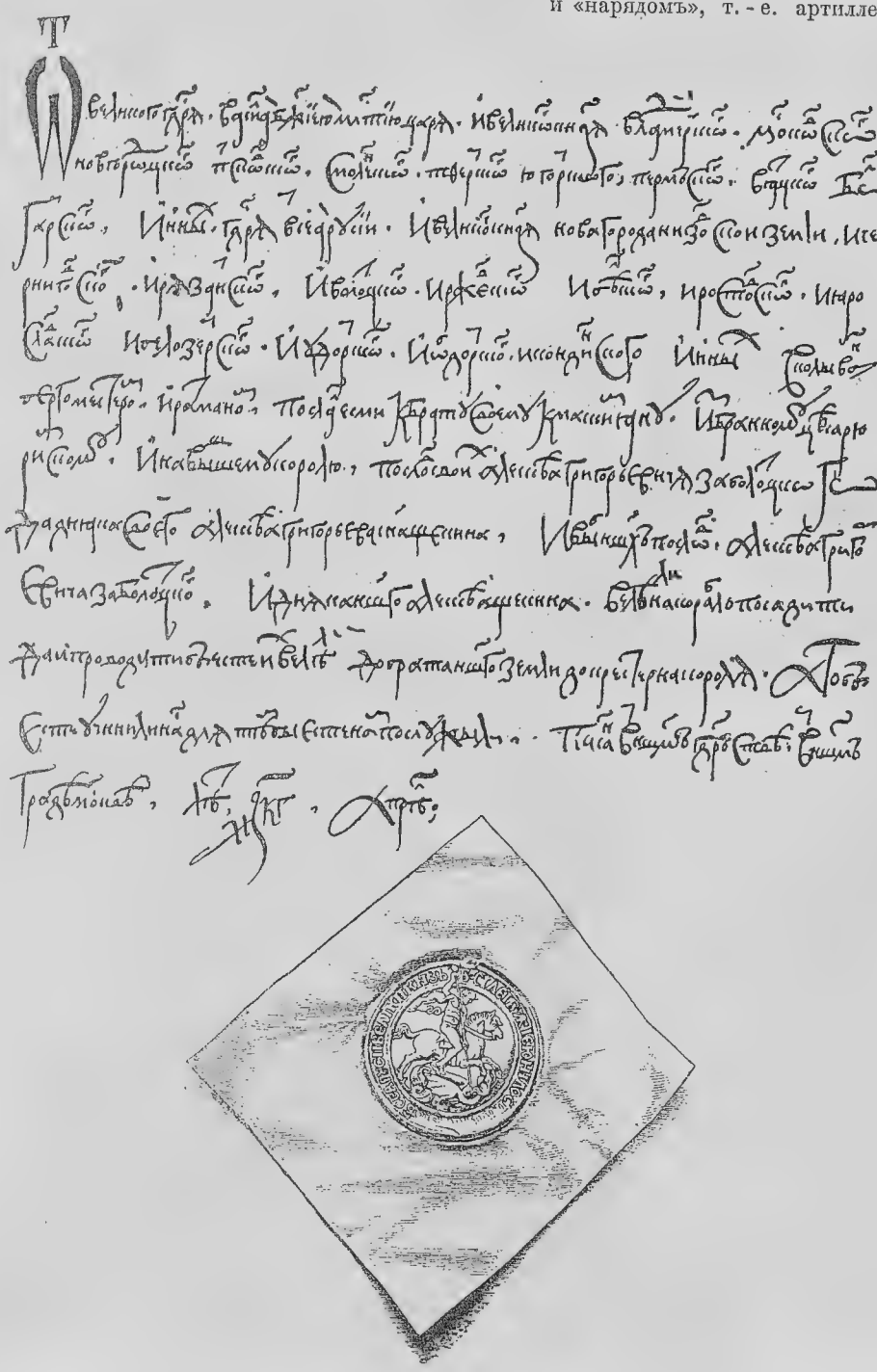
СТАРЫЙ НОВГОРОДЪ.—КАРТИНА А. ВАСНЕЦОВА.

РЕВЕЛЬ ВЪ 1561 ГОДУ. СОВРЕМЕННАЯ ГРАВЮРА.

различными дурными предвѣщаніями и между прочимъ преподнесъ ему кусокъ сырого мяса, прося отвѣдать. Іоаннъ возразилъ, что онъ христіанинъ и не ѣстъ мяса въ постъ.—Ты хуже дѣлаешь,—возразилъ юродивый,—ты ѣшь человѣческое мясо!

Но убравшись изъ Пскова, Іоаннъ еще не унялся и приказалъ въ самой Москвѣ отыскивать участниковъ новгородской измѣны, при чемъ погибло не мало знатныхъ бояръ и даже близкихъ царю людей, которыхъ оговорили, показавъ, что они сносились съ Пименомъ, и страшныя пытки, утонченность которыхъ еще не знала себѣ примѣра въ русской жизни, казни и ссылки вспыхнули съ новой силой.

Такимъ образомъ Іоаннъ приступилъ къ продолженію ливонской войны съ омраченнымъ уже умомъ и духомъ. Такъ какъ переговоры съ Польшей ни къ чему не привели, то ему пришлось столкнуться сразу съ двумя врагами: Сигизмундомъ и шведскимъ королемъ Эрикомъ (наслѣдовавшимъ Густаву Вазѣ) изъ-за Ревеля, на который Іоаннъ тоже имѣлъ виды. Хотя Эрикъ предлагалъ Іоанну миръ, уже тогда, когда шведское войско вступало въ Ревель, но переговоры ни къ чему не привели: Эрикъ требовалъ, чтобы изъ прежняго договора Іоанна съ Густавомъ Вазой исключена была важная статья, которой шведы обязывались не помогать ни Литвѣ, ни ордену. Чиновники шведскіе въ переговорахъ съ московскими боярами сказали имъ въ угрозу:



ПИСЬМО ЦАРЯ ІОАННА ГРОЗНАГО ГОРОДУ РЕВЕЛЮ (ВЪ РЕВЕЛЬСКОМЪ ГОРОДСКОМЪ АРХИВѢ).

— Императоръ, король Сигизмундъ и Фридерикъ датскій убѣждаютъ государя нашего, Эрика, вмѣстѣ съ ними воевать Россію; послы ихъ въ Стокгольмѣ. Эрикъ не далъ имъ рѣшительнаго отвѣта, ибо ждетъ вашего.

ТАЙНАЯ ПЕЧАТЬ Г. РЕВЕЛЯ 1559 г.

Бояре не испугались угрозы и не согласились на требованія шведовъ, и послѣ долгихъ пререканій заключено было между обѣими сторонами недолгое и непрочное перемиріе на прежнихъ условіяхъ, хотя и Іоанну пришлось многимъ поступиться при этомъ: такъ новгородскіе чиновники, посланные въ Стокгольмъ съ мирной грамотой, жаловались на грубый пріемъ Эрика и всяческія притѣсненія, но Іоанну такъ хотѣлось поскорѣе покончить съ Ливоніей, что онъ заставилъ молчать на время свое столь чуткое обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ самолюбіе. Все оказалось напраснымъ, какъ это выяснилось впослѣдствіи.

Іоаннъ тѣмъ временемъ приготовлялся къ войнѣ съ Польшей и въ 1563 году двинулся самъ съ огромной ратью и «нарядомъ», т.-е. артиллеріей, къ Полоцку и осадилъ его: городъ, стѣны котораго скоро были почти совершенно разбиты, сдался ему черезъ двѣ недѣли. Имѣніе воеводъ, пановъ и купцовъ отобрано было въ царскую казну, массу евреевъ, которыхъ не любилъ царь, потопили въ Двинѣ, но наемные воины короля получили щедрые подарки и имъ объявлено было, что они могутъ по желанію поступить на службу къ царю или вернуться къ себѣ на родину, такъ какъ Іоаннъ очень заботился о томъ, чтобы въ чужихъ краяхъ распространялась о немъ добрая слава.

Сигизмундъ-Августъ, огорченный этой крупной неудачей, завелъ было переговоры о мирѣ, но такъ какъ Іоаннъ не соглашался на уступку Полоцка и Ливоніи, то переговоры эти не привели ни къ чему. Война продолжалась, и хотя московское войско разбито было на этотъ разъ литовскимъ гетманомъ на рѣкѣ Улѣ, несмотря на проигранную Курбскимъ подъ Невелемъ битву и его измѣну Грозному, поляки не извлекли для себя никакихъ выгодъ изъ этихъ побѣдъ, не могли взять обратно Полоцка, и Сигизмундъ сталъ соглашаться на перемиріе на совершенно уже другихъ условіяхъ, а именно: онъ предоставлялъ Іоанну всѣ города и земли, занятые московскими войсками.

Іоаннъ колебался, потому что хотя, послѣ значительныхъ пораженій, это перемиріе и представлялось съ одной стороны выгоднымъ, съ другой,—ему все-таки приходилось отказываться отъ морскихъ

ЭРИКЪ XIV, КОРОЛЬ ШВЕЦІИ.
Совр. портретъ въ національномъ музеѣ въ Стокгольмѣ.

береговъ, еще не занятыхъ русскими войсками: Рига и другія гавани должны были остаться въ рукахъ Польши, а между тѣмъ изъ-за нихъ-то и велась главнымъ образомъ эта такъ дорого стоившая намъ война. Поставленный въ такое затруднительное положеніе, Іоаннъ надумалъ созвать для совѣщанія по этому дѣлу большой земскій соборъ изъ духовенства, бояръ, дворянъ, помѣ-

ПОРТРЕТЪ КОРОЛЯ СИГИЗМУНДА-АВГУСТА ВЪ ДОМѢ ДВОРЯНСКАГО СОБРАНІЯ ВЪ РИГѢ.

щиковъ западныхъ, смежныхъ съ Литвою, областей, дьяковъ, знатнѣйшихъ московскихъ купцовъ и т. п. Соборъ вполнѣ поддержалъ рѣшеніе царя продолжать войну и добывать всю Ливонію. И Іоаннъ, заключивъ съ Польшей перемиріе на три года, продолжалъ готовиться къ продолженію войны.

Въ это время въ Польшѣ произошло важное событіе—умеръ король Сигизмундъ-Августъ, послѣдній изъ рода Ягеллоновъ. Такъ какъ польскій престолъ незадолго передъ тѣмъ сдѣланъ былъ на Люблинскомъ сеймѣ избирательнымъ (1569 г.), то поляки и литовцы выразили Іоанну свое желаніе избрать на польскій престолъ его второго сына, царевича Ѳеодора. Пока Іоаннъ колебался и медлилъ, желая самъ быть польско-литовскимъ королемъ, умный и ловкій посолъ другого претендента, брата французскаго короля, не дремалъ и, не жалѣя ни денегъ, ни обѣщаній, добился на сеймѣ избранія Генриха Анжуйскаго. Когда-же Генрихъ, при первомъ извѣстіи о смерти своего брата, Карла II, поспѣшно уѣхалъ изъ Польши, чтобы захватить болѣе блестящій тронъ Франціи, поляки, уже не заводя переговоровъ съ Іоанномъ, избрали въ короли искуснаго, извѣстнаго своей храбростью, трансильванскаго воеводу Стефана Баторія.

Между тѣмъ перемиріе кончилось, и Іоаннъ немедленно началъ войну въ Прибалтійскомъ краѣ; одновременно завязалась и война со Швеціей. Еще въ 1570 году Іоаннъ, при видѣ многочи-

СИГИЗМУНДЪ-АВГУСТЪ, КОРОЛЬ ПОЛЬШИ.
Уменьшенное факсимиле съ гравюры на мѣди 1554 г. Виргилія Солиса (1514—1562).

ЗОЛОТОЙ ДУКАТЪ КОРОЛЯ СИГИЗМУНДА-АВГУСТА, ОТЧЕКАННЫЙ ДЛЯ ЛИТВЫ ВЪ 1562 Г.
(Въ берлинскомъ музеѣ).

ГЕЙНРИХЪ III, КОРОЛЬ ПОЛЬШИ.
Совр. портретъ въ Луврѣ.

ФРИДРИХЪ II, КОРОЛЬ ДАНІИ.
Совр. гравюра И. М. Прейслера.

сленныхъ препятствій, которыя мѣшали ему пробиться къ берегамъ Балтійскаго моря, предложилъ, по совѣту приближенныхъ иностранцевъ, датскому принцу Магнусу, владѣтелю острова Эзеля, Ливонію съ титуломъ короля, съ тѣмъ, чтобы онъ былъ въ зависимости отъ Москвы, и чтобы московской торговлѣ и сношеніямъ никакой помѣхи въ ливонскихъ гаваняхъ не дѣлалось. Магнусъ согласился, прибылъ въ Москву и былъ объявленъ женихомъ царской племянницы, дочери казненнаго Владиміра Андреевича. Теперь Магнусъ вмѣстѣ съ русскими выступилъ противъ шведовъ, но несмотря на всѣ усилія имъ не удалось овладѣть Ревелемъ. За то походъ самого царя, предпринятый лѣтомъ 1577 года, былъ очень удаченъ: Іоаннъ и его воеводы брали городъ за городомъ. Вступивъ въ г. Вальмаръ, изъ котораго Курбскій напи-

салъ когда-то письмо Іоанну, царь отправилъ въ отместку язвительное письмо своему бывшему воеводѣ.

Но едва Іоаннъ уѣхалъ изъ Ливоніи, какъ войска его снова стали терпѣть пораженія, опять были жестоко разбиты подъ Венденомъ, а король Магнусъ, уже женатый на царской племянницѣ, передался полякамъ. Баторій не прочь былъ помириться, но Іоаннъ относился къ нему свысока, даже не хотѣлъ по обычаю называть его въ грамотахъ «братомъ», а звалъ «сосѣдомъ», потому что Стефанъ сталъ королемъ не по происхожденію своему и не по волѣ Божіей, а по «многомятежному человѣческому хотѣнію», Ливонію называлъ попрежнему своей вотчиной и не шелъ ни на какія уступки. Тогда Баторій съ новой энергіей принялся за войну.

КРѢПОСТЬ КОПОРЬЕ. СЪ ФОТОГРАФІИ.

У него была испытанная, закаленная въ бояхъ пѣхота, венгерская и нѣмецкая, хорошо вооруженная, много хорошихъ пушекъ, и самъ онъ былъ храбрымъ и искуснымъ предводителемъ; онъ надѣялся на полный успѣхъ и, вступая на престолъ, обѣщалъ вернуть Литвѣ отнятыя у нея Москвою земли.

Такъ какъ московскія войска сосредоточены были въ Ливоніи, Баторій круто измѣнилъ ходъ войны и неожиданно осадилъ Полоцкъ лѣтомъ въ 1579 году; несмотря на упорство, съ которымъ Полоцкъ защищался болѣе трехъ недѣль, при чемъ въ защитѣ его принимали участіе всѣ жители, тушившіе пожары, которые вспыхивали повсюду отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, спускавшіеся на веревкахъ и подъ ядрами достававшіе воду изъ Двины, — городъ былъ въ концѣ концовъ взятъ Баторіемъ. Послѣ жестокой рѣзни польскій король занялъ также крѣпость Соколъ, а въ 1580 году, особенно несчастномъ для русскихъ, отнялъ у насъ и еще цѣлый рядъ городовъ: Велижъ, Усвятъ, Великія Луки и др.

ВИДЪ Г. ПОЛОЦКА.

Въ то же время шведскій полководецъ Делагарди побѣждалъ русскихъ въ Эстоніи, отнимая у нихъ городъ за городомъ—такъ пали Нарва, Ямъ, Копорье.

Іоаннъ начиналъ падать духомъ и сдѣлался много миролюбивѣе: посламъ, которыхъ отправили къ шведскому королю, приказано было вести себя какъ можно смиреннѣе, короля свейскаго не задирать и невѣжливыхъ словъ ему не говорить, а если король не встанетъ, не отвѣтитъ на поклонъ царя и не спроситъ о его здоровьѣ, оставить все это безъ вниманія... Стефану предложена была отъ имени царя Ливонія, за исключеніемъ четырехъ городовъ, но польскій король не удовлетворялся этимъ. Онъ не только требовалъ всей Ливоніи, но и солидной контрибуціи въ 400 тысячъ венгерскихъ золотыхъ, а также уступки Себежа.

Іоаннъ, раздосадованный все возрастающими притязаніями короля, написалъ ему укорительное письмо: «Мы ищемъ того, какъ-бы кровь христіанскую унять, а ты ищешь того, какъ-бы только воевать». Принимая литовскаго гонца, Іоаннъ на этотъ разъ не всталъ съ мѣста, не спросилъ о здоровьѣ короля и вообще не могъ и не пожелалъ скрыть своего гнѣва. Въ отвѣтъ на эту грамоту Баторій въ третій разъ возобновилъ войну и отвѣтилъ Іоанну дерзкимъ посланіемъ, въ которомъ называлъ его московскимъ фараономъ, волкомъ и т. п. именами. «Хвалишься ты своимъ наслѣдственнымъ государствомъ,—писалъ ему Стефанъ, — не завидую тебѣ, ибо думаю, что лучше достоинствомъ пріобрѣсти корону, нежели родиться отъ Глинской, дочери Сигизмундова предателя. Упрекаешь меня терзаніемъ мертвыхъ — я не терзалъ ихъ; а ты мучишь живыхъ—что хуже? Осуждаешь мое вѣроломство мнимое, ты, сочинитель подложныхъ договоровъ, измѣняемыхъ въ смыслѣ обманомъ и тайнымъ прибавленіемъ словъ, угодныхъ единственно твоему боярскому властолюбію! Называешь измѣнниками воеводъ своихъ, честныхъ плѣнниковъ, коихъ мы должны были отпустить къ тебѣ, ибо они вѣрны отечеству. Беремъ земли доблестію воинскою и не имѣемъ нужды въ услугѣ твоихъ мнимыхъ предателей. Гдѣ же ты, богъ земли русской, какъ велишь именовать себя рабамъ несчастнымъ? Еще не видали мы лица твоего, ни крестоносной хоругви, которой ты хвалишься, ужасая своими крестами не враговъ, а только бѣдныхъ россіянъ. Жалѣешь ты кровь христіанскую? Назначь время и мѣсто, явись на конѣ и единъ сразися со мною единымъ, да праваго увѣнчаетъ Богъ побѣдою!» (Карамзинъ, т. IX).

Не соглашаясь оставить за Россіей ни клочка земли въ Ливоніи, Стефанъ Баторій не счелъ нужнымъ разговаривать еще о чемъ-либо съ русскими послами, выгналъ ихъ изъ своего ратнаго стана и въ видѣ насмѣшки прислалъ къ Іоанну изданныя въ Германіи на латинскомъ языкѣ книги о россійскихъ князьяхъ и собственномъ его царствованіи, въ доказательство, какъ онъ выражался, той простой истины, что древніе государи московскіе происходили вовсе не изъ рода Августа, а представляли данни-

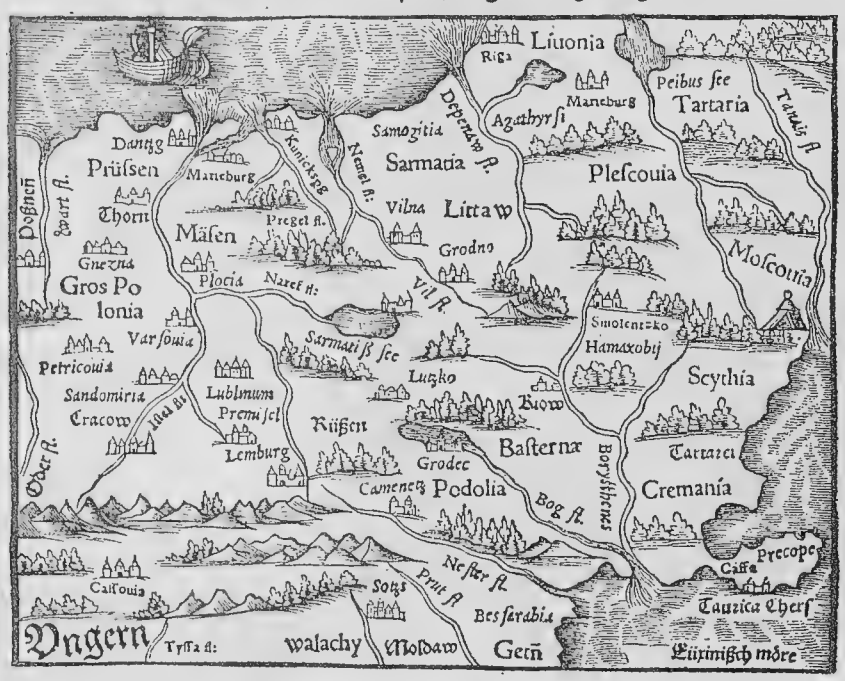
РАЗВАЛИНЫ ЗАМКА ЗЕГЕВОЛЬДЪ. СЪ ФОТОГР. ДЕМЧИНСКАГО.

СТЕФАНЪ БАТОРІЙ, КОРОЛЬ ПОЛЬСКІЙ.
Совр. портретъ въ германскомъ музеѣ въ Нюрнбергѣ.

СТЕФАНЪ БАТОРІЙ.
Факсимиле съ гравюры Іоста Аммана 1576 г.

ковъ перекопскихъ хановъ; Баторій совѣтовалъ кромѣ того Іоанну прочесть повнимательнѣй пятидесятый псаломъ Давидовъ и христіански узнать самого себя. Когда гонецъ литовскій подалъ Іоанну эту вызывающую грамоту, царь выслушалъ ее, подавилъ всѣ волновавшія его чувства и тихо отвѣтилъ: «Мы приготовимъ посланіе брату нашему, королю Стефану» и, вставъ съ мѣста, вѣжливо добавилъ: «Кланяйся отъ насъ своему государю». Такъ перемѣнились роли! Іоаннъ, испуганный новымъ наступленіемъ Баторія, очевидно, несмотря ни на что, разсчитывалъ какъ-нибудь примириться съ поляками; онъ уже посылалъ гонца съ предложеніемъ союза въ Вѣну и Римъ. Императоръ Рудольфъ, слабый и безпечный, отвѣтилъ, что онъ не можетъ ничего предпринять безъ вѣдома имперскихъ князей, но папа, какъ извѣстно, взглянулъ на дѣло иначе.

Тѣмъ временемъ Баторій съ сильнымъ войскомъ взялъ крѣпость Островъ и подвинулся ко Пскову, слывшему самой сильной русской крѣпостью: стѣны его недавно были возобновлены, на нихъ поставлено было не мало пушекъ, и такъ какъ нападеніе Баторія уже не представлялось русскимъ неожиданностью, Іоаннъ ввелъ заранѣе въ городъ сильное войско и ввѣрилъ его защиту надежнымъ и искуснымъ воеводамъ: двумъ боярамъ князьямъ Шуйскимъ, изъ которыхъ особенной опытностью и доблестью отличался Иванъ Петровичъ, Огину-Плещееву, князю Андрею Хворостинину и другимъ. Іоаннъ далъ имъ письменный наказъ и въ храмѣ Успенія передъ Владимірской иконой Богоматери взялъ съ нихъ торжественную присягу, что они не сдадутъ города Баторію до самой смерти. Воеводы такой-же клятвою обязали и дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ, жителей Пскова, старыхъ и малыхъ. 40,000 воиновъ находилось въ Новгородѣ подъ начальствомъ Юрія Голицына; на всякій случай русскія рати стояли въ Волокѣ и на Окѣ, чтобы предотвратить въ случаѣ надобности нашествіе хана.



ФАКСИМИЛЕ КАРТЫ ПОЛЬШИ ИЗЪ «КОСМОГРАФІИ» СЕБАСТІАНА МЮНСТЕРА 1550 г.

СЕРЕБРЯНЫЙ ТАЛЕРЪ КОРОЛЯ СТЕФАНА БАТОРІЯ 1585 г.
Въ Берлинскомъ музеѣ.

ОСАДА ПСКОВА ПОЛЬСКИМЪ КОРОЛЕМЪ СТЕФАНОМЪ БАТОРІЕМЪ ВЪ 1581 Г.—КАРТИНА К. П. БРЮЛЛОВА ВЪ РУССКОМЪ МУЗЕѢ ИМП. АЛЕКСАНДРА III.

Сохранилась интересная повѣсть о псковской осадѣ, въ живыхъ чертахъ изображающая то страшное напряженіе, съ какимъ боролись за этотъ городъ осаждающіе и осажденные.

Баторій тотчасъ-же по прибытіи велѣлъ укрѣпляться подъ стѣнами города, рыть борозды (траншеи), ставить туры для прикрытія людей и пушекъ; мѣткій огонь русскихъ пушекъ выхватилъ къ удивленію Баторія не мало людей изъ его разношерстныхъ, состоявшихъ изъ поляковъ, литвы, венгровъ, нѣмцевъ, австрійцевъ, пруссаковъ, датчанъ и шотландцевъ, полковъ, числомъ до ста тысячъ, конныхъ и пѣшихъ, прекрасно вооруженныхъ, стройныхъ и красивыхъ; но и это многочисленное и опытное войско сразу увидѣло всѣ трудности, которыя ему предстояло выдержать при взятіи Пскова. Еще въ Вильнѣ одинъ изъ русскихъ, передавшихся полякамъ, Богданъ Бѣльскій, совѣтовалъ Баторію не ходить ни къ Новгороду, ни къ Пскову, городамъ, окруженнымъ болотами и рѣками, обнесеннымъ каменными стѣнами и ввѣреннымъ охранѣ мужественнаго населенія и опытныхъ воеводъ, а осадить гораздо менѣе неприступный Смоленскъ. Баторій не послушался этого благоразумнаго совѣта, не пошелъ и на Новгородъ, который казался его воеводамъ болѣе слабо охраняемымъ. Онъ словно нарочно стремился навстрѣчу опасности и трудностямъ.

ЧАСТЬ ПСКОВСКИХЪ УКРѢПЛЕНІЙ СЪ БАТОРІЕВОЙ БАШНЕЙ.

Пока Баторій укрѣплялся на рѣкѣ Великой, псковичи, не теряя времени, принялись въ свою очередь за постройку внутреннихъ укрѣпленій, утвердили деревянную стѣну съ раскатами, защита которой поручена была князю Андрею Хворостинину.

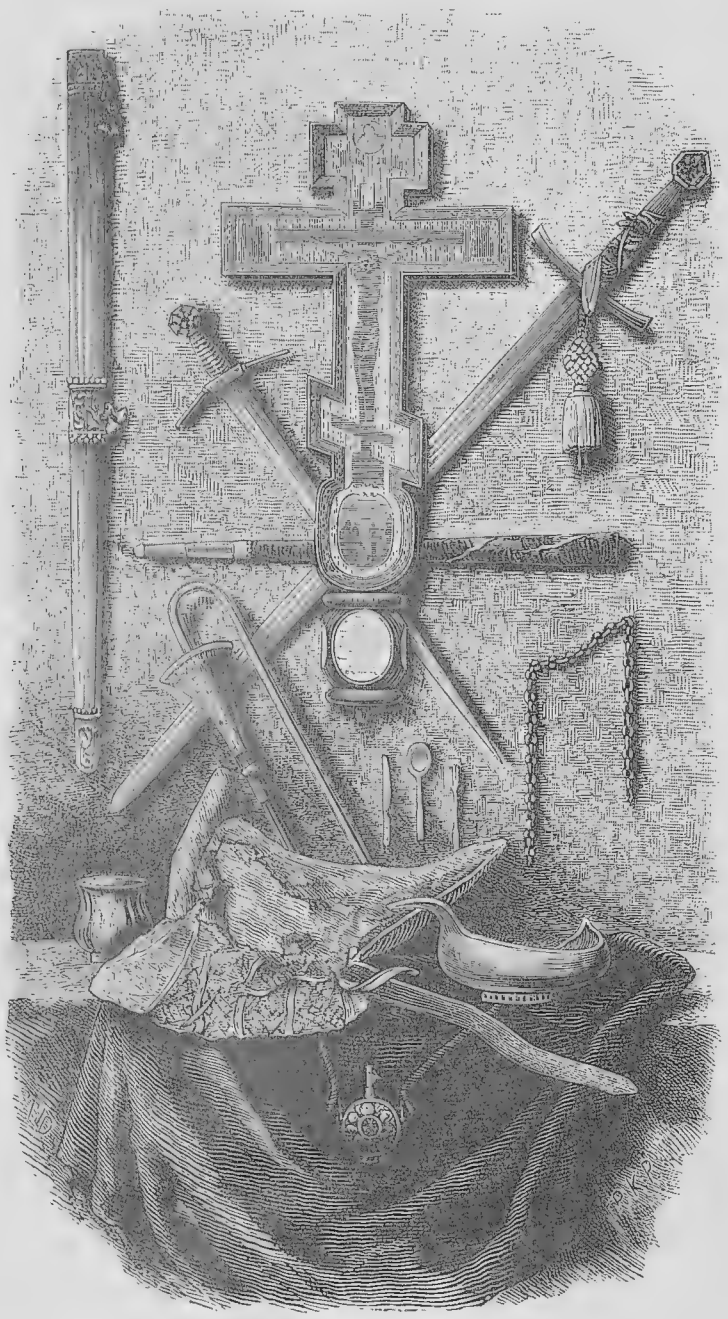
Седьмого сентября на разсвѣтѣ непріятель открылъ сильную пальбу, громя городскую стѣну изъ двадцати пяти большихъ орудій и стараясь сдѣ-

лать въ ней проломы для приступа. На слѣдующій день ему дѣйствительно удалось сбить стѣну въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Путь въ городъ былъ повидимому открытъ, и воеводы Баторія, сидѣвшіе въ это время за обѣдомъ, хвалились, что ужинать будутъ уже во Псковѣ. Распустивъ знамена, подъ звуки трубъ поляки, венгры и нѣмцы храбро пошли на приступъ. Въ городѣ загремѣлъ въ свою очередь осадный колоколъ и на защиту его высыпали не только всѣ воины, но и всѣ жители, могущіе держать оружіе въ рукахъ: всѣ устремились въ самое опасное мѣсто, пробой между развалинами каменной стѣны и новой деревянной, еще недостроенной. Но несмотря на ужасный огонь, открытый по непріятелю, онъ упорно шелъ впередъ, по трупамъ своихъ достигъ крѣпости, сломилъ отчаянное сопротивленіе и ворвался. Уже на двухъ башняхъ, Покровской и Свиной, развѣвались королевскія знамена. Русскіе изнемогали и все болѣе и болѣе подавались подъ напоромъ враговъ. Шуйскій, обливаясь кровью, сошелъ со своего раненаго коня и удерживалъ отступающихъ. Въ то же время духовенство вынесло изъ храма образъ

СТѢННОЙ ПРОЛОМЪ СТЕФАНА БАТОРІЯ ВО ПСКОВѢ.

Божіей Матери и мощи св. князя Всеволода (Гавріила) и направилось въ самый разгаръ битвы въ самое опасное мѣсто. Русскіе при видѣ своей святыни опять ободрились. Вдругъ съ ужаснымъ шумомъ и трескомъ взлетѣла на воздухъ Свиная башня — воеводамъ удалось взорвать ее. Ровъ переполнился истерзанными тѣлами враговъ, овладѣвшихъ башней. Непріятель смѣшался и русскіе съ новой силой ударили на враговъ и оттѣснили ихъ. Къ мѣсту боя подоспѣли свѣжіе отряды воиновъ изъ болѣе отдаленныхъ частей города; враги не выдержали новаго напора и побѣжали. Дольше всѣхъ защищались венгры, засѣвшіе въ Покровской башнѣ; наконецъ одолѣли и венгровъ. Жители съ неустаннымъ рвеніемъ помогали воинамъ, приносили воду, убирали раненыхъ, веревками тащили легкія пушки, брошенныя непріятелемъ у стѣнъ. Уже поздней ночью вернулись побѣдители въ городъ, захвативъ огромное число плѣнныхъ. Тотчасъ-же послали гонца въ Москву съ радостною вѣстью; ему удалось счастливо проскользнуть мимо литовскаго стана. Іоаннъ былъ очень обрадованъ мужественной обороной Пскова, приказалъ отпустить изъ казны большую сумму денегъ въ пользу раненыхъ защитниковъ и семей убитыхъ. Раненыхъ было 1,625 человѣкъ, убитыхъ 863. Непріятелей легло около пяти тысячъ, болѣе восьмидесяти знатныхъ сановниковъ и въ числѣ ихъ венгерскій полководецъ Бекези, очень цѣнимый и любимый Баторіемъ, который тотчасъ-же послѣ отбитаго штурма принялся готовиться къ новому и написалъ русскимъ воеводамъ письмо такого содержанія:

«Дальнѣйшее кровопролитіе для васъ безполезно... Вы



ПСКОВСКІЯ ДРЕВНОСТИ ВРЕМЕНЪ ІОАННА ГРОЗНАГО.

ЦОЛЬСКОЕ ОРУЖІЕ НАЧАЛА XVI В.
(Въ Имп. Эрмитажѣ).

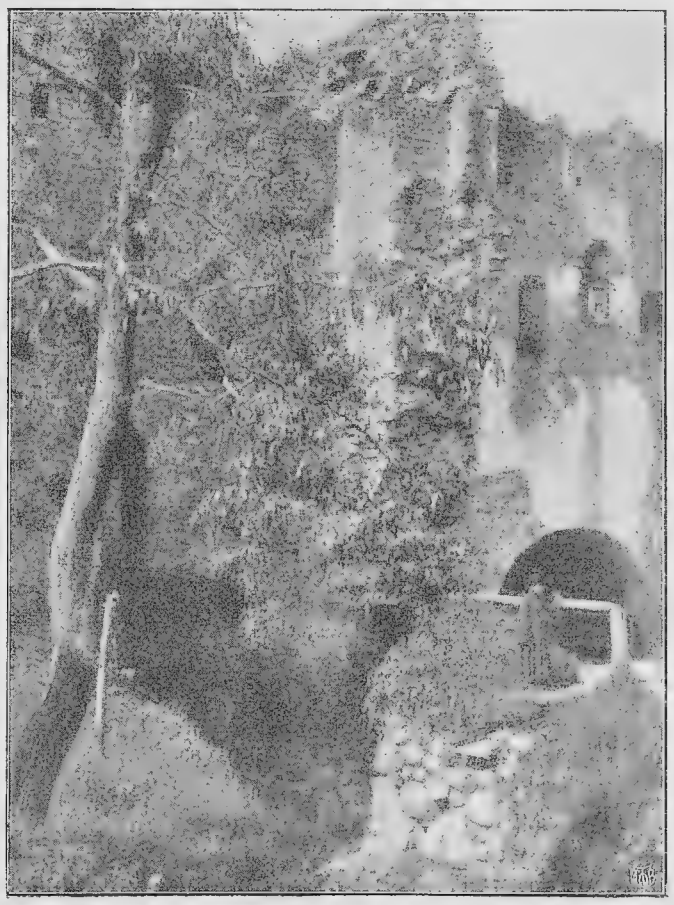
ТРОИЦКІЙ СОБОРЪ ВО ПСКОВѢ.

знаете, сколько городовъ завоевано мною въ два года! Сдайтесь мирно: вамъ будетъ оказана всякая честь и милость, какой вы никогда не заслужите отъ московскаго тирана: я дамъ народу различныя льготы, неизвѣстныя еще въ Россіи, со всѣми выгодами свободной торговли, благодаря которой процвѣтала нѣкогда ваша страна. Я сохраню за вами всѣ ваши права и обычаи, неприкосновенность вашей вѣры. Соглашайтесь—иначе васъ ждетъ гибель, которую раздѣлитъ съ вами народъ». Такъ какъ осажденные не хотѣли имѣть никакихъ сношеній съ непріятелемъ, то письмо короля съ этимъ увѣщаніемъ было пущено во Псковъ со стрѣлою.

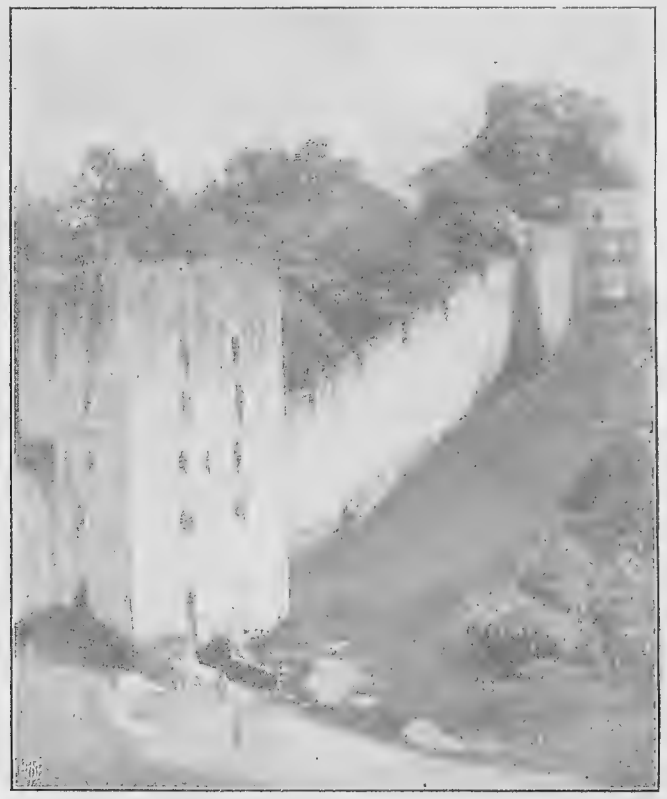
Такимъ-же способомъ псковскіе воеводы прислали королю свой отвѣтъ: «Не измѣнимъ своему крестному цѣлованію за богатства цѣлаго міра. Если Господь Богъ за насъ—никто не осилитъ насъ! Мы готовы умереть, но не предадимъ Пскова. Готовься на брань, а чья будетъ побѣда—зависитъ отъ Бога».

Баторій всячески пытался взять Псковъ: велѣлъ дѣлать подкопы, день и ночь стрѣлять въ крѣпость, пускать каленыя ядра, чтобы произвести пожаръ. Псковичи упорно защищались, спѣшили застроить деревянную стѣну, защитили ею проломъ, рядомъ съ которымъ вырыли глубокій ровъ и въ теченіе пяти или шести недѣль храбро отражали всѣ нападенія. Бодрость осажденныхъ все возростала, осаждающіе слабѣли духомъ, теряли силы, терпя холодъ и голодъ, такъ какъ осень стояла очень суровая. Баторій велѣлъ тогда рыть землянки—подкопы, но Шуйскому удалось перенять ихъ; осажденные стали вести противъ нихъ свои мины и рѣзались съ непріятелемъ подъ землею.

Не приводили къ желанной цѣли и новые самые отчаян-



НИЖНІЯ ВОРОТА ПСКОВО-ПЕЧЕРСКАГО МОНАСТЫРЯ.

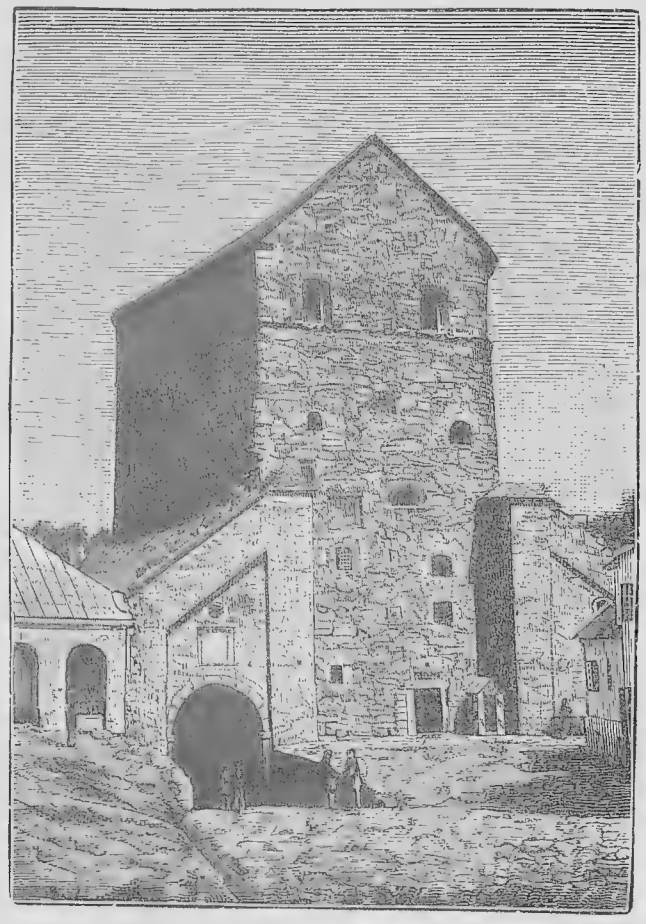


ПСКОВО-ПЕЧЕРСКІЙ МОНАСТЫРЬ. ИЗБОРСКІЯ ВОРОТА.

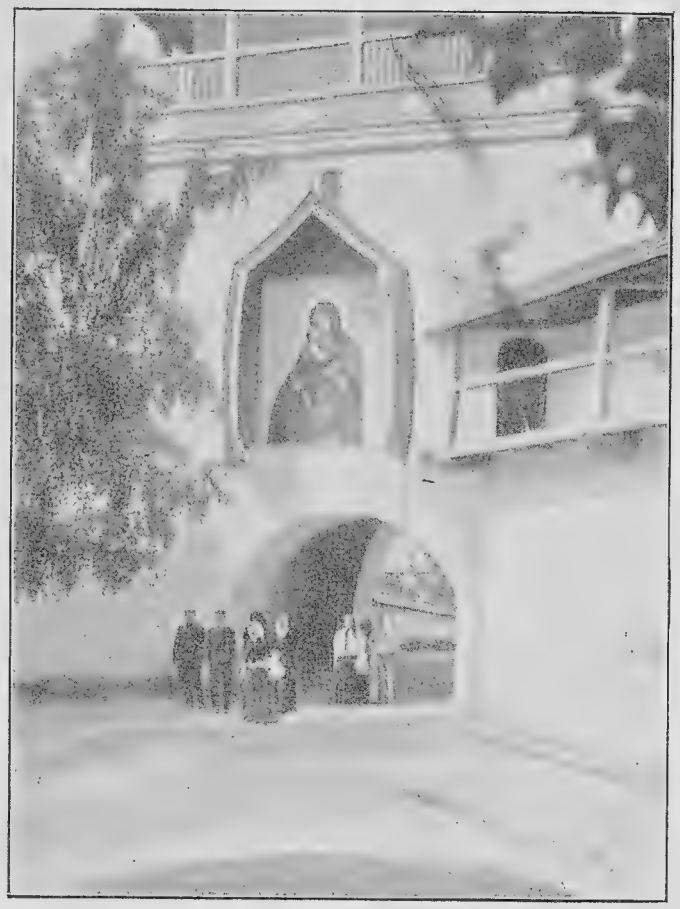
УСПЕНСКІЙ СОБОРЪ ВЪ ПСКОВО-ПЕЧЕРСКОМЪ МОНАСТЫРѢ.

ные приступы. Когда поляки подходили къ стѣнѣ, прикрываясь отъ пуль большими щитами, и старались ломами пробить каменную стѣну—русскіе лили на нихъ горящую смолу, длинными шестами съ крючьями на концахъ оттаскивали ихъ отъ стѣны. Тогда Баторій приказалъ оставить укрѣпленія, вывезти пушки, снять туры и, смѣнивъ продолжительной осадой штурмы и приступы, взять Псковъ изморомъ.

Но войско Баторія совершенно упало духомъ и отчаялось



ВОРОТА БАТОРІЯ ВЪ КАМЕНЕЦЪ-ПОДОЛЬСКѢ.



СВЯТЫЯ ПЕТРОВСКІЯ ВОРОТА ВЪ ПСКОВО-ПЕЧЕРСКОМЪ МОНАСТЫРѢ.

взять городъ, ему не удалось взять даже подгороднаго Печерскаго монастыря.

Съ другой стороны, хотя доблестная оборона Пскова и ободрила нѣсколько Іоанна—онъ продолжалъ стремиться къ миру, такъ какъ шведы отнимали у него городъ за городомъ и воевать сразу съ двумя врагами русскимъ было не подъ силу.

Папа, принявъ въ Римѣ русское посольство, съ радостью согласился быть посредникомъ между шведами и Іоанномъ: онъ не терялъ надежды прибрать къ рукамъ русскую церковь. Мирные переговоры начались при посредствѣ папскаго легата (посла) Антонія Поссевина у Запольскаго Яма. Русскіе послы такъ упорно

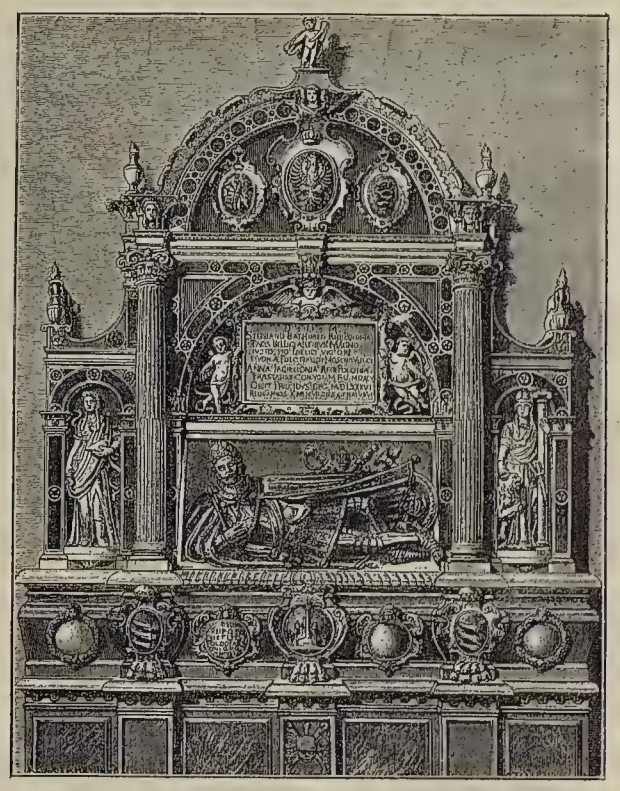
ГОРОДЪ СТАРИЦА (ТВЕРСКОЙ ГУБ.).

отстаивали выгоды своего государя, что Поссевинъ нѣсколько разъ приходилъ въ отчаяніе и начиналъ уже жестоко браниться. Наконецъ съ большимъ трудомъ заключено было въ 1582 году перемиріе на 10 лѣтъ. Іоаннъ уступилъ Баторію всѣ свои завоеванія въ Ливоніи и Полоцкъ. Такъ печально кончились замыслы Грознаго пробиться къ морю.

ИЗОБРАЖЕНІЯ СТЕФАНА БАТОРІЯ НА ТРЕХЪ ПОЛЬСКИХЪ МЕДАЛЯХЪ.

ИЗОБРАЖЕНІЯ СТЕФАНА БАТОРІЯ НА СОВРЕМЕННЫХЪ ПОЛЬСКИХЪ МЕДАЛЯХЪ.

ПОРТРЕТЪ СТЕФАНА БАТОРІЯ.
Съ современной гравюры.



МАВЗОЛЕЙ СТЕФАНА БАТОРІЯ ВЪ ДВОРЦОВОЙ ЦЕРКВИ ВЪ КРАКОВѢ.

ИМПЕРАТОРЪ МАКСИМИЛІАНЪ I ПРИНИМАЕТЪ ПОСОЛЬСТВО МОСКОВСКАГО ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ.
Уменьш. факсимиле современной гравюры на деревѣ Ганса Бургкмайера изъ Вейскунига.

АНГЛІЙСКАЯ КОРОЛЕВА ЕЛИЗАВЕТА.
Соврем. печать.

Несмотря на всѣ помѣхи и происки сосѣдей-враговъ, которые тревожились за быстрое усиленіе могущества Россіи, если-бы ей удалось завязать прочныя сношенія съ западомъ и позаимствовать у него и просвѣщеніе, и необходимыя свѣдѣнія въ ратномъ дѣлѣ и другихъ ремеслахъ—сношенія эти все-таки постепенно завязывались: русскіе нуждались въ европейскихъ мастерахъ и многихъ иноземныхъ товарахъ, но и западноевропейскіе промышленники нуждались въ новыхъ рынкахъ для сбыта своихъ произведеній, отыскивали новые пути для торговли. Въ эпоху царствованія на Руси Грознаго, въ Англіи составилась компанія купцовъ, снарядившихъ три корабля съ тѣмъ, чтобы отыскать болѣе удобные и короткіе пути въ богатую Индію и Китай, черезъ сѣверныя страны Европы—попытаться по Сѣверному океану проплыть въ Тихій. Два корабля были

ІОАННЪ ГРОЗНЫЙ ПОКАЗЫВАЕТЪ СВОИ СОКРОВИЩА АНГЛІЙСКОМУ ПОСЛУ ГОРСЕЮ. — КАРТИНА А. Д. ЛИТОВЧЕНКО ВЪ РУССКОМЪ МУЗЕѢ ИМП. АЛЕКСАНДРА III.

затерты льдами у Мурманскаго берега: вся ихъ команда, съ начальникомъ предпріятія во главѣ—Вилогби, замерзла, но третій корабль зашелъ въ Бѣлое море, присталъ 24-го августа 1553 г. въ устьяхъ Сѣверной Двины близъ Холмогоръ. Капитанъ корабля Ченслеръ завелъ сношенія съ холмогорскимъ воеводой, а тотъ списался съ Москвой. Іоаннъ немедленно распорядился, чтобы англичанъ привезли въ Москву, гдѣ они были очень милостиво приняты царемъ, обѣдали у него въ Золотой палатѣ и немало дивились роскоши его двора. Іоаннъ далъ Ченслеру грамоту къ англійскому королю, съ приглашеніемъ начать переговоры о торговлѣ. Пріемъ Іоанномъ Ченслера положилъ начало развившимся впослѣдствіи правильнымъ дружественнымъ сношеніямъ Руси съ англичанами.

ПОСОЛЪ КНЯЗЬ ЗАХАРІЙ ИВАНОВИЧЪ СУГОРСКІЙ И СОПРОВОЖДАЮЩІЕ ЕГО БОЯРЕ.

Сношенія Англіи съ Москвою особенно оживились въ царствованіе Елизаветы Англійской, которая три раза отправляла въ Москву своего посла съ богатыми дарами и такъ сумѣла поладить съ Іоанномъ, что онъ предоставлялъ англійскимъ купцамъ все большія и большія льготы въ торговлѣ въ ущербъ давно роптавшимъ на это купцамъ ганзейскимъ. Въ концѣ-концовъ Іоаннъ, уже больной и мучимый ненормальной подозрительностью, даже обратился въ секретномъ посланіи къ Елизаветѣ съ просьбой дать ему убѣжище въ Англіи, если онъ будетъ изгнанъ своими врагами изъ Московскаго государства.

Почти одновременно завязались сношенія Москвы и съ Германіею. Императоръ Максиміліанъ, желая посадить на польскій престолъ своего сына, просилъ Грознаго помочь ему въ этомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ходатайствовалъ у царя за Ливонію. Іоаннъ, принимая германскихъ пословъ во всемъ своемъ величіи, поразилъ ихъ роскошью, блескомъ и богатствомъ.

Въ отвѣтъ на посольство императора, Іоаннъ въ свою очередь отправилъ въ Германію пышное посольство, во главѣ котораго поставленъ былъ князь Сугорскій; русскіе послы, вручившіе императору грамоту и богатые подарки отъ Іоанна, тоже поразили нѣмцевъ своеобразной пестротой своихъ богатыхъ одеждъ, пышностью и важностью своихъ манеръ и пріемовъ, а также своей безграничной преданностью и рабской покорностью своему государю, необычной для феодальной Европы.

ИЗОБРАЖЕНІЕ ЧАСТИ ТОРЖЕСТВЕННАГО ШЕСТВІЯ РУССКАГО ПОСОЛЬСТВА (КН. ЗАХАРІЯ ИВАНОВИЧА СУГОРСКАГО) ВЪ Г. РЕГЕНСБУРГѢ КЪ РИМСКОМУ ИМПЕРАТОРУ МАКСИМИЛІАНУ II ВЪ 1576 Г. СЪ ПОДАРКАМИ ПУШНОГО ТОВАРА ОТЪ ЦАРЯ ІОАННА IV.
Совр. гравюра на деревѣ. (Оригиналъ въ Висбаденскомъ музеѣ).

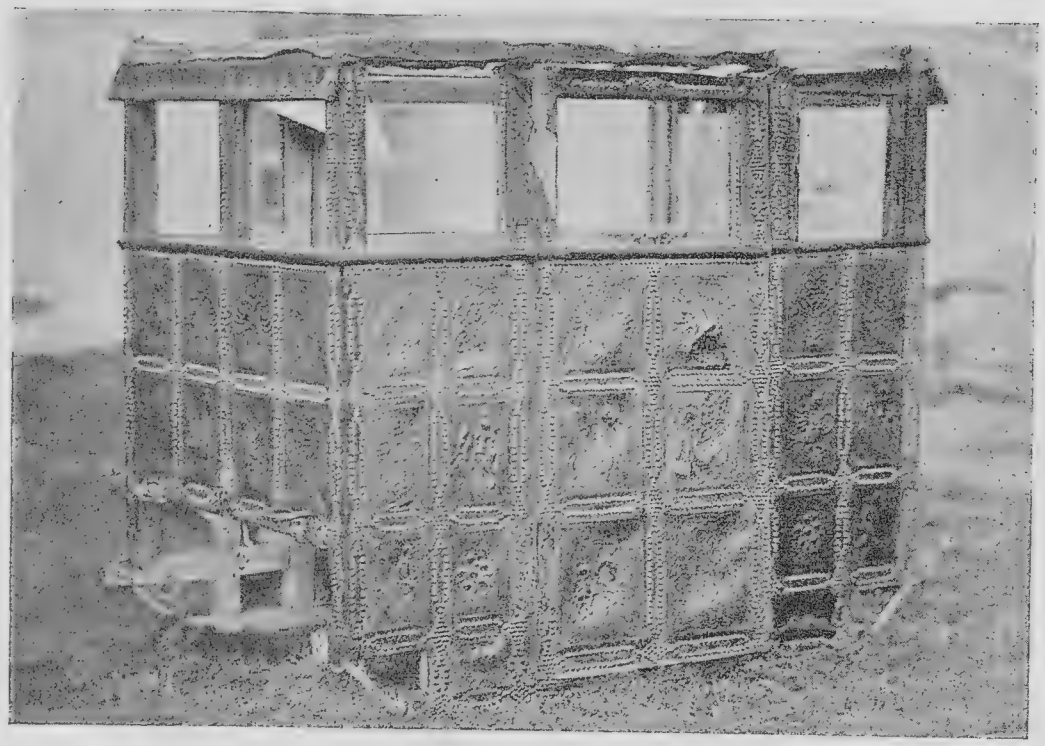
БОГОСЛУЖЕНІЕ ПОСЛОВЪ.

Изъ обмѣна посольствъ и долгихъ переговоровъ ни Москва, ни императоръ не извлекли, однако, никакой пользы: польскій престолъ, какъ извѣстно, не достался ни германскому принцу, ни русскому царевичу — избранъ былъ въ польскіе короли воевода Стефанъ Баторій. Сохранилось любопытное описаніе этого посольства русскихъ въ Германію, составленное современниками, съ приложеніемъ нѣсколькихъ картинъ, точно передающихъ внѣшній видъ посольства, что весьма важно для исторіи русскаго быта.

Это посольство въ Германію тоже не было послѣднимъ. Іоаннъ дѣятельно поддерживалъ сношенія и съ новымъ германскимъ императоромъ, Рудольфомъ, смѣнившимъ Максиміліана: онъ посылалъ въ Вѣну дворянина Ждана Квашнина, надѣясь склонить нѣмцевъ къ войнѣ съ общимъ недругомъ, чтобы изгнать Стефана, раздѣлить Польшу и Литву, наконецъ вмѣстѣ со всей Европою ополчиться на султана—мысль, которую папы давно уже внушали императорамъ. При вѣнскомъ дворѣ жилъ тогда знаменитый бѣглецъ, сирадскій воевода, Альбрехтъ Ласко, который имѣлъ тайныя сношенія съ Іоанномъ; это былъ заклятый врагъ Баторія. Квашнинъ имѣлъ порученіе вывѣдать у него различныя важныя для русскихъ свѣдѣнія о политическихъ государственныхъ дѣлахъ запада и побудить его повліять на императора въ желательномъ для Руси смыслѣ. Но слабохарактерный Рудольфъ, хотя и ненавидѣлъ Баторія и опасался султана, побоялся въ то же время и воспользоваться союзомъ Грознаго, чтобы взять Польшу и спасти Венгрію. Когда въ Вѣну посланъ былъ новый гонецъ Шевригинъ въ тяжелую для Іоанна пору Ливонской войны—съ просьбой къ императору принять на себя посредничество въ переговорахъ Руси съ Баторіемъ—Рудольфъ уклонился, какъ извѣстно, и отъ этого подъ весьма ничтожнымъ и неловкимъ предлогомъ, и только папа, жаждавшій принять подъ свое покровительство русскую церковь, откликнулся на призывъ Іоанна. Въ Германіи-же вяло шли на встрѣчу желанію Іоанна завязать съ нею дипломатическія сношенія.

Завоеваніе огромной новой области на востокѣ вознаградило хотя нѣсколько Іоанна за его неудачи въ Ливонской войнѣ.

Московское государство было еще очень слабо заселено на сѣверо-востокѣ, поэтому московскіе государи не только охотно раздавали пустыя земли во владѣніе тѣмъ людямъ, которые брались заселить ихъ и завести разные промыслы, но еще давали имъ разныя льготы. Такъ въ 1558 году царь подарилъ богатому промышленнику Григорію Строгонову большія незаселенныя земли по рѣкѣ Камѣ до Чусовой на протяженіи ста сорока четырехъ верстъ. Братья Строгоновы, Григорій и Яковъ, по примѣру отца, нажившаго большія деньги соляным промыслом въ Сольвычегодскѣ, задумали завести соляныя варницы и во вновь пожалованномъ имъ краю, а также завести тамъ хлѣбопашество и торговлю. Строгоновы получили право творить судъ надъ поселенцами, которые, являясь въ ихъ владѣнія, избавлялись на двадцать лѣтъ отъ всякихъ податей и повинностей, строить укрѣпленія и держать вооруженные отряды для обороны отъ нападеній сосѣднихъ народцевъ: остяковъ, черемисовъ, ногайскихъ татаръ и другихъ, а также, приглашая къ себѣ на службу охочихъ людей-казаковъ, ходить войной на враждебныя, окружавшія ихъ, царства.



ВОЗОКЪ СТРОГОНОВЫХЪ, ХРАНЯЩІЙСЯ ВЪ Г. СОЛЬВЫЧЕГОДСКѢ, ВЪ СОБОРНОМЪ ПОДВАЛѢ.

Главнѣйшимъ изъ этихъ царствъ было царство Сибирское, находившееся за Уральскими горами на берегахъ рѣкъ Тобола, Иртыша и Туры и получившее свое названіе отъ главнаго города Искера, или Сибири, стоявшаго на рѣкѣ Тоболѣ. Сибирскіе ханы находились нѣкоторое время подъ покровительствомъ московскаго царя и даже платили ему дань—ясакъ, но съ воцареніемъ хана Кучума стали тотчасъ-же во враждебныя отношенія къ Москвѣ: Кучумъ побилъ и пограбилъ остяковъ, платившихъ дань московскому государю, а сибирскій царевичъ Махметкулъ ходилъ съ войскомъ на рѣку Чусовую, пробираясь къ городкамъ Строгоновыхъ, при чемъ по пути побилъ много московскихъ подданныхъ, забралъ въ плѣнъ ихъ женъ и дѣтей.

Тогда Строгоновы, уже дѣти Григорія и Якова, обратились къ Іоанну съ просьбой позволить имъ укрѣпиться за Ураломъ, держать тамъ «огненный нарядъ»—артиллерію и на свой счетъ набрать добровольцевъ для борьбы съ врагами. Царь позволилъ, и на службу къ Строгоновымъ явилось нѣсколько казацкихъ вольныхъ шаекъ, самой значительной изъ которыхъ былъ отрядъ Ермака.

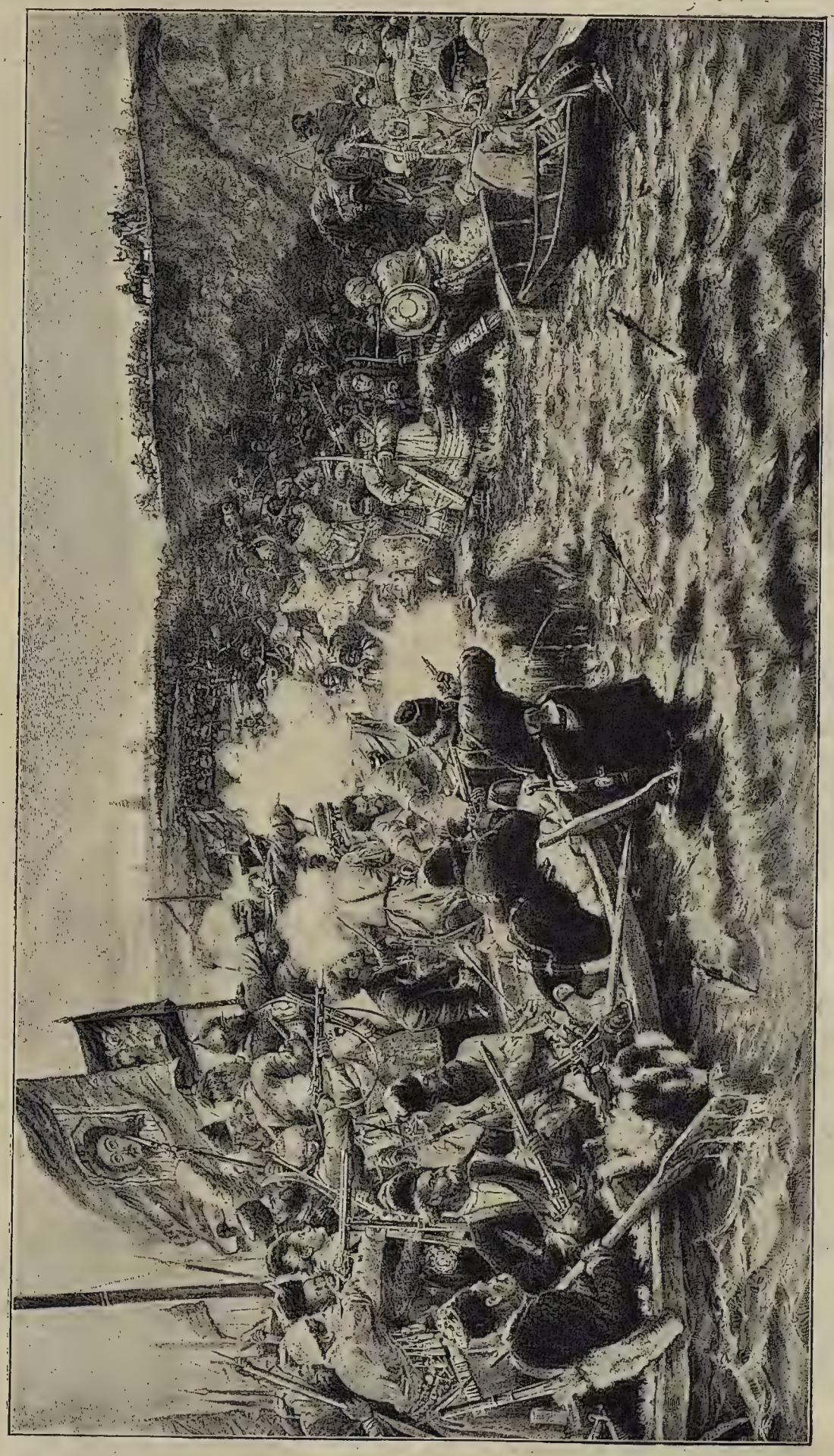
КАРЕТА СТРОГОНОВЫХЪ, ХРАНЯЩАЯСЯ ВЪ СОЛЬВЫЧЕГОДСКѢ, ВЪ СОБОРНОМЪ ПОДВАЛѢ.

Донскія степи были полны такихъ полувоенныхъ, полуразбойничьихъ отрядовъ, составлявшихъ вполнѣ независимыя общины, которыя управлялись избираемыми изъ ихъ среды атаманами и почти не признавали надъ собою власти московскаго правительства. Ведя борьбу съ кочующими инородцами, казаки часто нападали и на московскія области и грабили суда по Дону и Волгѣ. Однажды Іоаннъ выслалъ противъ казаковъ большое войско, которое разбило ихъ; отрядъ Ермака, спасаясь отъ царскихъ воеводъ, ушелъ на Уралъ къ Строгоновымъ.

Строгоновы и послали Ермака за Уральскія горы противъ Кучума; съ нимъ были еще атаманы: Иванъ Кольцо, за свои разбои осужденный на смерть, но не пойманный, Никита Пан и Василій Мещерякъ. Ермакъ, или, какъ было его настоящее имя, Василій Тимофеевъ, привелъ съ собою на службу Строгоновымъ около пятисотъ человѣкъ, да Строгоновы дали ему еще людей, снабдили его съѣстными припасами, ружьями и даже небольшими пушками.

Такимъ образомъ въ числѣ около восьмисотъ пятидесяти казаки отправились воевать Кучумово царство; на стругахъ и челнахъ, гдѣ по рѣкамъ, гдѣ волокомъ, казаки бодро подвигались впередъ; первый городокъ, который они встрѣтили, было владѣніе князька Епанчи на рѣкѣ Турѣ; казаки принялись обстрѣливать его; татары, впервые увидѣвшіе огнестрѣльное оружіе, въ ужасѣ разбѣжались. Захваченныхъ въ плѣнъ казаки настращали выстрѣлами, показали имъ, какъ пули пробиваютъ ихъ доспѣхи, и добыли отъ нихъ свѣдѣнія о Кучумѣ и его силахъ. Нѣкоторыхъ Ермакъ нарочно отпустилъ на свободу, чтобы они всюду разносили страхъ своими разсказами о чудесномъ оружіи русскихъ.

Однако Кучумъ, какъ ни былъ напуганъ разсказами бѣглецовъ и всякими зловѣщими предсказаніями, рѣшилъ упорно сопротивляться казакамъ. Собравъ все свое войско, онъ расположился станомъ на берегу Иртыша, близъ устья Тобола, неподалеку отъ нынѣшняго города Тобольска, устроилъ здѣсь на горѣ на всякій случай новую засѣку, а царевича Махметкула отрядилъ съ дружиной на встрѣчу казакамъ; но Махметъ, встрѣтившись съ Ермакомъ, проигралъ сраженіе. При впаденіи Тобола въ Иртышъ татары снова настигли казаковъ и осыпали ихъ стрѣлами. Казаки отбили и это нападеніе, но у нихъ было уже нѣсколько убитыхъ и почти всѣ были переранены стрѣлами. Татары разглядѣли, что ка-

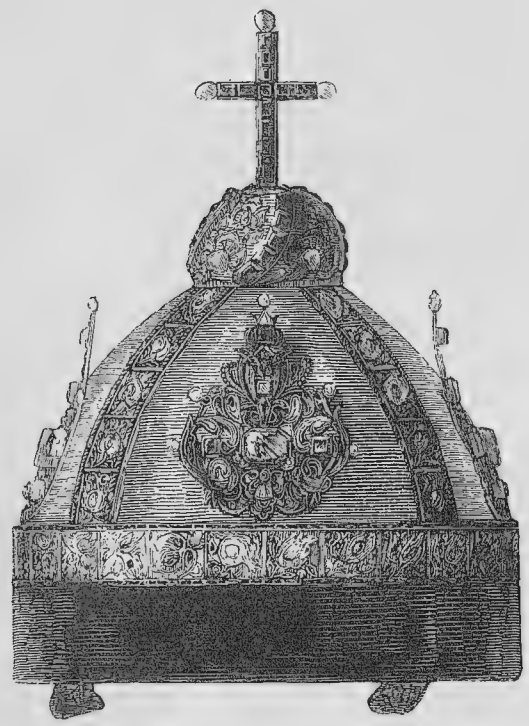


ПОКОРЕНІЕ СИБИРИ.
Картина В. И. Сурикова въ Русскомъ музэѣ Императора Александра III.

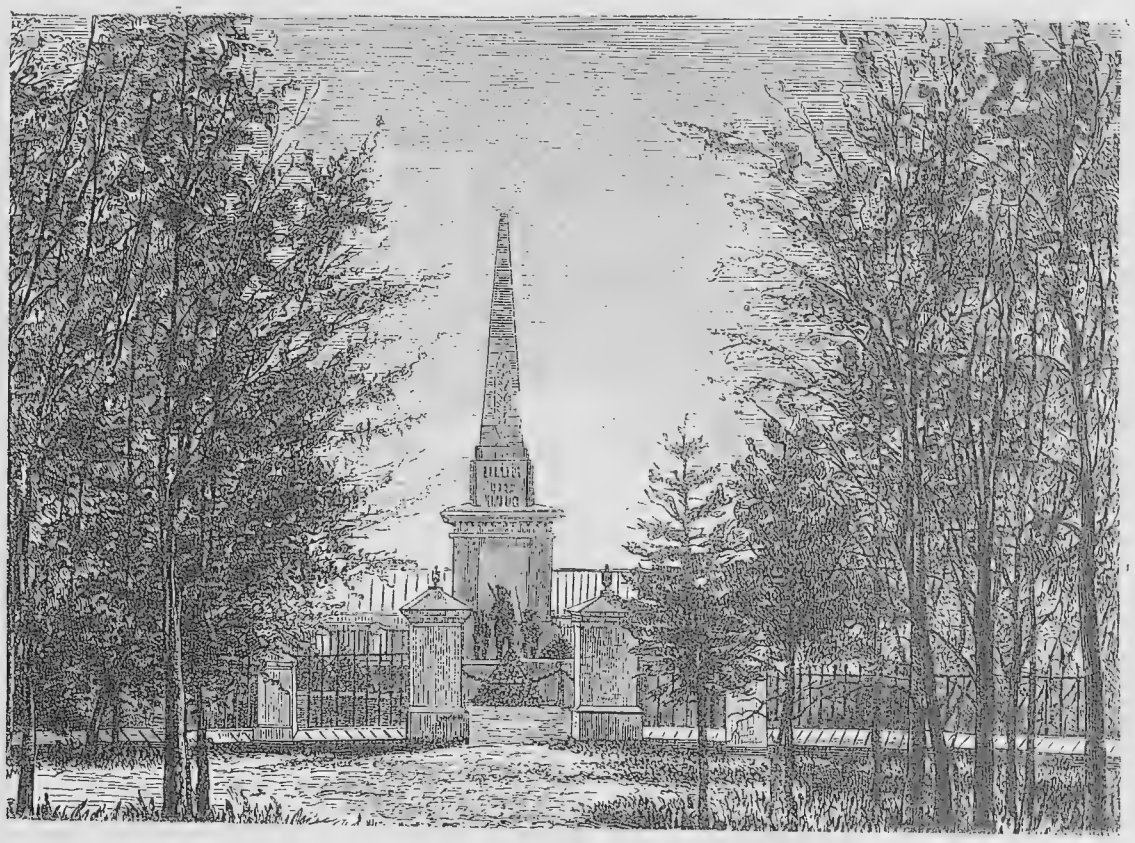
ЕРМАКЪ, ПОКОРИТЕЛЬ СИБИРИ.—РИСУНОКЪ А. ШАРЛЕМАНЯ. ГРАВЮРА НА СТАЛИ.

ЕРМАКЪ.—СТАТУЯ М. М. АНТОКОЛЬСКАГО.

заковъ совсѣмъ ужь не такъ много, и всѣми силами налегли на нихъ. Но казаки были уже недалеко отъ столицы: оставалось только выбить Кучума изъ его засѣки; дѣло не легкое — у Кучума было много народа: на каждаго русскаго приходилось почти по двадцати татаръ, но на окончательномъ совѣщаніи казаки рѣшили биться до смерти. Ружья, пушки да и молодецкая казацкая сила сослужили имъ тутъ службу: татары были разбиты, Кучумъ бѣжалъ, и казаки заняли безпрепятственно опустѣлую Сибирь. Остяки, вогуличи и много мелкихъ татарскихъ князьковъ пришли къ Ермаку съ изъявленіемъ своей покорности, и въ 1582 году казаки покорили уже послѣдніе улусы по Иртышу и Оби.



ШАПКА СИБИРСКАЯ (ВЪ ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТѢ, ВЪ МОСКВѢ).



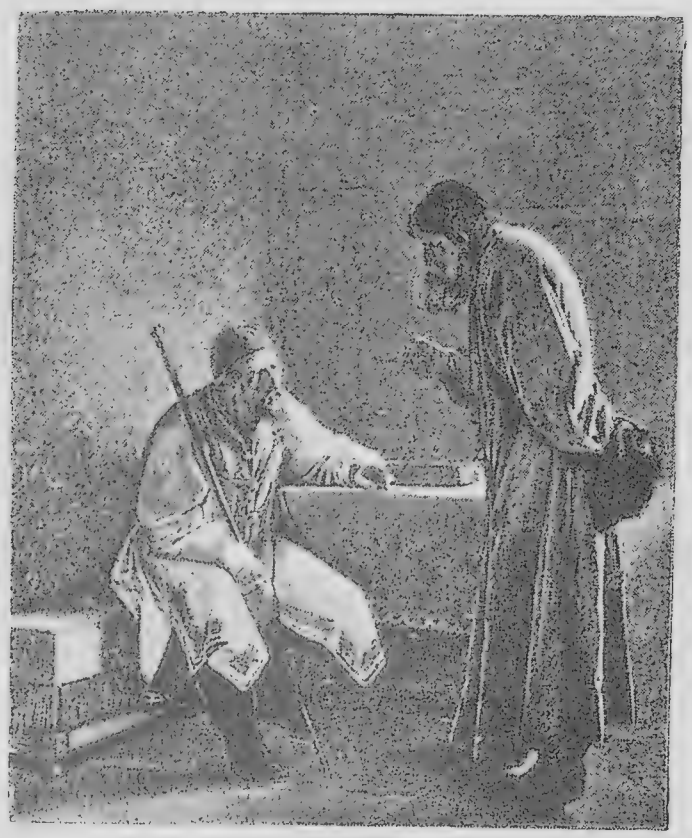
ПАМЯТНИКЪ ЕРМАКУ ВЪ ТОБОЛЬСКѢ.

Скоро явилось въ Москву и особое посольство отъ Ермака: Иванъ Кольцо съ нѣсколькими товарищами; они били государю челомъ Сибирскимъ царствомъ и поднесли ему въ даръ драгоцѣнныя произведенія завоеваннаго края — мѣха собольи, бобровые и лисьи.

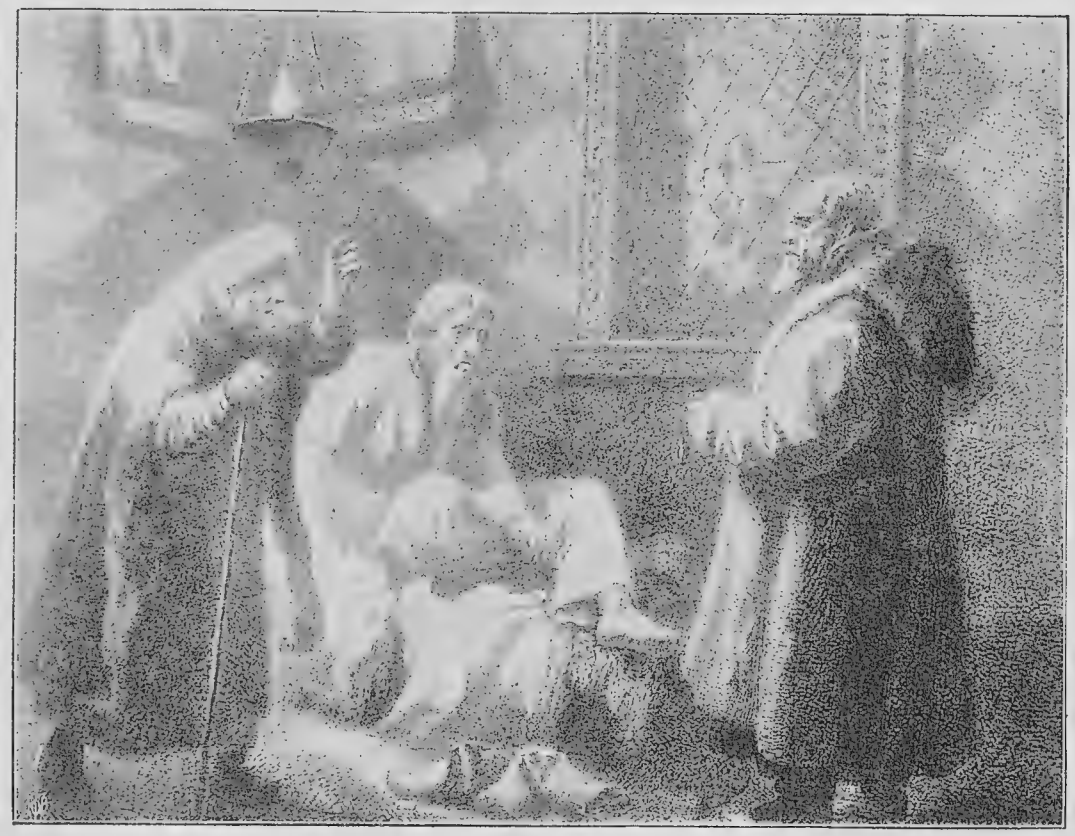
Давно уже, по словамъ современниковъ, не было такой радости въ Москвѣ. Вѣсть о томъ, что, волей Божіею, казаки завоевали для русской державы новое царство, быстро разнеслась въ народѣ и радовала всѣхъ послѣ столькихъ неудачъ и неурядицъ Ливонской войны.

Іоаннъ чрезвычайно милостиво принялъ Кольцо, не только простилъ его и его товарищей за прежнія ихъ преступленія, но отблагодарилъ щедрыми дарами, Ермаку послалъ въ подарокъ шубу со своего плеча, серебряный ковшъ и два панцыря, а затѣмъ отправилъ въ Сибирь воеводу, князя Болховского, со значительнымъ отрядомъ войска. Немного удальцовъ осталось уже у Ермака и безъ подмоги едва-ли удалось бы ему удержать въ своихъ рукахъ завоеванныя земли. Татарскіе князьки поминутно возставали противъ него, а кромѣ этого и самъ Ермакъ скоро погибъ: утонулъ въ Иртышѣ, обороняясь отъ напавшей на него въ дорогѣ татарской шайки. Но Ермакъ недаромъ показалъ намъ путь въ Сибирь: русскіе отряды не переставали постепенно завоевывать ее, пока весь сѣверъ Азіи съ его неисчерпаемыми богатствами не перешелъ къ Россіи.

ІОАННЪ ГРОЗНЫЙ РАЗСМАТРИВАЕТЪ ДАРЫ, ПРИСЛАННЫЕ ЕРМАКОМЪ.—КАРТИНА С. Р. РОСТВОРОВСКАГО.



ІОАННЪ ГРОЗНЫЙ И МАЛЮТА СКУРАТОВЪ.—КАРТИНА Г. С. СѢДОВА.

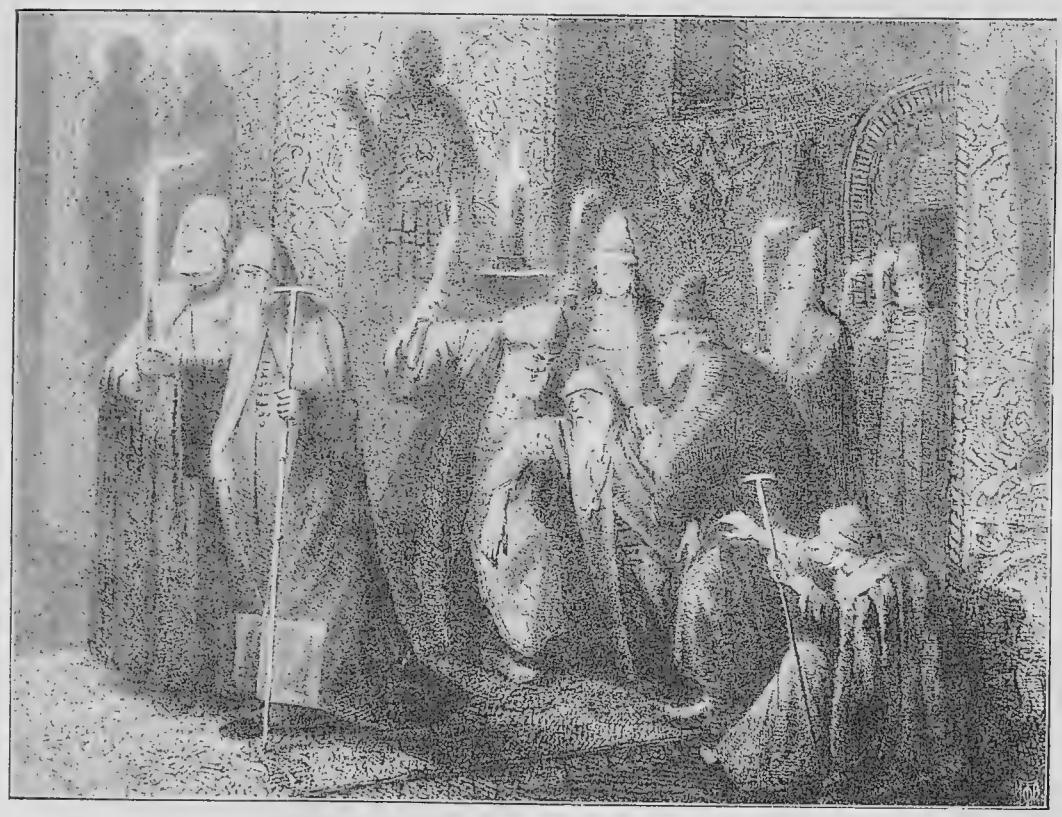


ОПОЧИВАЛЬНЯ ІОАННА ГРОЗНАГО.
Рисунокъ В. Шварца въ Третьяковской галлереѣ

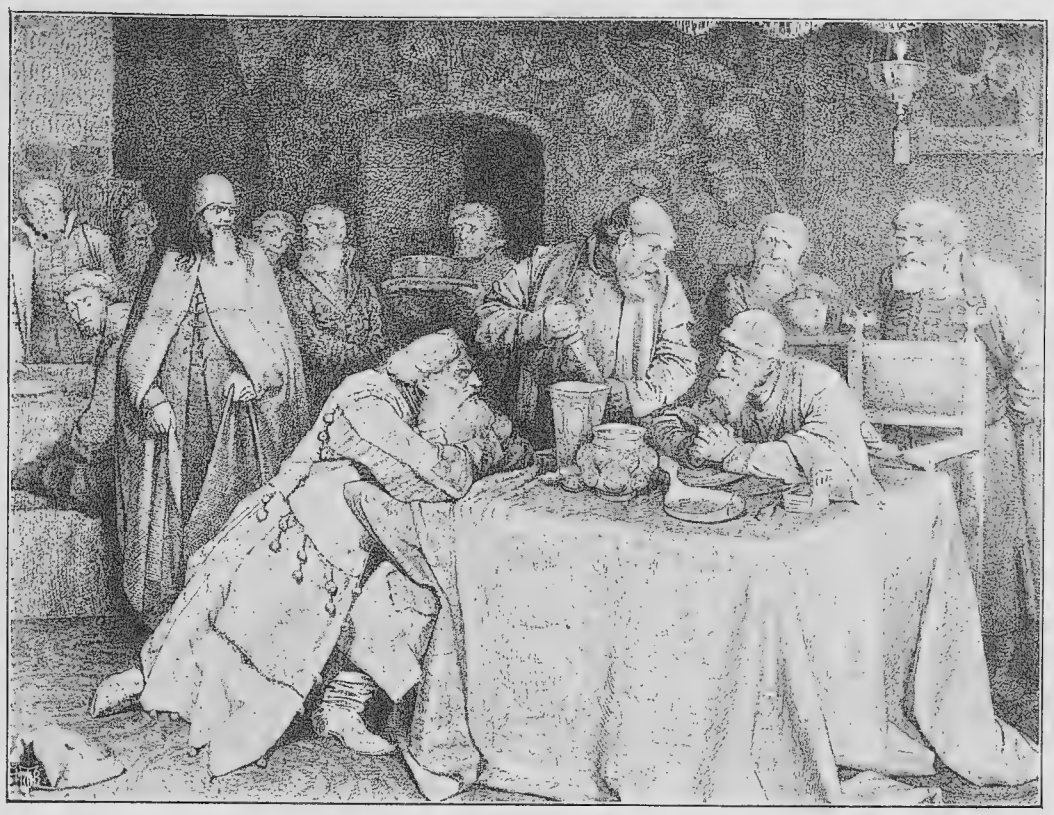
Большія внутреннія перемѣны происходятъ въ Московскомъ государствѣ и въ характерѣ самого Іоанна уже вскорѣ послѣ завоеванія Казани. Прежде всего начались разногласія между царемъ и его совѣтниками, Сильвестромъ и Адашевымъ. Сильвестръ совѣтовалъ Іоанну заняться послѣ завоеванія Казани покореніемъ Крыма, но Грозный, гораздо болѣе дальновидный, не послушался его и началъ, какъ извѣстно, Ливонскую войну. Тогда недовольный Сильвестръ сталъ внушать Іоанну, что всѣ несчастія, которыя его въ это время постигли—болѣзни его самого, жены его и дѣтей—посланы были ему Богомъ въ наказаніе за то, что онъ пошелъ наперекоръ ему — Сильвестру. Въ то-же время Сильвестръ сталъ сближаться съ нелюбимыми Іоанномъ боярами, враждебно относившимися къ братьямъ царицы, Романовымъ.

Вскорѣ Іоаннъ тяжко заболѣлъ и, не надѣясь выздоровѣть, потребовалъ, чтобы еще при его жизни двоюродный братъ его, Владиміръ Андреевичъ, и бояре присягнули его малолѣтнему сыну, Димитрію. Но Владиміръ Андреевичъ, Сильвестръ и отецъ Адашева не захотѣли присягать и вмѣстѣ со своими приверженцами громко отказывались, выражая свое нежеланіе служить Романовымъ, которые должны были управлять государствомъ за малолѣтствомъ Димитрія. Адашевъ хотя и присягнулъ, но въ споры не вмѣшивался и не уговаривалъ бояръ повиноваться Іоанну.

ЦАРЬ ІОАННЪ ГРОЗНЫЙ И ЕГО МАМКА.—КАРТИНА К. Б. ВЕНИГА.



ШЕСТВІЕ ІОАННА ГРОЗНАГО КЪ ЗАУТРЕНѢ.
Рисунокъ В. Шварца въ Третьяковской галлереѣ.



МОРОЗОВЪ ВЪ ШУТОВСКОМЪ НАРЯДѢ.
Рисунокъ В. Шварца въ Третьяковской галлереѣ.

Уступая настояніямъ преданныхъ Іоанну бояръ, въ концѣ-концовъ всѣ присягнули Димитрію, но больной царь слышалъ всѣ эти разговоры и убѣдился въ нерасположеніи своихъ любимцевъ и ихъ партіи къ его семейству и сталъ недовѣрчиво относиться къ нимъ. Отправляясь на богомолье въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, Іоаннъ заѣхалъ по дорогѣ къ бывшему коломенскому епископу Вассіану, любимцу Василія III. Вассіанъ между прочимъ сказалъ Іоанну въ отвѣтъ на его вопросъ, какъ надо царствовать, чтобы держать въ послушаніи своихъ вельможъ: «Если хочешь быть самодержцемъ, не держи при себѣ совѣтниковъ умнѣе себя». Іоаннъ принялъ совѣтъ его весьма близко къ сердцу

ПОСОЛЪ ОТЪ КНЯЗЯ КУРБСКАГО.
Рисунокъ В. Шварца въ Третьяковской галлереѣ.

ІОАННЪ ГРОЗНЫЙ И ЮРОДИВЫЙ НИКОЛА САЛОСЪ.
Картина П. И. Геллерѣ.

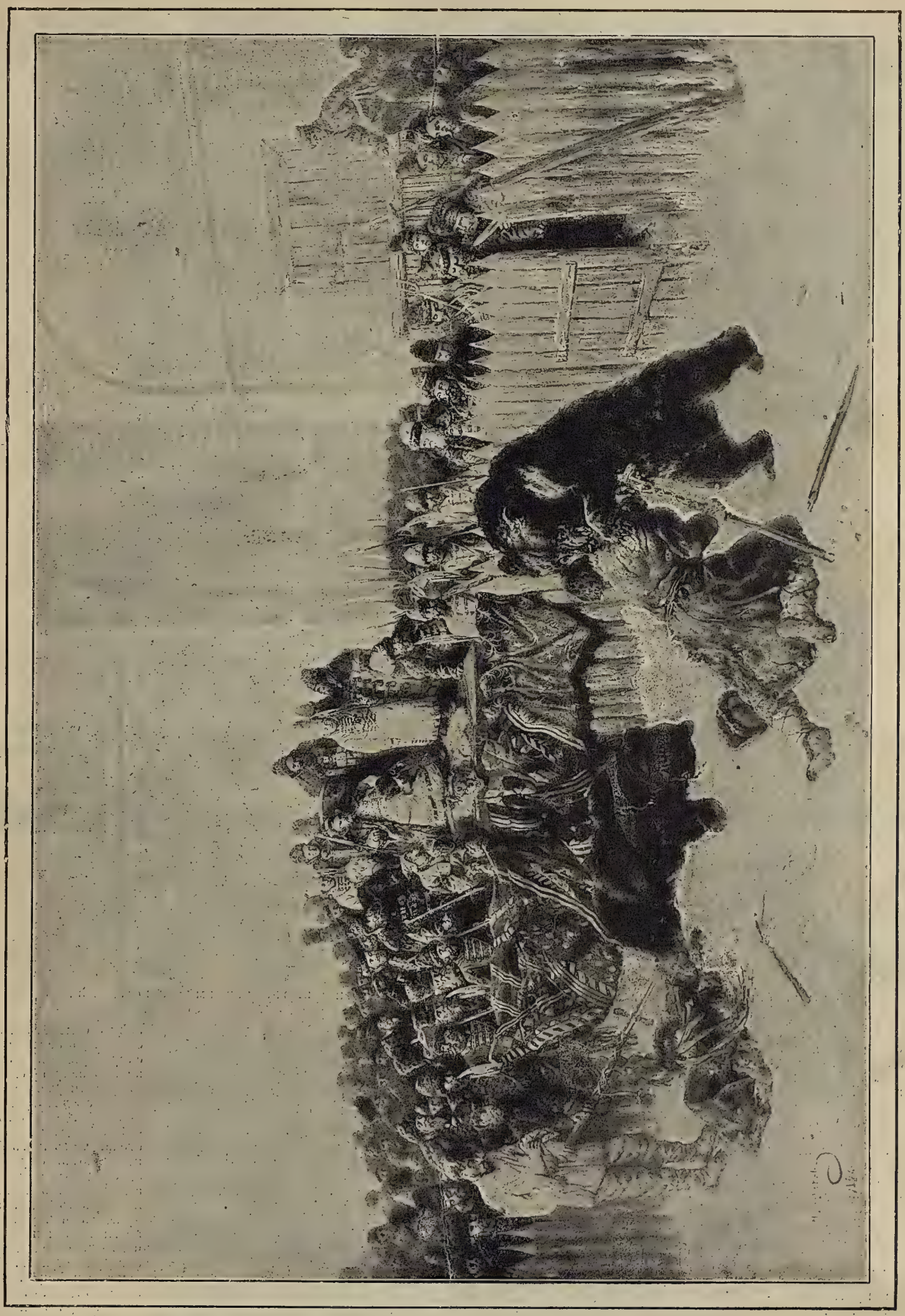
и въ годъ смерти первой жены своей, Анастасіи, которая была, по его мнѣнію, отравлена боярами, заточилъ Сильвестра въ Соловецкій монастырь, а Адашева послалъ въ ссылку. Многочисленные ихъ приверженцы, выразившіе было несочувствіе къ перемѣнѣ въ характерѣ царя, подверглись также казнямъ и ссылкамъ. Іоаннъ, отдаливъ тѣхъ лицъ, которыя еще имѣли надъ нимъ вліяніе, и потерявъ любимую жену, вполнѣ отдался своимъ страстямъ, и дремавшая въ немъ болѣзнь духа начинала уже просыпаться.

Подозрительность Іоанна еще усилилась вслѣдствіе измѣны князя Курбскаго, знаменитаго ливонскаго воеводы и прежняго любимца Іоанна. Проигравъ одно сраженіе и опасаясь царскаго гнѣва, онъ отъѣхалъ на службу къ Сигизмунду-Августу. Изъ Литвы онъ прислалъ Іоанну письмо съ вѣрнымъ слугой своимъ, Шибановымъ, замученнымъ Грознымъ, въ которомъ рѣзко обвиняетъ Іоанна за его жестокіе поступки съ боярами и проводитъ мысль, что правленіе только тогда и шло хорошо, когда царь совѣтовался съ боярами. Іоаннъ, отвѣчая Курбскому, напротивъ, всѣми силами защищалъ въ своихъ письмахъ принципъ самодержавія.

ГЕРБЪ КНЯЗЯ А. М. КУРБСКАГО.

КУЛАЧНЫЙ БОЙ ПРИ ІОАННѢ IV ГРОЗНОМЪ.—КАРТИНА М. ПЕСКОВА.

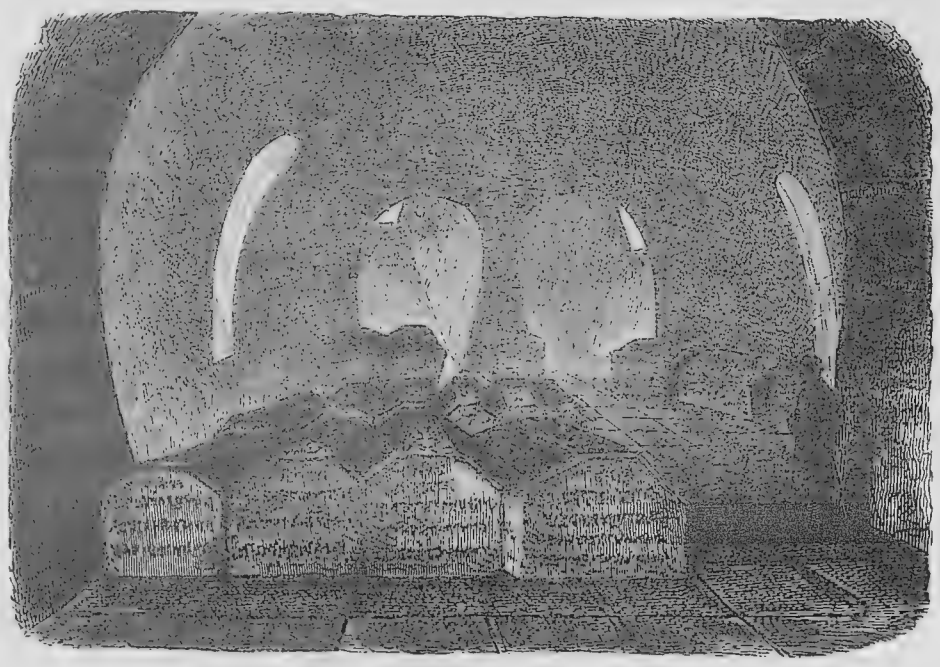
ОПРИЧНИКИ ВЪ ДОМѢ У ЗЕМСКАГО.—КАРТИНА А. Н. НОВОСКОЛЬЦЕВА ВЪ РУССКОМЪ МУЗЕѢ ИМП. АЛЕКСАНДРА III.



ЕДИНОБОРСТВО СЪ МЕДВѢДЕМЪ ПРИ ІОАННѢ ГРОЗНОМЪ.—КАРТИНА Н. СВЕРЧКОВА.

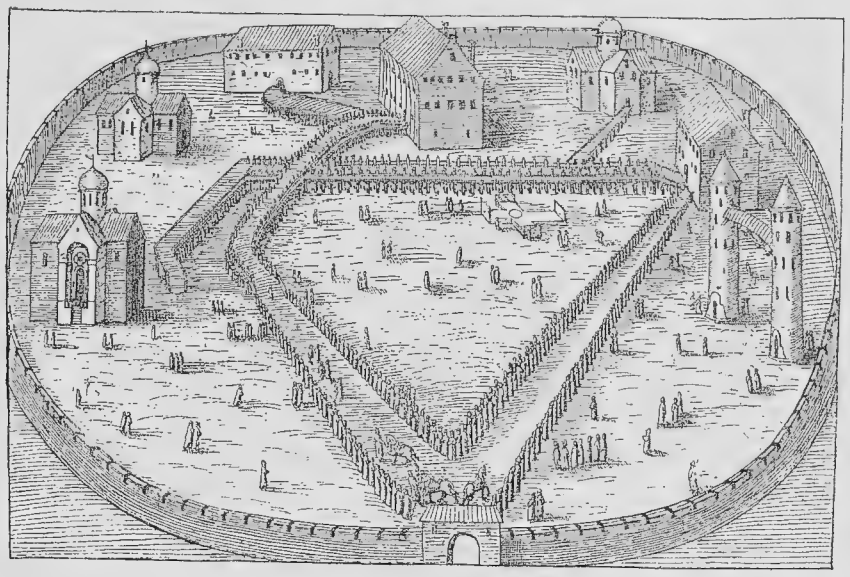
ПОСЛѢДНІЯ МИНУТЫ МИТРОПОЛИТА ФИЛИППА.—КАРТИНА А. Н. НОВОСКОЛЬЦЕВА ВЪ РУС. МУЗ ИМП. АЛЕКСАНДРА III.

Письма Курбскаго, въ которыхъ онъ явился защитникомъ и представителемъ всей боярской партіи, произвели на царя такое сильное впечатлѣніе, что онъ сталъ подозрѣвать въ измѣнѣ всѣхъ рѣшительно бояръ. Онъ сталъ окружать себя людьми другихъ сословій. Сильвестра и Адашева смѣнили теперь при Іоаннѣ страшной памяти Малюта Скуратовъ, Бѣльскій и другіе. Казни, ссылки, пытки такъ и сыпались на притихшее теперь боярство. Все трепетало передъ волей грознаго владыки, одинъ только голосъ дерзнулъ возвыситься въ защиту несчастныхъ: это былъ голосъ митрополита Филиппа.

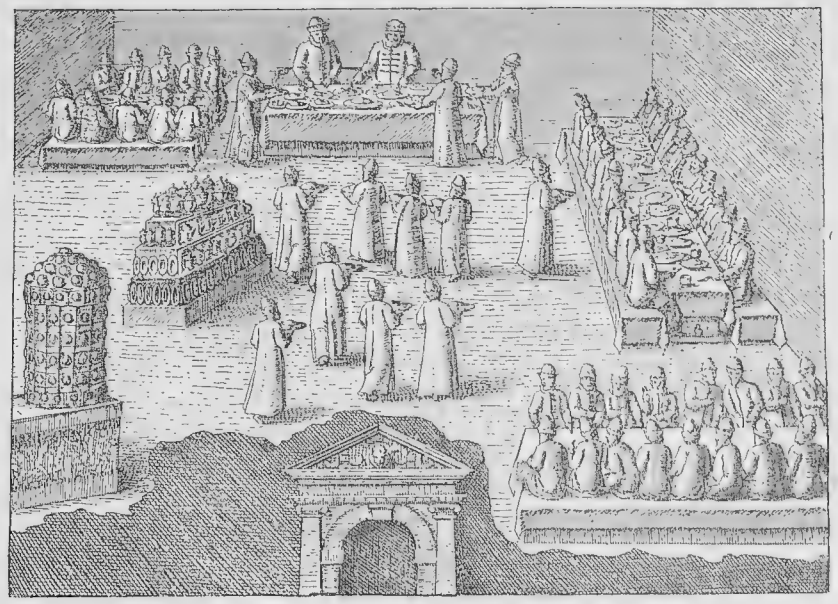


ГРОБНИЦЫ ІЕРАРХОВЪ ВЪ МОСКВѢ.

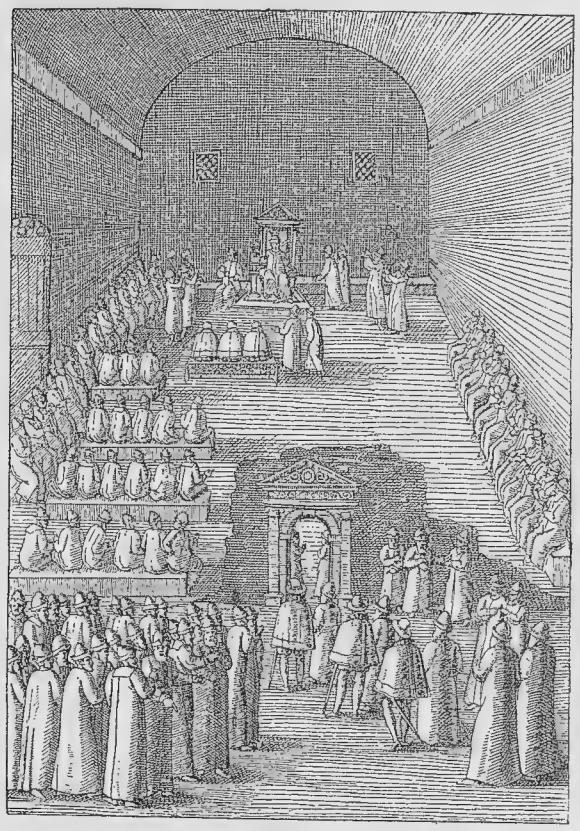
Наконецъ въ декабрѣ 1564 года царь со всѣмъ семействомъ неожиданно оставилъ Москву и уѣхалъ въ Александровскую слободу, откуда черезъ мѣсяцъ написалъ митрополиту и народу, что онъ хочетъ отказаться отъ престола, такъ какъ бояре измѣняютъ ему и не заботятся о государствѣ, а духовенство мѣшаетъ наказывать ихъ, а на купцовъ и народъ онъ не гнѣвается и имъ нечего опасаться. Вся Москва ужаснулась. Духовенство и бояре поѣхали просить царя, отъ имени всѣхъ, вернуться на царство. Іоаннъ согласился только съ тѣмъ условіемъ, что ему не будутъ мѣшать расправляться съ измѣнниками такъ, какъ онъ хочетъ. Тутъ онъ окружилъ себя преданными ему, по большей части незнатными



ОБЩІЙ ВИДЪ АЛЕКСАНДРОВСКОЙ СЛОБОДЫ.
Изъ книги Якова Улефельда: «Hodoeporicon Ruthenicum».



ПРАЗДНИЧНЫЙ ОБѢДЪ ВЪ АЛЕКСАНДРОВСКОЙ СЛОБОДѢ. СЪ ПРАВОЙ СТОРОНЫ ЦАРЯ СИДИТЪ СТАРШІЙ ЕГО СЫНЪ ІОАННЪ.
Изъ книги Якова Улефельда: «Hodoeporicon Ruthenicum».



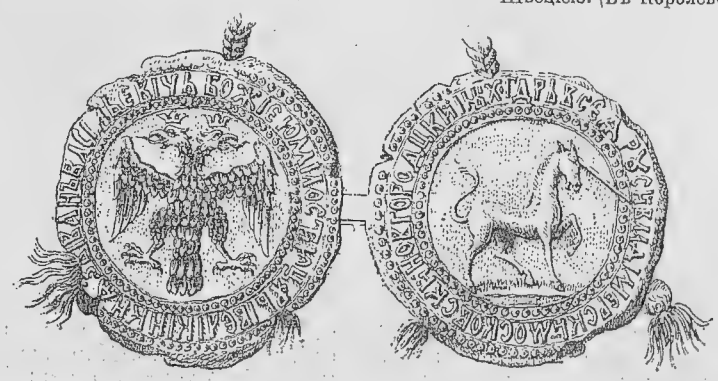
ПРІЕМЪ ПОСЛАННИКОВЪ ВЪ АЛЕКСАНДРОВСКОЙ СЛОБОДѢ.
Съ правой стороны царя сидитъ его старшій сынъ Іоаннъ; передъ ними стоятъ одѣтые въ бѣлый шелкъ рынды съ приподнятыми топорами.
Изъ книги Якова Улефельда: «Hodoeporicon Ruthenicum».

БОЛЬШАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПЕЧАТЬ ІОАННА IV,
приложенная къ двумъ трактатамъ 1583 и 1584 гг., заключеннымъ между Россіею и Швеціею. (Въ Королевскомъ архивѣ въ Стокгольмѣ).

людьми, которые получили названіе опричниковъ и содержались доходами съ нѣкоторыхъ городовъ и земель; остальная Русь составляла земщину.

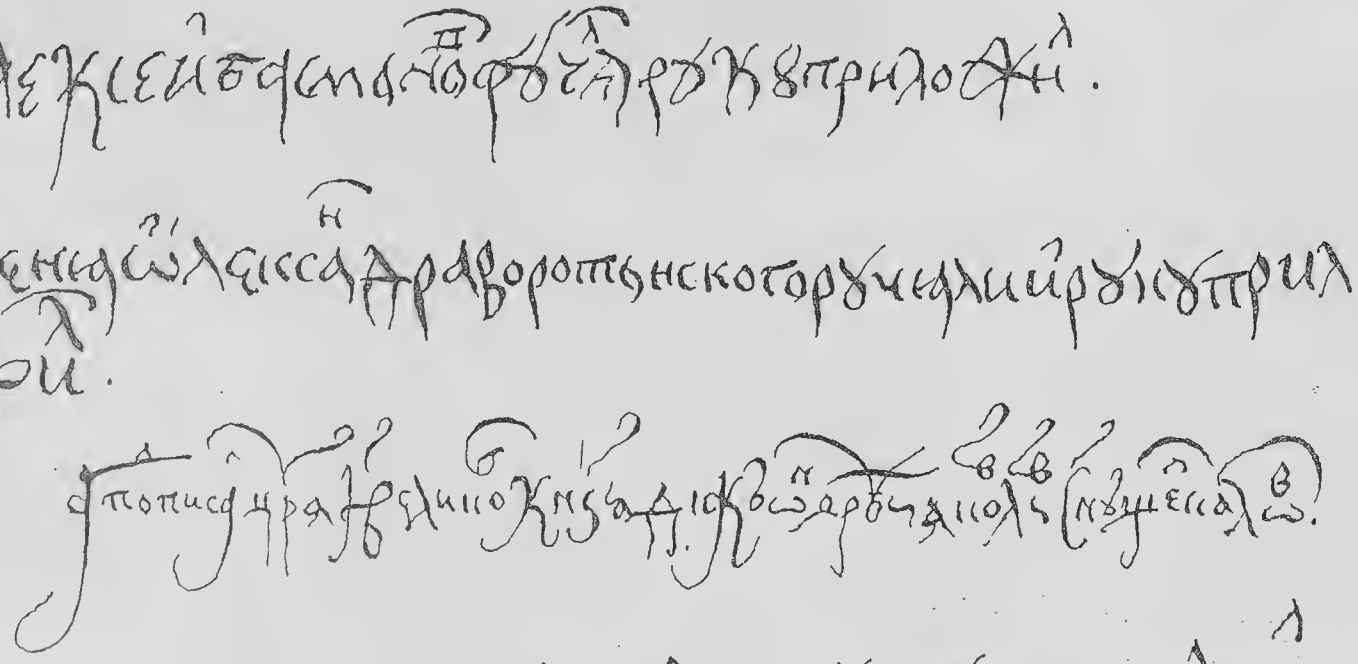
Начались опалы и казни бояръ, которыхъ привозили для пытокъ въ укрѣпленную Александровскую слободу, гдѣ Іоаннъ съ тѣхъ поръ поселился.

Въ это-то страшное время и раздался смѣлый голосъ, не побоявшійся обличить царя во имя Божіей правды. Митрополитъ Филиппъ, происходившій изъ знатнаго рода Колычевыхъ, дѣятельный, всѣми уважаемый пастырь святой жизни, почти



ПЕЧАТЬ ГОСУДАРСТВЕННАЯ МАЛАЯ (ДВОЙНАЯ КОРМЧАЯ) ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ІОАННА IV ВАСИЛЬЕВИЧА 1569 ГОДА.
Печать привѣшена къ жалованной грамотѣ 1569 года, данной игумену Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря Кириллу съ братіею, на принадлежность тому монастырю покупныхъ и вкладныхъ земель, варничныхъ мѣстъ, рыбныхъ ловель и дворовъ Каргопольскаго уѣзда въ Тургасовскомъ станѣ, съ освобожденіемъ монастырскихъ дворовъ отъ всякихъ пошлинъ, а равно отъ суда каргопольскихъ намѣстниковъ во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ душегубства.

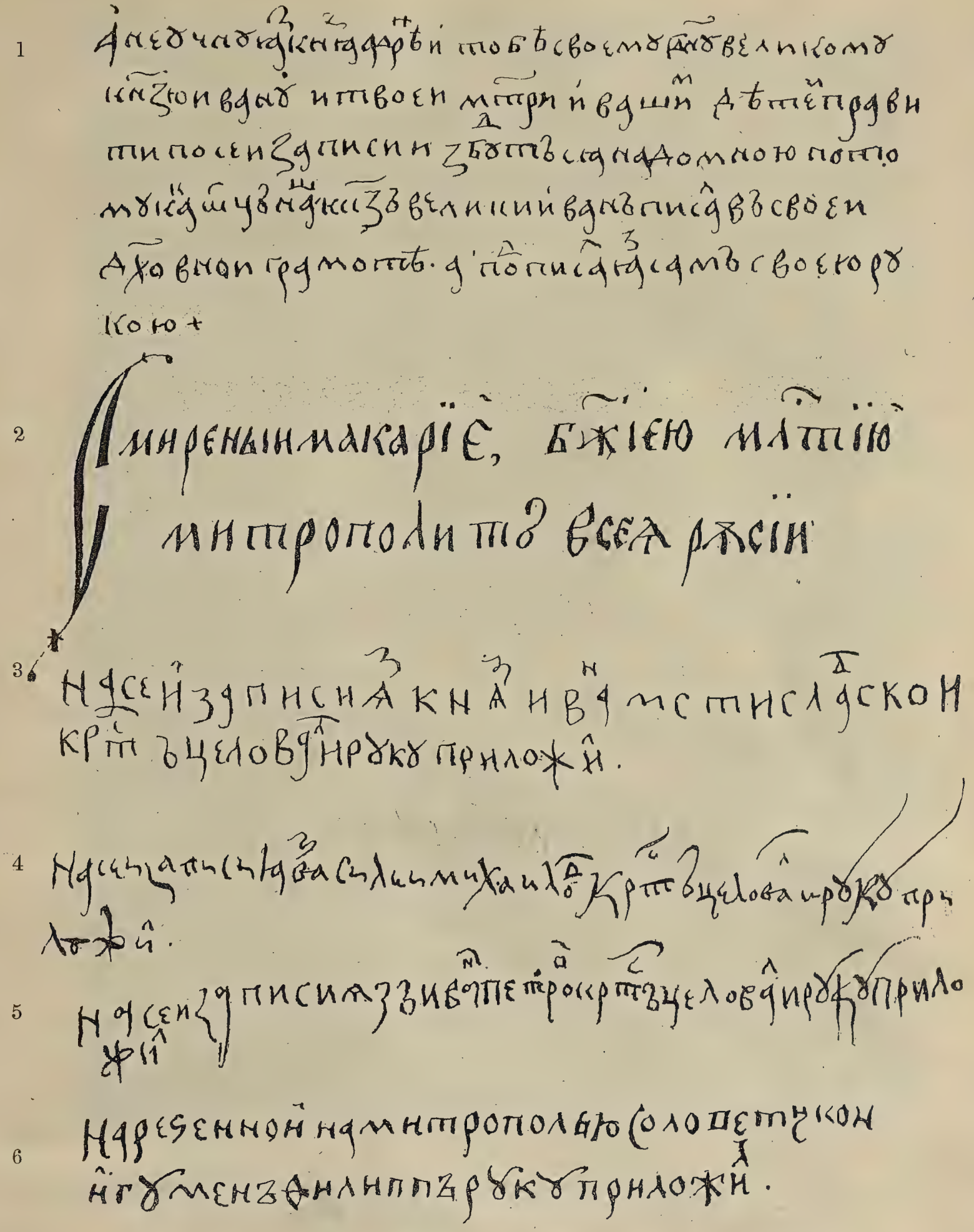
противъ собственной воли поставленный Іоанномъ въ митрополиты, однажды въ соборной церкви всенародно обличилъ царя въ жестокости. Іоаннъ давно гнѣвался на пастыря и подозрѣвалъ его въ доброхотствѣ боярамъ. Но такъ какъ святая жизнь пастыря была извѣстна всему народу, то Іоаннъ еще медлилъ. Наконецъ, послѣ всякихъ клеветническихъ доносовъ Филиппъ былъ низложенъ опричниками и отвезенъ въ заключеніе въ Тверской-Отрочъ монастырь, гдѣ Малюта задушилъ старца въ эпоху кроваваго похода Іоанна на Новгородъ.



ПОДПИСИ ПОДЪ ГРАМОТОЮ ВЪ ВѢРНОСТИ ЦАРЮ ІОАННУ ГРОЗНОМУ И НАСЛѢДНИКАМЪ ЕГО.

1. БОЯРИНА АЛЕКСѢЯ ДАНИЛОВИЧА БАСМАНОВА, СОВѢТНИКА ІОАННОВА ПРИ УЧРЕЖДЕНІИ ОПРИЧИНЫ.—2. КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА ВОРОТЫНСКАГО.—3. ЦАРСКАГО ДЬЯКА АНДРЕЯ ЩЕЛКАЛОВА.—4. БОЯРИНА ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА БОЛЬШОГО-ШЕРЕМЕТЕВА, ПОВѢДИТЕЛЯ КРЫМЦЕВЪ.—5. БОЯРИНА ЛЬВА АНДРЕЕВИЧА САЛТЫКОВА.—6. МИТРОПОЛИТА АѲАНАСІЯ, БЫВШАГО НА МИТРОПОЛИ ВЪ 1565 И 1566 ГОДАХЪ.—7. РОСТОВСКАГО И ЯРОСЛАВСКАГО АРХІЕПИСКОПА НИКАНДРА.

На Руси водворилось полнѣйшее безправіе. Опричники, которые давали присягу служить только одному царю, доносить на измѣнниковъ, не знаться съ земскими людьми, отказаться даже при вступленіи на службу къ Іоанну отъ отца и матери, чтобы служить одному царю — безнаказанно обижали народъ. Не было жестокости, которой они не произвели бы надъ беззащитными земскими, пользуясь своимъ особымъ положеніемъ. Они разъѣзжали по Москвѣ верхомъ, съ собачьими головами и метлами, привязанными къ сѣдламъ въ знакъ того, что грызутъ царскихъ лиходѣевъ и метутъ Россію. Все трепетало передъ ними. Но, несмотря на то, что представители знатнѣйшихъ боярскихъ родовъ погибли уже отъ рукъ опричниковъ, несмотря на казнь двоюроднаго брата Іоанна, Владиміра Андреевича, котораго Грозный считалъ особенно опаснымъ для себя, несмотря на полнѣйшую, рабскую преданность, окружавшую страшнаго властелина, Іоаннъ не успокоивался и продолжалъ брать съ бояръ крестоцѣловальныя записи въ томъ, что они не измѣнятъ царю и не отъѣдутъ въ чужія земли и будутъ вѣрою и правдою служить его наслѣдникамъ. Сохранились нѣсколько образчиковъ такихъ грамотъ. Мало того, что сами бояре давали клятвенныя обѣщанія не измѣнять, царь заставлялъ и другихъ ручаться за нихъ, съ обязательствомъ уплатить въ казну большія деньги въ случаѣ ихъ измѣны.



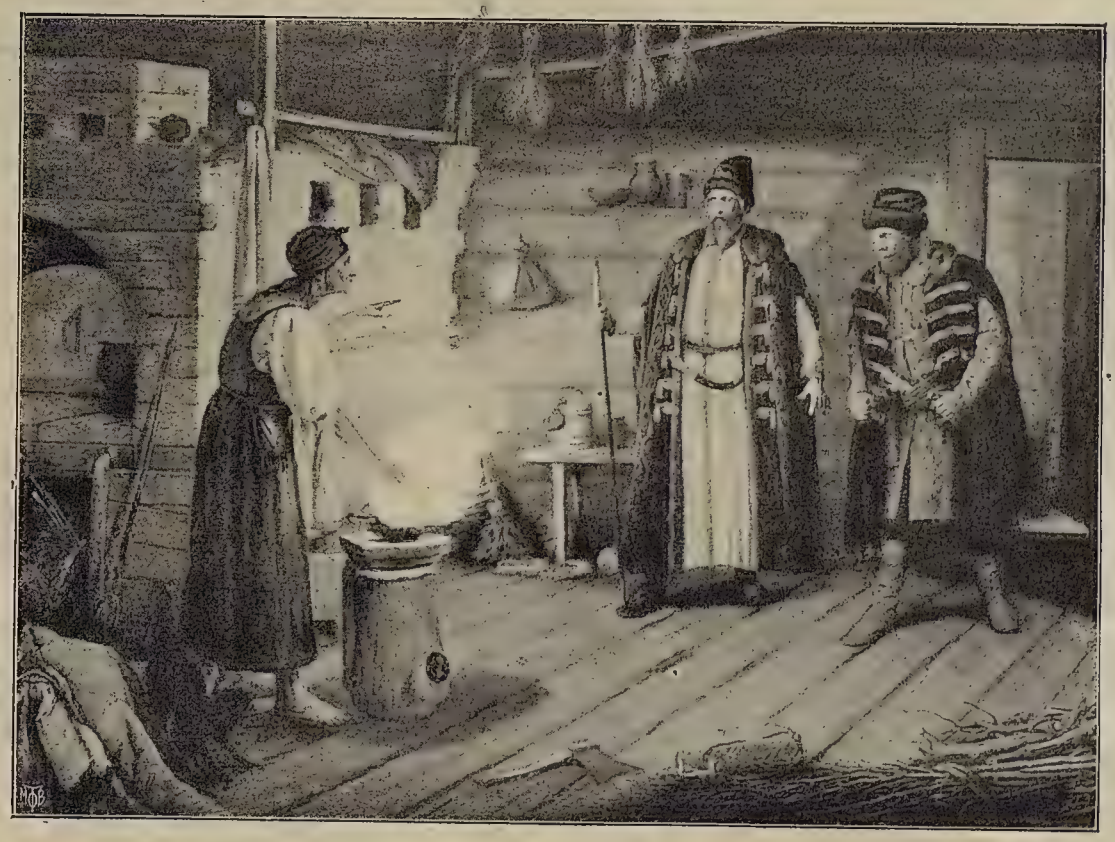
ПОДПИСИ ПОДЪ ГРАМОТОЮ ВЪ ВѢРНОСТИ ЦАРЮ ІОАННУ ГРОЗНОМУ И НАСЛѢДНИКАМЪ ЕГО.

1. КНЯЗЯ АНДРЕЯ ИВАНОВИЧА СТАРИЦКАГО, ДЯДИ ІОАННА ГРОЗНАГО, ПОГИБШАГО ВЪ ТЕМНИЦѢ.—2. МИТРОПОЛИТА ВСЕЯ РУССІИ МАКАРІЯ, ПАСШАГО ЦЕРКОВЬ СЪ 1543 ПО 1565 Г., СТРОИТЕЛЯ ЧЕТЬИ-МИНЕИ, СТЕПЕННОЙ КНИГИ И ПР.—3. БОЯРИНА КНЯЗЯ ИВАНА ѲЕДОРОВИЧА МСТИСЛАВСКАГО, ОДНОГО ИЗЪ ПРАВИТЕЛЕЙ ГОСУДАРСТВА ПО ЗАВѢЩАНІЮ ІОАННА ГРОЗНАГО.—4. ВАСИЛІЯ МИХАЙЛОВИЧА.—5. БОЯРИНА ИВАНА ПЕТРОВИЧА.—6. ИГУМЕНА СОЛОВЕЦКАГО СВ. ФИЛИППА, КОТОРЫЙ ВСТУПИЛЪ НА МИТРОПОЛІЮ ВЪ 1566 Г., А ВЪ 1569 ЛИШЕНЪ САНА, ПОСЛАНЪ ВЪ ЗАТОЧЕНІЕ И ПОТОМЪ УМЕРЩВЛЕНЪ ПО ПОВЕЛѢНІЮ ЦАРЯ ІОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА ГРОЗНАГО.

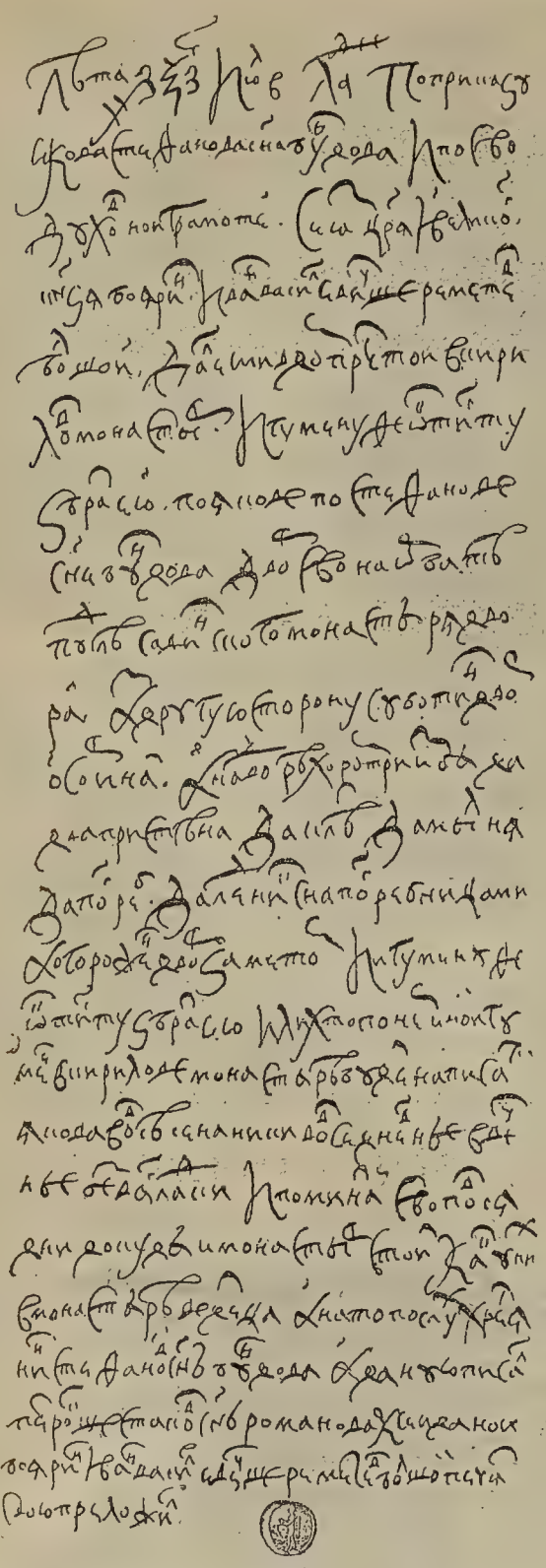
ІОАННЪ ГРОЗНЫЙ И СЫНЪ ЕГО ІОАННЪ 16 НОЯБРЯ 1581 Г.—КАРТИНА И. Е. РѢПИНА ВЪ ТРЕТЬЯКОВСКОЙ ГАЛЛЕРЕѢ.

Послѣдніе годы царствованія Грознаго были самой тяжкой порою въ жизни русскаго государства. Неудачи въ Ливонской войнѣ сильно раздражали царя, попрежнему шли розыски дѣйствительныхъ и мнимыхъ измѣнниковъ, совершались пытки и лютыя казни. Хотя ненавистная всѣмъ опричина и была отмѣнена въ 1572 году, но только по имени. Прежніе любимцы царя Аѳанасій Вяземскій, Алексѣй Басмановъ, правда, погибли, заподозрѣнные въ свою очередь въ крамолѣ, а Малюта былъ убитъ при осадѣ Полоцка, но новые приближенные, не менѣе свирѣпые, смѣнили ихъ. Совѣсть по временамъ просыпалась въ Іоаннѣ со страшной силой, цѣлыми ночами молился онъ и каялся, отбивая до кровавыхъ слѣдовъ на лбу земные поклоны, но его больная воля не слушалась разсудка. Въ ноябрѣ 1581 года въ Александровской слободѣ случилось страшное событіе. Царевичъ Іоаннъ Іоанновичъ сталъ укорять отца, по однимъ извѣстіямъ, за унизительные переговоры съ Баторіемъ, а по другимъ—за обиду своей жены. Іоаннъ, вспыльчивость котораго не знала предѣловъ, не стерпѣлъ грубости сына и со всего размаху ударилъ его своимъ неизмѣннымъ спутникомъ—тяжелымъ и заостреннымъ костылемъ по головѣ. Царевичъ упалъ, обливаясь кровью, и черезъ нѣсколько дней скончался. Царь былъ внѣ себя отъ раскаянія и горя, хотѣлъ даже отказаться отъ царства, нѣкоторое время непрестанно молился, дѣлалъ щедрые вклады на упокой души царевича по монастырямъ и церквамъ.

ІОАННЪ ГРОЗНЫЙ У ТѢЛА УБИТАГО ИМЪ СЫНА.—КАРТИНА В. Г. ШВАРЦА ВЪ ТРЕТЬЯКОВСКОЙ ГАЛЛЕРЕѢ.

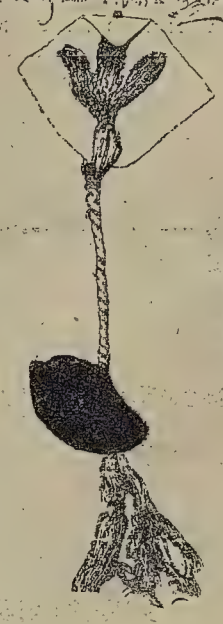


ІОАННЪ ГРОЗНЫЙ И МАЛЮТА СКУРАТОВЪ У КОЛДУНЬИ.—КАРТИНА Д. П. МИТРОФАНОВА.



ОБРАЗЕЦЪ ДѢЛОВЫХЪ БУМАГЪ И ПОЧЕРКА ВРЕМЕНЪ ІОАННА ГРОЗНАГО.

Данная на Бундовъ дворъ Ивана Васильевича Большого-Шереметева отъ 1559 года съ черновосковою печатью Шереметева, на которой изображена Діана, идущая на охоту.



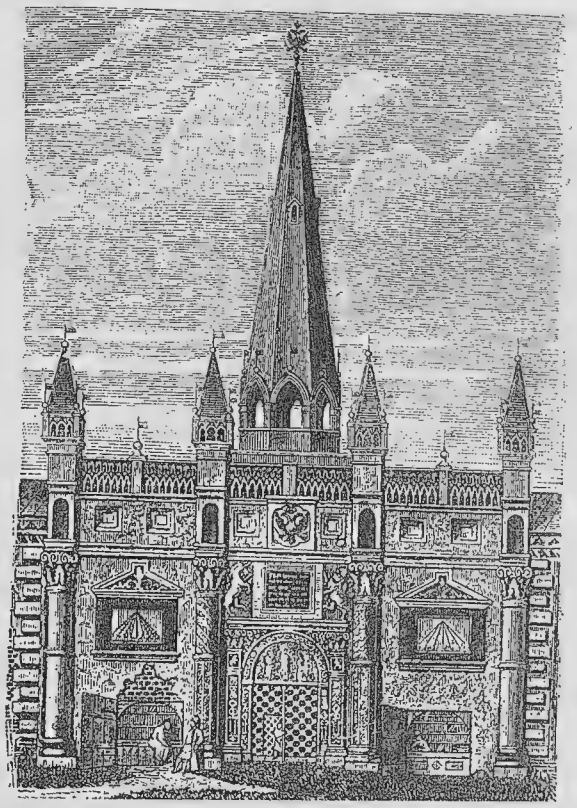
ГРАМОТА ІОАННА ГРОЗНАГО НА ПОЖАЛОВАННУЮ ИВАНУ ВАСИЛЬЕВИЧУ МЕНЬШОМУ-ШЕРЕМЕТЕВУ ВЪ 1560 ГОДУ БОРИСОГЛѢБСКУЮ ВОТЧИНУ.

ІОАННЪ ГРОЗНЫЙ ВЕРХОМЪ, ОДѢТЫЙ ПО-ТУРЕЦКИ, СЛѢВА И СПРАВА ЦАРСКІЕ ПАЛАЧИ, А ЗА НИМИ ТОЛПЫ МУЖЧИНЪ, ЖЕНЩИНЪ И ДѢТЕЙ, ПРИГОВОРЕННЫХЪ КЪ СМЕРТИ.

Гравюра на деревѣ изъ книги: «Johann Hoff Erscreckliche, greuliche und unerhörte Tyranney Iwan Wasilowitz. 1581 г.».

Anno M. D. LXXXI.

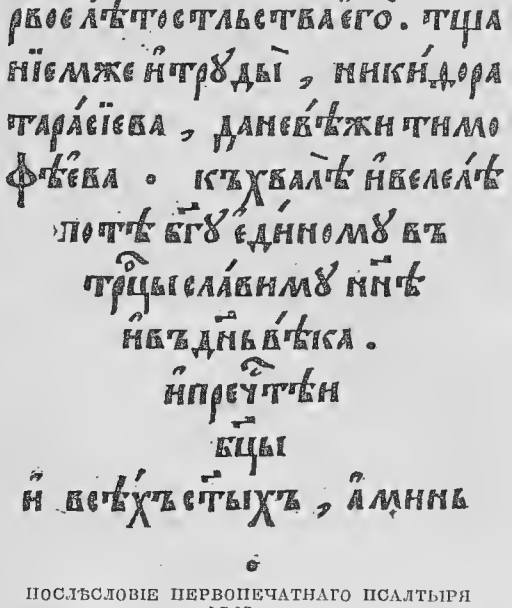
ПЕРВЫЙ ЛИСТЪ ДѢЯНІЙ ИЗЪ «АПОСТОЛА» (ПЕРВОПЕЧАТНАГО) 1564 г.



ФАСАДЪ ДРЕВНЯГО ПЕЧАТНАГО ДВОРА ВЪ МОСКВѢ, СЪ ДВУМЯ КНИЖНЫМИ ЛАВКАМИ (СНИМОКЪ СЪ СТАРИННОЙ ГРАВЮРЫ).

СТРАНИЦА ЧАСОВНИКА (ПЕРВОПЕЧАТНАГО) 1565 г.

СВ. ЕВАНГЕЛИСТЪ ЛУКА, ИЗЪ «АПОСТОЛА» (ПЕРВОПЕЧАТНАГО) 1564 г.



ПОСЛѢСЛОВІЕ ПЕРВОПЕЧАТНАГО ПСАЛТЫРЯ 1568 г.

СТРАНИЦА ПЕРВОПЕЧАТНАГО ПСАЛТЫРЯ 1568 г.

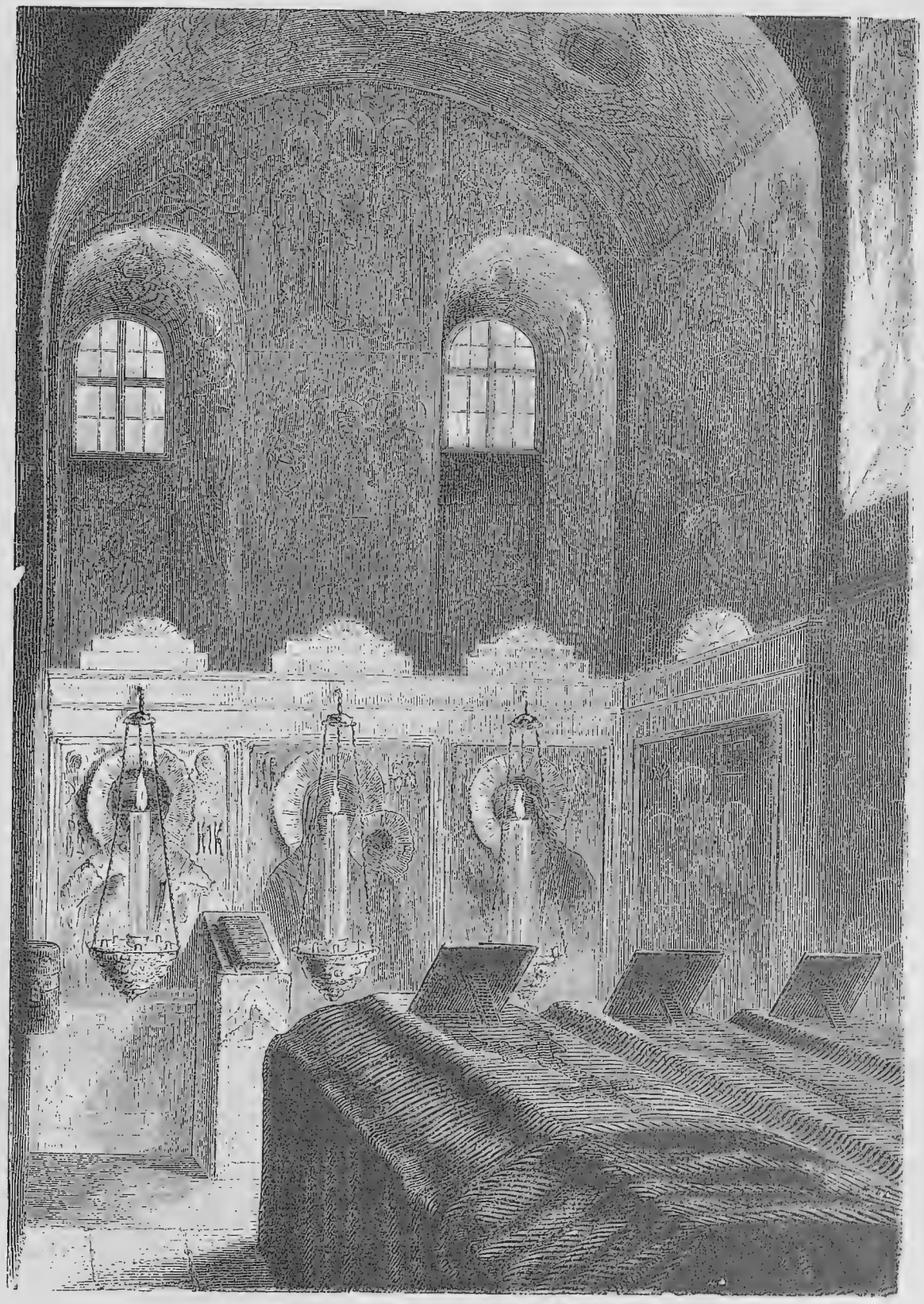
Управленіе государствомъ шло въ эти послѣдніе годы жизни Іоанна вполнѣ безпорядочно. Многія благія преобразованія, затѣянныя Іоанномъ въ его свѣтлую пору, погибли безъ слѣда. Такъ рухнуло между прочимъ затѣянное Іоанномъ послѣ завоеванія Казани дѣло книгопечатанія. Когда въ новозавоеванной землѣ стали строить христіанскія церкви, для нихъ потребовалось много богослужебныхъ книгъ, которыя и стали скупать по приказанію царя. Оказалось, что многія изъ нихъ никуда не годились: были полны пропусковъ, ошибокъ, искаженій всякаго рода. Тогда царь задумалъ завести

ГЕРБЪ ЛЬВОВА И ИВАНА ѲЕДОРОВА НА «АПОСТОЛѢ» 1574 г.

ГЕРБЪ ИВАНА ѲЕДОРОВА НА НОВОМЪ ЗАВѢТѢ 1580 г.

въ Москвѣ книгопечатаніе, утвердившееся тогда на западѣ, уже сто лѣтъ тому назадъ. Построили въ Москвѣ типографію, или «печатный дворъ», а въ мартѣ 1561 года появилась въ Москвѣ первая печатная книга «Дѣянія Апостольскія». Но первые московскіе печатники, Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Тимофеевъ Мстиславецъ, уже спустя годъ, обвинены были въ ереси и порчѣ книгъ и должны были бѣжать изъ Москвы, и печатное дѣло въ Москвѣ совершенно опустилось, такъ что не могло даже вытѣснить изъ употребленія безграмотныхъ рукописныхъ книгъ.

СМЕРТЬ ІОАННА ГРОЗНАГО.—КАРТИНА К. Е. МАКОВСКАГО ВЪ МУЗЕѢ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.



ГРОБНИЦЫ ІОАННА ГРОЗНАГО И ЕГО СЫНОВЕЙ ВЪ АРХАНГЕЛЬСКОМЪ СОБОРѢ.

Невоздержная жизнь, которую Грозный велъ въ Александровской слободѣ, неудачное окончаніе Ливонской и шведской войнъ, постоянныя угрызенія совѣсти, не дававшія ему покоя въ послѣдніе годы его жизни, въ конецъ расшатали его здоровье. Смерть сына оживила въ его памяти картины пытокъ и казни тысячъ людей, погибшихъ подобно царевичу отъ его неразумнаго гнѣва, и онъ въ часы мучительной безсонницы усиливался припомнить жертвъ своихъ по именамъ, составлялъ синодики—поминальныя записи; два такихъ синодика сохранились въ Кириллo-Бѣлозерскомъ монастырѣ; общій итогъ всѣхъ погибшихъ доходитъ въ нихъ до 3470 душъ.

Въ 1583 году Іоаннъ окончательно разболѣлся: у него стали гнить внутренности и пухнуть тѣло. Во время его болѣзни на небѣ показались новыя кометы. «Это знаменіе моей смерти!»—воскликнулъ царь и измѣнился въ лицѣ. Иностранные доктора напрасно старались вылѣчить Іоанна. Въ Москву привезли со всѣхъ сторонъ русской земли волхвовъ гадать о томъ, выздоровѣетъ-ли царь. 18 марта 1584 г., послѣ теплой ванны, Іоаннъ почувствовалъ себя лучше и даже расположился-было, сидя на кровати, сыграть съ Бѣльскимъ въ шахматы, какъ вдругъ упалъ на постель безъ дыханія. Напрасно хлопотали врачи надъ бездыханнымъ тѣломъ. Явился митрополитъ и сталъ поспѣшно совершать надъ Іоанномъ обрядъ постриженія, нарекая царя Іоною.

Раздался ударъ соборнаго колокола, и Москва узнала, что грознаго царя нѣтъ на свѣтѣ.

РѢШЕТКА ЦАРСКОЙ ГРОБНИЦЫ ВЪ АРХАНГЕЛЬСКОМЪ СОБОРѢ ВЪ МОСКВѢ.

ЦЕНТРАЛЬНОЕ КНИГОХРАНИЛИЩЕ
Моск. Обл. Библиотеки